АЛЕКСАНДР ДУГИН
КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

https://web.archive.org/web/20070928011629/http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=20

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые в настоящем сборнике статьи написаны между 1991 и 1993 годами. Все они были напечатаны либо в газетах и журналах "патриотической" ориентации, либо в книгах издательства "Арктогея". Все статьи посвещенны совершенно различным темам - от самых конкретных политико-экономических вопросов современной жизни русского общества до самых отвлеченных проблем метафизики, религии и метаидеологии. Несмотря на такое многообразие тем все тексты объединены общим мировоззрением, которое полностью соответствует названию данного сборника - "КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ". Это мировоззрение - не абстрактное, чисто индивидуальное построение, но и не законченная и исторически завершенная идеологическая форма. Оно не является готовой моделью, но и не может быть сведено к фантастическому волюнтаристическому проекту. "КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" имеет свою историю, но в то же время она полностью открыта для политического творчества, устремленного в будущее.

Все статьи, публикуемые здесь, можно в целом разделить на две категории - на метафизические и политические. Однако КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ по определению является такой идеологией, которая обязательно совмещает в себе оба этих уровня, причем в отличие от многих других идеологий метафизический уровень здесь не просто интуитивно предвосхищается, но кристально ясно осознается. Данный сборник является последней логической ступенью применения к нашей политической и социальной ситуации комплекса традиционных доктрин, связанных с метафизикой, эсхатологией, символизмом, сакральной географией и конспирологией. Он замыкает собой изложение основных принципов Интегрального Традиционализма, которое мы

начали в книгах "Пути Абсолюта", "Мистерии Евразии", "Гиперборейская теория" и "Конспирология". Все вместе эти пять книг охватывают тот спектр проблем, который, на наш взгляд, является самым актуальным в той драматической и эсхатологической ситуации, в которой находятся сегодня Россия и Русский Народ. Данный сборник посвящен темам, наиболее близким к непосредственной политической реальности, и поэтому в нормальной иерархической пропорции он занимает последнее место. Но с точки зрения политической реализации, напротив, он может оказаться самым важным. Как бы то ни было, тому, кто захочет получить полное представление о наших взглядах на самые существенные аспекты метафизики, традиции, идеологии и т.д., следует обратиться ко всем пяти работам, которые логически связаны между собой и во многом дополняют друг друга.

Следует сразу подчеркнуть, что сборник не содержит никаких готовых программ или рецептов, не претендует на то, чтобы объяснить все сложные и полные драматического значения феномены, которые происходят сегодня в мире и в нашей стране. Мы лишь выделяли то, что, с точки зрения Традиции, является наиболее важным, и намечали контуры возможных решений, указывали путь и вероятные границы для грядущего духовного и идеологического развития. Вопросов в этом сборнике намного больше, чем ответов. Каждый текст предполагает дальнейшую разработку, которую либо мы сами постараемся осуществить в дальнейшем, либо это сделают наши единомышленники, либо в этот процесс включатся также и те, кто, не разделяя полностью наших позиций, заинтересованы, однако, отдельными сторонами традиционалистского и консервативно-революционного мировоззрения. Как бы то ни было, эта книга является для нас лишь наброском того фундаментального труда, написать и реализовать который не под силу ни одному человеку, ни даже целой группе специалистов. - Это задача для всей нации, так как КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ является не просто индивидуальным пожеланием, но историческим, религиозным и этическим императивом нашего Народа перед лицом того вызова, который бросает нам заключительная фаза цикла человеческой цивилизации.

Необходимо добавить несколько слов относительно использования некоторых политических терминов, которые в разных статьях могут иметь несколько различное значение. Самая большая двусмысленность заключается, пожалуй, в использовании категории "правые". Остановимся на этом несколько подробнее. С точки зрения Интегрального Традиционализма, единственной адекватной позицией при применении принципов Сакральной Традиции к современной политической реальности в нормальном случае является позиция, которую часто называют "крайне правой". Это легко понять. - Интегральный Традиционализм считает, что истинные социальные пропорции наличествуют лишь в сакральной цивилизации, основанной на принципах духовной иерархии, на главенстве жреческого, религиозного начала надо всеми сторонами жизни и на концентрации светской власти в руках единого Властелина, получившего на то религиозную санкцию от духовных религиозных институтов. Кроме того, нормальной, по мнению традиционалистов, является только та цивилизация, которая основана на примате Качества над количеством, Идеи над эгоистическими интересами, Духа над материей. Но социальная история движется в прямо противоположном от этого идеала направлении - от теократии к светскости, от монархизма к эгалитаризму, от духовной и имперостроительной дисциплины к апологетике комфорта и индивидуального благополучия. "Крайне правыми" на политическом уровне принято называть тех, кто противится такому ходу социальной истории, стремясь сохранить, а если надо, то и восстановить, сакральные пропорции, иерархию, духовный строй вопреки силам "субверсии" и "деградации".

Но с другой стороны, процесс социального упадка в наше время зашел так далеко, что нормы подлинно сакральной цивилизации практически совершенно скрылись из виду, растворились в далеком прошлом, отделенном от нас, от актуального человечества стеной

непонимания, забвения, безразличия. Исторически досягаемыми остались только те формы, которые сами в себе несут либо тлен и разложение, либо бациллы нигилистического модернизма. Поэтому часто "крайне правое" на политическом уровне является слишком "левым" для подлинного традиционалиста, так как весь спектр политических позиций безвозвратно смещается в сторону, противоположную сакральным нормам. В какой-то момент "консерватизм" вообще перестает коррелироваться с подлинным традиционализмом, теряет связь с сакральным и превращается в безобидный придаток антитрадиционной политико-идеологической системы. В такие периоды Интегральный Традиционализм однозначно смыкается с Революцией, со всеми теми политическими силами, которые противостоят (неважно, по каким соображениям) ветхой и противоестественной системе. Таким образом, традиционалисты от "крайне правой" позиции могут перейти к "крайне левому", революционному, и даже "социалистическому" и "коммунистическому" крылу, оставаясь при этом предельно последовательными и логичными в своих поступках. "Революции, говорил Мюллер ван ден Брук, надо не подавлять, а использовать и возглавлять".

Учитывая это пояснение, станет понятным, почему в отдельных случаях термин "правый", "крайне правый" берется нами в позитивном смысле, т.е. как синоним политически выраженного "интегрального традиционализма", (и тогда вы имеем в виду "идеальное" политическое пространство), а в других случаях, мы солидаризуемся с Революцией, которая под "правыми" понимает лишь носителей архаизма, реакционности, косности и инерции, воплощающих в себе "консервацию" самого антитрадиционного духа современного мира. Кроме того, мы живем в эпоху, стремительного развития политических реальностей, когда многие подспудные и непроявленные ранее политические и идеологические аспекты открываются нам в новом, подчас, неожиданном свете. В частности, несмотря на откровенно анти-традиционную направленность марксистских, "коммунистических" идей, при столкновении с либерально-капиталистической идеологией и с особенно с ее высшей формой - мондиализмом - даже "коммунизм" обнаруживает свои позитивные, а значит, "традиционалистские" черты, как бы парадоксально и неожиданно это ни казалось на первый взгляд.

Важно заметить, что, какие бы аспекты существующих политических систем - как "правых", так и”левых” - ни использовали "консервативные революционеры", их позиция остается совершенно непоколебимой, законченной и внутренне последовательной, так как Традиция является земным и временным воплощением Вечного, и те, кто верен Традиции, соучаствуют в ее Вечности. Ведь "вечность, - как писал Мюллер ван ден Брук, - на стороне консерватора".

В текстах наличествуют некоторые ссылки на конкретную политическую ситуацию, которая с тех пор могла значительно измениться. Мы предпочли отставить их без изменения, так как многие политические события сами по себе являются символичными, а равным образом, символичной является и реакция на них со стороны консервативных революционеров. Статьи являются документами эпохи, а содержащаяся в них метаполитическая идея всегда может быть восстановлена во всей своей чистоте и приведена к архетипическому состоянию путем несложной исторической работы, тем более, что мы имеем дело с совсем недавним прошлым. Хотя некоторые персонажи, упоминаемые в тексте, уже за этот короткий срок канули в политическое небытие, выполнявшиеся ими функции остаются актуальными и сегодня, хотя имена и поменялись. Мы предпочли оставить без изменения некоторые полемические выражения, связанные с исторической конкретикой момента, вместо того, чтобы исправлять текст в более отвлеченном и теоретическом духе. - Важно учитывать не только как были сформулированы некоторые традиционные идеи, применительно к актуальной ситуации, но и в каких условиях это было сделано, и на какой контингент читателей мы ориентировались. Некоторые "патетические" пассажи, действительно, в чисто

доктринальном контексте представляются "излишними", но они были совершенно необходимы и оправданы в процессе патриотической борьбы.

Часть I. КОНТУРЫ ИДЕОЛОГИИ

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ - ТРЕТИЙ ПУТЬ

О нашем подходе

В наше время в России бесспорно происходит глобальное возрождение интереса к сфере политических идей и идеологий. Однако специфика коммунистического эксклюзивизма предшествующих десятилетий сделала современную политическую картину нашего общества чрезвычайно запутанной и противоречивой. Беспристрастный анализ политических идеологий сегодня является насущной необходимостью. Мы надеемся, что рано или поздно термины “правые” и “левые” приобретут у нас их нормальный смысл, свободный от эмоций и демагогических фигур политической пропаганды. В данной же работе мы хотим осветить в самых общих чертах историю особой идеологии, которую нельзя причислить ни к разряду правых, ни к разряду левых. Причем такая особенность — не только следствие относительности самих концепций “правые” и “левые”, но она определяет саму сущность этой идеологии. Наиболее распространенными названиями этой идеологии являются такие определения как “Третий Путь”, “Консервативная Революция”, “Третья Позиция” и т.д. Ниже мы постараемся выделить основные принципы данного направления в политической, социальной и экономической сферах. Поскольку эта тема является чрезвычайно обширной и совершенно неизвестной современной русской публике, то нам придется ограничиться в этой статье самыми общими соображениями. Мы хотим лишь привлечь внимание к данной теме и указать определенные исторические и интеллектуальные ориентиры для ее исследования. С самого начала подчеркнем, что нас принципиально не интересует так называемая “моральная” сторона вопроса, связанного с Консервативной Революцией, так как любая идея может быть дискредитирована в ходе ее реализации, а сама сфера политической жизни по определению не свободна от пропагандистского очернения правящей идеологией тех доктрин, которые ей враждебны, при чем в данном случае чаще всего используются аргументы не интеллектуального, а эмоционального или сентиментального порядка. Сколько бы кровавых преступлений ни совершили “коммунисты”, “капиталисты” или “фашисты”, их идеологические концепции должны быть разобраны объективно, беспристрастно и без всякого “партийного” пафоса, если, конечно, мы хотим понять эти концепции и объяснить их другим, а не “разоблачить” или “опровергнуть” их, что входит в задачи агитаторов или пропагандистов, но не исследователей.

Предыстория Третьей Позиции

Как и все остальные сугубо современные политические идеологии концепция Консервативной Революции стала складывать после Французской Революции, как один из возможных ответов на нее, как особая реакция. Именно Французская Революция была и остается пробным камнем и мерилом идеологической позиции тех или иных политических деятелей вплоть до сегодняшнего дня. Левые — от умеренных, до крайних — либо продолжают, либо радикализируют, доводят до предела те тезисы, которые впервые проявились в исторической и социальной действительности в Европе конца 18-го века вместе с этой Революцией. Правые —тоже от умеренных, до крайних — либо пассивно противятся тенденциям левых, либо настаивают на защите и сохранении тех

ценностей, которые Французская Революция стремилась ниспровергнуть любым способом. Предтечи же Третьего Пути сделали из этой Революции свой собственный вывод. В отличии от обычных правых "консервативные революционеры" не отрицали глубинного кризиса в политическом и социальном пути Европы, не утверждали бузусловной ценности дореволюционного порядка. Они вопреки правым полагали, что кризис этот не просто продукт внешнего, постороннего воздействия (шедшего от анти-христианских, анти-монархических и анти-европейских сил, собирательно квалифицируемых как "масонство" или "пара-масонство"). Этот аспект Третьего Пути сближает эту идеологию с левыми, также настаивающими на неадекватности, сущностной неудовлетворительности и порочности до-революционной централистски-монархической модели. Кроме того, там где левые (в частности, крайне левые) выступают против конформизма Третьего Сословия, против "буржуазного строя", против капиталистического централизма, там "консервативные революционеры" еще ближе к ним, еще солидарнее с их нонконформистской критикой в социальной, культурной и экономической сфере. Но схожесть с левыми в оценке кризисного положения дел в до-революционном порядке, не предполагает ни коим образом единодушия в определении положительной ориентации, призванный этот кризис преодолеть. Напротив, если левые стремятся радикализировать тезисы Свободы, Равенства и Братства, перенеся их на самые широкие и самые нижние одновременно социополитические реальности, то "консервативные революционеры" настаивают на прямо противоположном подходе и, напротив, стремятся вернуться к такому порядку, который предшествовал не только Революции, но и возникновению причин, к ней приведших. В этом смысле, сторонники Третьего Пути являются намного более правыми, чем сами правые. Но все же "консервативных революционеров" нельзя отождествить и с "крайне-правыми", так как все разрастающаяся бездна между кризисным послереволюционным и кризисным дореволюционным миром с одной стороны и идеальным некризисным, предкризисным миром Традиции с другой стороны, делает совершенно неизбежным не "консерватизм", не сохранение (даже самое отчаянное) прежнего, но именно Революцию, тотальную, всеобновляющую, радикальную, но ориентированную, однако, в направлении, прямо противоположном Революции левых.

Именно таким был парадоксальный вывод Третьего Пути из уроков европейской истории XVIII-го века. Эти темы начинают проглядывать уже у самих радикальных консерваторов, беспощадных критиков Французской Революции, таких как Жозеф де Мэстр, Луи Бональд и Доносо Кортес. Показательно, что все они, прежде чем прийти к тотальному отрицанию левых идей, прошли через периоды увлечения ими, и это свидетельствует о том, что они прочувствовали глубину социально-политического кризиса изнутри, осознали весь его объем. И не случайно уже эти классики консерватизма призывали к фундаментальному пересмотру правых ценностей в смысле их предельной и почти революционной радикализации.

Более ясно концепция Третьего Пути формируется у русских славянофилов. Сам термин "Революционный Консерватизм" впервые употребил Ю.Самарин в 1875 году. Такое определение охотно использовал и Ф.Достоевский для характеристики своих собственных взглядов. В принципе почти все русские славянофилы, вплоть до Леонтьева и Данилевского, прекрасно вписываются в рамки Третьего Пути, так как все они почти в равной степени противостояли как левым западникам, так и постпетровским правым, за что, кстати, и подвергались гонениям со стороны тогдашней Системы. Для русских "консервативных революционеров" барьером, отделяющим их собственный идеал от кризисного и недостаточного (хотя и правого, консервативного) режима, были Петровские реформы. Но надо все же заметить, что анти-петровские тенденции русских славянофилов интеллектуально смогли оформиться только после Французской Революции, а не раньше. Надо признать, что до этого Третьего Пути в России не было, и реакция против петровских времен в 18-ом веке законченного интеллектуального и идеологического

выражения не нашла. Любопытно заметить, что почти всегда тематика Консервативной Революции определенным образом связана с Россией, которая неизменно остается неким вдохновляющим символом для сторонников Третьего Пути, неким гео-политическим и историческим ориентиром. Характерно, что важнейшая книга самого Жозефа де Мэстра называется "Вечера в Санкт-Петербурге". На чисто теоретическом уровне можно сказать, что концепция "Третьего Пути" почти всегда так или иначе коррелирована с концепцией "Русского Пути". Все исследователи этой темы без исключения отмечают обязательную руссофилию "консервативных революционеров", хотя почти никто не дал этому исчерпывающего объяснения. Здесь важно подчеркнуть, что особую роль в этом имеет гео-политическая особенность России и ее историческая судьба, так как наиболее распространенный гео-политический тезис "Третьего Пути" может быть сформулирован как "ни Восток, ни Запад", что равнозначно отказу как от "просвещенной", "атлантической", "секуляристской" тенденции, так и от социальных архаизмов.

Яркие предтечи Третьего Пути были, само собой разумеется, и в Германии, так как сам национальный архетип немецкой души и гео -политическая позиция немцев делают их, подобно русским, ниаболее предрасположенными для подобной идеологии. Начиная с Фихте, Гердера, Арндта, Яна, романтиков и кончая гениальным синтезом Ницше — Германия разработала обширную базу Третьего Пути, подготовила и вычленила основные принципы Консервативной Революции. Можно сказать, что немецкий Третий Путь развивался параллельно русскому, и между обоими течениями в XIX-ом веке существовала тесная духовная и интеллектуальная взаимосвязь, не зависящая от конкретики чисто политических и дипломатических условностей. Германский фактор в Консервативной Революции крайне важен и по чисто гео-политическим соображениям, так как немцы по сравнению с остальными европейскими народами имеют больше оснований для разотождествления с сугубо западным, "атлантическим" путем развития, который собственно и привел Европу к Французской Революции и к Революции вообще. В этой перспективе конфликт центрально-континентальной Германии с "атлантическими" Францией и Англией с одной стороны, а с другой стороны, безусловная "не-восточность" европейских немцев, делали "почвенный германизм" логическим синонимом Третьего Пути в сугубо европейском, западном гео-политическом пространстве.

От теории к практике

Полноценное развитие Консервативная Революция получила в XX-ом веке, когда идеи Третьего Пути из сферы философско-публицистической стали переходить на уровень социальных движений, политических партий, экономических трансформаций и восстания масс. Здесь интеллектуальная сторона прочно сопрягается с социальными движениями, гражданскими войнами, революциями, и идеологическая и гео-политическая борьба приобретает тотальный характер. Стремительные и подчас очень сложные социальные процессы захватывают целые народы и континенты, и вихрь истории сильно путает идеологическую определенность и относительную стройность, характерную для более спокойного и понятного XIX-го века. Для исследователей идеологий XX-ый век представляет собой крайне непростую загадку, где во мгновение ока правое становится левым, а левое правым, где гео-политические тенденции постоянно меняют свой характер, где противоположности подчас парадоксальным образом совпадают, но только для того, чтобы породить новые и еще более радикальные протовоположности. И однако мы не думаем, что идеологический хаос нашего столетия является совершенно недоступным пониманию. Более того, за всеми событиями и трансформациями проступает определенная логика, постичь которую трудно, но все же возможно. Наиболее действенным инструментом для такого понимания, на наш взгляд, является выделение в качестве идеологических архетипов не двух полюсов — правые и левые, но трех — правые, левые и Третий Путь. Причем Третий Путь отнюдь не является простым

эклектическим смешением элементов правой и левой идеологий, как это часто представляют современные политологи. Это — совершенно самостоятельное мировоззрение, Weltanschauung, которое также глубоко коренится в социальных, экономических, писхологических и даже психиатрических глубинах человеческого общества, как и правые и левые идеи. Консервативная Революция, подчеркнем еще раз, не является также и синтезом двух других идеологических тенденций, не является Центром, который всегда относителен и складывается из наложения или равновесного сочетания конкретных правых и конкретных левых сил, действующих в рамках определенного социума. Но это в то же время и не маргинальный нигилизм периферийных меньшинств, заряженных негативизмом и анархизмом. Третий Путь может быть и разрушительным и конструктивным, и парламентским и тоталитарным, и элитарным и массовым, короче точно таким же как и все варианты правой и левой идеи.

Можно сказать, что в нашем столетии Третий Путь и сопряженная с ним концептуальная сторона становится важнейшим социально-политическим фактором, во многом определяющим для политической картины цивилизации. Явные элементы Третьего Пути мы встречаем в русских революциях, где народники, а потом правые эсэры, на практике реализуют его экстремистский вариант. В самом русском большевизме, как это ни парадоксально, легко можно обнаружить многие отнюдь не левые мотивы, также имеющие прямое отношение к “консервативной революции” (в частности, все то, что принято называть русским “национал-большивизмом” от сменовеховцев до сегодняшних нео-сталинистов). Итальянский фашизм в его ранние периоды, а также во время существования Итальянской Социальной Республики на севере Италии (Республика Сало), почти целиком основывался на принципах Консервативной Революции. Но наиболее полным и тотальным воплощением (хотя надо признать, что и не самым ортодоксальным) Третьего Пути был германский национал-социализм. В принципе, само слово сочетание “национал -социализм” имеет явно “консервативно-революционный” характер, так как подобное объединение правой концепции национализма с левой концепцией социализма в понимании идеологов этой партии и было призвано подчеркнуть то, что речь идет именно о Третьем, ни правом и ни левом, Пути. Но вместе с тем Третий Путь проявился и в других глобальных гео-политических явлениях, таких как различные формы “исламского социализма” в арабских странах, в Исламской Революции в Иране и в определенных аспектах государства Израиль, где также преобладает органическое сочетание архаических, правых ценностей с революционными левыми методами и социально-экономическими формациями. Строго говоря, Третий Путь нельзя отождествить ни с фашизмом, ни с национал-коммунизмом, ни с национал-социализмом, ни с израильской моделью, ни с исламским социализмом. Все эти политические реальности суть вариации единого идеологического прообраза, единой прото-идеологии, которая стоит за всеми ними и проявляется в той или иной конкретной форме в зависимости от расовой, религиозной, исторической, национальной, географической или культурной специфики. На внешнем уровне различные модели Третьего Пути могут приходить с друг другом в серьезный конфликт и на словах опровергать тезисы своих сиюминутных противников, но этот ничего не меняет в их идеологической близости, в их происхождении из единого архетипического корня.

Ниже мы перечислим некоторые культурные и политические движения, которые полнее всего соответствуют определению “Консервативная Революция” и которые часто оставались в тени иных, глобальных социальных реальностей, будучи, тем не менее, намного более полноценными и последовательными с концептульной точки зрения. В начале мы разберем европейские типы Третьего Пути до 1945-го года, потом те, которые сложились после 1945-го, так как эта дата является переломной в судьбе европейской (мы подчеркиваем это) Консервативной Революции, когда период тотального и открытого существоания этой идеологии сменился “эпохой катакомб”. Важно при этом заметить, что в Третьем Мире, напротив, парадигма Третьего Пути стала реализоваться на

политическом и социальном уровне сразу же после 1945-го. Тогда же произошла и окончательная победа еврейской Консервативной Революции (самым ярким и последовательным теоретиком и практиком которой был Жаботинский).

Фаши Италии

Ранний фашизм развивался здесь в полном согласии с основной логикой Третьего Пути. Либеральному, демократическому, чисто капиталистическому режиму, находящемуся в полусговоре с бессильной и недееспособной монархической властью, а также марксистским и анархистским тенденциям, итальянские фашисты противопоставляли на уровне идеологии ценности Римской Традиции, сильное централизованное государство, национализм, вождизм, героический романтизм, воспевавший любовь к подвигу ради него самого, вкус смерти в бою, строгость иерархии и т.д. — Эти принципы были намного более правыми, нежели скромные тезисы тогдашних крайне правых консерваторов, в большинстве своем бывших монархистами по убеждению, но не имевших при этом ничего против либерализма, капитализма и конституционной демократии. С другой стороны, в экономике фашизм предполагал радикально анти-капиталистический подход, реализовавшийся, в конце концов, в форме знаменитого корпоративизма, установившего коллективную, артельную собственность на средства производства и участие работающих в доходах предприятия. Идеи социальной справедливости и аппеляция к низшим слоям населения, которым гарантировалась работа, пособие, защита экономических прав — все это было довольно левым в фашистском идеологическом комплексе. Левой была в большинстве своем и культурная тенденция раннего фашизма, связанная с авангардным искусством, футуризмом, модернизмом и т.д. К представителям Третьего Пути в экономике следует отнести и учетелией Муссолини — знаменитых экономистов Парето и Моска, разработавших принцип “качественной справедливости”, т.е. иерархического устройства экономической модели общества, с учетом не количества, но качества выполняемых работ(что одинаково чуждо как рыночной, так и марксистской экономике). В культуре Италии Третий Путь наиболее полно воплотился в творчестве Пиранделло, Папини, Маринетти, д’Аннунцио, Малапарте и т.д.

Итальянский фашизм особо акцентировал этатистский, государственный характер движения, и именно этот аспект менее всего соответствовал собственно консервативно-революционной идее. Дело в том, что централистское государство, и вообще современное государство как таковое , чья история начинается с Французского Королевства Филиппа Прекрасного и через протестантскую Англию доходит до своего заключительного воплощения в якобинской модели, последовательные идеологи Третьего Пути всегда рассматривали как основную причину кризиса подлинно Традиционного Порядка. Поэтому централистское государство — неважно, монархическое или буржуазное — рассматривалось ими как нечто сугубо негативное. Подлинные консервативные революционеры ратовали за сверхнациональную и полицентрическую Империю, сцементированную не ригидной административной бюрократией, но единством духовной Традиции, (в случае западного Средневековья — единством католической христианской эйкумены). Ницше ненавидел саму идею современного государства, а русские славянофилы проклинали Петра, разрушившего духовную аристократическую боярско-народную, соборную Русь и создавшего на ее месте бюрократического, неорганичного, искусственного гиганта по модели европейских централистских держав. Именно этатизм и был причиной отклонения фашистской Италии в ее средний период — от конца 2О-ых до Республики Сало — от парадигмы Третьего Пути. Это означало резкое “поправение” режима, бюрократизацию административного устройства, появление элементов тоталитаризма, всегда сопряженного с неорганичным обществом, гонение на авангардизм, альянс с монархизмом и дворянством и т.д. И только после того, как король откровенно

предал Муссолини, шок от измены заставил Дуче вернуться к изначальным принципам движения, и с 1943 по 1945 на севере Италии снова на котроткий промежуток времени установился т.н. “левый фашизм”, анти-капиталистический и “социалистический”, отвечающий всем (по меньшей мере экономическим) условиям Третьего Пути.

Фалангисты Испании

В Испании Третий Путь в полной мере был представлен движением фалангистов и особенно его знаменитым вождем Хосе Антонио Прима де Ривера. В соответствии с универсальной логикой Консервативной Революции испанские фалангисты сочетали предельный традиционализм и даже архаизм с теориями экономической и социальной справедливости. С одной стороны, фалангисты брали своим основополагающим символом Стрелы и Ярмо, что в Испанском гербе обозначает Католических Королей —Reyes Catolicos — Изабеллу и Фернандо (по-испански “стрела” — “Flecha” — начинается с “f” и указывает на Фернандо, а слово “ярмо” — “Yugo”— на Изабеллу, так как начинается с “y”), а с другой они обращались к простым людям, обещая им социальную и экономическую реформу в самом “социалистическом” духе. Естественно, что именно фалангисты были среди всех антиреспубликанских сил наиболее близки итальянским фашистам и германским национал-социалистам.

Показательно, что в темной истории с отказом генерала Франко обменять взятого в плен республиканцами Хосе Антонио на других пленных, многие фалангисты усматривали откровенное предательство правыми истинных представителей Консервативной Революции. И действительно режим Франко во многих своих аспектах расходился с фалангистскими концепциями, и само фалангистское движение после гибели Хосе Антонио приобрело чисто декоративный характер. Генерал Франко за всю историю его правления не раз подтверждал свою правую (а отнюдь не консервативно-революционную ориентацию) и в экономике, не идя на “социалистические” реформы, и в культуре, фактически принудив имигрировать консервативно-революционного философа Ортегу-и-Гасета, и в гео-политике, не позволив войскам Оси выйти на Гибралтар, чтобы контролировать ситуацию в Средиземном море. Только по этой причине разгром Третьего Пути в Европе в 1945 году миновал Испанию Франко, справедливо отнесенную союзниками к крайне-правому (но не консервативно-революционному) режиму, не подлежащему по этой причине “денацификации”.

Среди культурных представителей Третьего Пути в Испании можно назвать также Мигеля де Унамуно, Пио Бароха, Рамиро Ледесма, Григорио Мораньона и т.д.

Гвардисты Румынии

Румыния дала Третьему Пути очень много, даже не пропорционально гео-политической значимости этой небольшой страны. Мы имеем в виду знаменитую Железную Гвардию, которую возглавлял быть может самый яркий и почитаемый сторонниками Консервативной Революции легендарный капитан Корнелиу Зеля Кодряну. Железная Гвардия Кодряну была ближе всего к чистейшему архетипу Третьего Пути. Сам капитан Кордряну говорил, что он видит в европейском национал-революционном движении три аспекта — итальянский фашизм и его этатизм, государственность, соответствует телу, германский национал-социализм, с его апелляцией к нации, — душе, а румынский гвардизм с его мистическим православием — духу, качественному, высшему уровню всей идеологии. Действительно, в Железной Гвардии как ни в одном другом подобном европейском движении, гармонично сочеталась архаическая народность, искренняя вера в то, что Гвардия Архангела Михаила (другое название Железной Гвардии) является провиденциальным эсхатологическим явлением, почти теофанией, высочайший интеллектуализм Нае Ионеску и Мирчи Элиаде, харизматическое почитание

кристально чистого вождя, благородная социальная доктрина, требующая предельной экономической справедливости и т.д. Кроме того, движение Кодряну было подчеркнуто православным, христианским и гвардистский фольклор изобилует религиозными сюжетами и мистико-политическими гимнами.

Румынский гвардизм подобно испанскому фалангизму был также отодвинут на периферию политико-социальной жизни после гибели самого Кодряну. И даже более того, правое, хотя и про-Гитлеровское, правительство Антонеску не только не сделало гвардизм центральной политической и идеологической силой, но и в этот период гвардисты подвергались таким же преследованиям (в том числе и уголовным) как и при левом, демократическом предшествующем режиме. Это еще раз подчеркивает совершенную особость идеологии Третьего Пути и ее глубочайшее отличие не только от всего левого, но и от всего правого.

Русские евразийцы

Законными продолжателями славянофилов XIX-го века были в XX-ом веке русские мыслители евразийской ориентации. Если для их предшественников основными историческими кризисными моментами были петровские реформы и Французская Революция, то для евразийцев главной темой стала Октябрьская революция в России. Точно так же как и все представители Третьего Пути в самые разные эпохи евразийцы противостояли левым, то есть тем, кто совершили большевицкую революцию и продолжали это дело в советской России (все евразийцы были “белыми”), но одновременно, и правым, поскольку в отличие от правых они не считали большевизм чисто внешним фактором, а дореволюционный режим отнюдь не рассматривали как нечто совершенное. Иными словами, причины Октября евразийцы видели в самой дореволюционной России, в ее структуре, в специфике ее социально-политического и религиозного устройства. Самой главной причиной кризиса они считали западничество и сопровождавшие его феномены — абсолютизацию царской власти, возникновение не-аристократического нового дворянства, некоей псевдо-аристократии, формирование интеллигенции как химерического и беспочвенного слоя, секуляризацию государства и утрату тотального Православия и т.д. Предельная деградация петровской России в сторону грубого и неорганичного капитализма в XIX-ом веке и привела, согласно евразийцам, к большевизму, в котором выразился стихийный протест народа. Однако эта тенденция была узурпирована левыми, и поэтому правое неорганичное общество превратилось в левое еще менее органичное и несравнимо более страшное.

Евразийцев называли иногда “славянофильскими футуристами”, поскольку они сочетали традиционализм и даже архаизм со стремлением к удовлетворению народной потребности в социальной справедливости, к не-капиталистическому и даже возможно социалистическому пути развития. Находясь в иммиграции евразийцы были лишены возможности активно участвовать в политической жизни России, и поэтому русский Третий Путь фактически раскололся на национал-большевиков, увидевших в сталинизме определенный поворот к народно-имперской стихии, и на национал-социалистов, солидаризировавшихся с немцами в надежде осуществить на русских землях после предполагаемого поражения советской России в войне вариант русского национал-социализма. Некоторые евразийцы, такие как Трубецкой и Флоровский, оставили в конце концов политику и гео-политику и углубились в исследование Третьего Пути исключительно в богословской сфере.

Консервативная Революция в Германии

В Германии начала века Третий Путь дал необычайно широкий спектр различных теорий и концепций. Именно там особую популярность получило само это выражение

“Консервативная Революция”, введенное впервые Томасом Манном и ставшее особенно популярным после знаменитой речи Гуго фон Гоффманшталя “Литература, как духовное пространство нации”, в которой он сформулировал принципы Третьего Пути для Германии. В соответствии с логикой этой идеологии немецкие консервативные революционеры ставили своей задачей преодоление “вильгельмизма”, т.е. чисто правого номинально монархического режима с одной стороны, и надвигающейся хаотической демократии с другой. Сильна была также реакция и против большевицких путчей и баварской республики Курта Айзнера.

Среди германских вариантов этой идеологии можно выделить особо младоконсерваторов, Jungkonservativen. Наиболее известными из них были Артур Мюллер ван ден Брук, Освальд Шпенглер, Карл Шмитт, Отмар Шпанн, Вильгельм Штаппель и отчасти Вернер Зомбарт. Именно Мюллер ван ден Брук впервые сформулировал концепцию “Третьего Рейха” в книге с точно таким названием. Он имел в виду целый комплекс консервативно-революционных концепций, связанных с основополагающей логикой Третьего Пути как такового, но одновременно применяющих эту логику к конкретной немецкой ситуации. В частности, он настаивал на создании “Третьей партии”, которая положила бы конец национальному политическому разделению немцев, призывал к преодолению династического противопоставления Габсбургов и Гогенцоллернов, настаивал на недостаточности и правой и левой идеи применительно к Германии. Любопытно, что он дает также теологическую интерпретацию концепции “Третьего Рейха”, связывая ее с учением ранне-христианской секты монтанитов и средневековыми идеями Иахима де Флоры, в которых вся история делится на три части — на эпоху Отца, Сына и Святого Духа. “Третий Райх” , т.е. “Третье Царство” по мысли Мюллера ван ден Брука должно стать Царством Святого Духа. Здесь интересно было бы указать на связь этой концепцией с православной доктриной старца Филофея о Москве как о Третьем (и последнем) Риме, которая, кстати, была особенно близка Леонтьеву, а позднее русским евразийцам. Вообще говоря, Мюллер ван ден Брук как и большинство ортодоксальных консервативных революционеров был ярым руссофилом и одним из лучших переводчиков книг Ф.Достоевского на немецкий язык. Даже в сталинской России он видел определенные позитивные черты, а европейский Запад внушал ему подлинный ужас. В целом же младоконсерваторы были элитарными интеллектуалами и прямого воздействия на политическую ситуацию не оказывали. Надо подчеркнуть, что как и многие другие представители ортодоксального Третьего Пути они были одновременно и предтечами и жертвами национал-социализма, который далеко не во всем принял и реализовал их идеи. И однако прямой преемственности здесь отрицать невозможно, хотя и их прямое отождествление неприемлемо.

Более радикальными и революционными были так называемые национал-революционеры — Эрнст Юнгер, Франц Шаубеккер, фон Заломон и т.д. Заметим по ходу дела, что у Эрнста Юнгера в его знаменитой книге “Der Arbeiter” (“Труженик”) проведена классическая для Третьей Позиции грань между “Пролетарием” и “Тружеником”. Коммунистический традиционно марксистский “Пролетарий” — это низший количественный элемент системы капиталистического производства, чудовище, порожденное ядовитым, анти-экологическим городом, лишенное нации, традиции, религии, укорененности, расовой принадлежности. Именно такое “количественное” чудовище и предельную форму вырожденца и хотели бы поставить (и ставили где могли) у власти ортодоксальные коммунисты. Юнгер этой символической фигуре противопоставлял национал-революционного “Труженика”, “качественного” созидателя ценностей, сознающего свою национальную и расовую принадлежность, укорененного в традиции, неразрывно связанного с религией и культом. Этот “Труженик” также подвергается эксплуатации в капиталистическом обществе как и “Пролетарий”, но разница между ними состоит в том, что “Пролетарий” порожден капитализмом и вне капитализма он просто не имеет смысла, тогда как “Труженик” лишь порабощен

капитализмом, и освободившись от него, он как носитель качества, почвенности и традиции легко воссоздаст органичный, созидательный и справедливый строй. Показательно, что национал -социализм не очень благоволивший к самому Юнгеру, полностью воспринял и реализовал на практике его теорию анти-пролетарских “Тружеников”, причем с полным успехом на социально-экономическом уровне.

Особым течением этого же направления были различные вариации “фелькиш” , которых можно назвать “немецкими народниками”. Они могли быть как подчеркнуто аристократическими (Макс Либерманн фон Зоннненберг), так и анархически простонародными. Среди “фелькиш” широкое распространение получили темы “мистического расизма”, особенно четко проявившиеся среди ариософского движения австрийских немцев Гвидо фон Листа и Йорга Ланца фон Либенфельса. В отличие от предыдущих групп, движение “фелькиш” было свободно от культурных предрассудков, свойственных городской образованной немецкой интеллигенции, и отражало наиболее архаические пласты немецкой души с одной стороны, и наиболее экстравагантные и радикальные поиски древней германской традиции, вплоть до попыток реставрации древних языческих ритуалов, с другой стороны. Несмотря на то, что Гитлер достаточно критически относился и к самому термину “фелькиш” и к совокупности идей, называемых этим словом, тенденции “фелькиш” во многом определили атмосферу в Третьем Рейхе, не только психологически (воспевание всего германского, прославление крестьянства, знаменитая доктрина Вальтера Дарре “Кровь и Почва” и т.д.), но и интеллектуально (что особенно проявилось в мистических исследованиях, которыми занимались многие национал-социалистические институты и в расистских доктринах). Именно к “фелькиш” восходит свойственный Германии Гитлера вкус и любовь к архаизму.

Отдельно стоят так называемые “бюндиш”, различные молодежные союзы консервативно-революционного направления. Среди них более всего известны “Вандерфогель”, “Перелетные Птицы”, моложеное анархическое, в тоже время почвенное и националистическое движение, возникшее в самом начале века. Это быть может первый пример экологической тенденции, так как юноши и девушки из “Вандерфогель” стремились уйти на природу, к простой, деревенской, народной и национальной жизни, прочь от противоестественных , космополитических отравленных городов, с их фальшью, смешением, капитализмом, ростовщичеством и т.д. Остатки “Вандерфогель” уже при Гитлере были реформированы в “Гитлерюгенд” с определенным смещением акцентов и с резким сокращением анархическимх элементов. На тех, кто не захотел реформироваться было оказано определенное давление. В конце концов национал-социалисты совсем запретили “Вандерфогель”.

И наконец, последней версией Третьего Пути в Германии было немецкое национал-большевистское движение, связанное с именами Генриха Лауфенберга и Эрнста Никиша. Это было своебразное сочетание крайнего анти-капитализма с крайним национализмом, что дало удивительно интересный синтез, так как немецкие национал-большевики сумели сочетать огромную социальную энергию “классовой борьбы” с не менее могущественными национальными и даже расовыми тенденциями. Можно сказать, что национал-большевизм — это предельный случай Консервативной Революции, радикализирующий заложенные в ней потенции. Интереснее всего в этом движение тотальный нон-конформизм, бескомпромиссная борьба против того, что позднее Новые Левые и Новые Правые единодушно определят как Систему. С национал-большевиками было солидарно и левое крыло национал-социалистической партии во главе с “левыми нацистами” братьями Штрассерами. В 1920-ом году в период русско-польской войны немецкие национал-большевики даже лелеяли мечту вместе с армией Буденного вторгнуться на капиталистический Запад и покончить с “национальными и социальными эксплуататорами народов”. Естественно, что немецкие национал-большевики также были безусловными руссофилами. При Гитлере Эрнст Никиш и другие представители этого течения встают в радикальную оппозицию режиму. После войны Никиш преподает в

Восточном Берлине, но все же недостаточно национальный социализм его никак не устраивает, и он в конце жизни иммигрирует в ФРГ. Интернационалистские и анти - фашистские тенденции в духе Тельманна не совместимы с национал-большевистской версией Третьего Пути.

К деятелям Консервативной Революции в Германии можно с полным основанием причислить и поэтов Готтфрида Бенна и Стефана Георге, и гениального немецкого философа Мартина Хайдеггера, сформулировавшего онтологические и метафизические принципы “Немецкого Пути”, который был синонимом “Третьего Пути”, и Мартина Клагеса, и психоаналитика Карла Густава Юнга, и знаменитых ученых Германа Вирта, Вильгельма Тойдта, Фридриха Хильшера и многих других менее значительных персонажей. И строго говоря тех из них, кто активно сотрудничал позднее с национал-социалистами никак нельзя обвинить в конформизме, так как идеология Третьего Пути была их глубинным внутренним убеждением, основой их мировоззрения, и скорее национал-социализм конформировался с Консервативной Революцией, нежели наоборот, поскольку сам национал-соцализм был лишь одной из версий этой Революции, а никак не вещью-в-себе.

В национал-социализме Гитлера было много отступлений от консервативно-революционной ортодоксии, отступлений социальных, экономических и гео-политических. В первую очередь на социальном плане принцип “Один Народ, Одно Государство, Один Вождь” (“Ein Volk, ein Reich, ein Fuhrer”) явно является старо-консервативной, правой и даже “якобинской” (как сказал Ален де Бенуа) формулой, противоречащей имперской и многополюсной концепции Третьего Пути, понимающей единство не бюрократически и административно, и тем боле не моно-национально, но духовно и поли-этнически. На экономическом уровне Гитлер сохранил все же крупный капитал, хотя и ограничил его возможности и исключил влияние капитала международного. Независимо от безупречной эффективности национал-социалистических мер в экономике, это, тем не менее, шло в разрез с радикальными требованиями Консервативной Революции. И, наконец, гео-политически анти-русский настрой Гитлера (хотя и не такой однозначный, как это иногда пытаются представить) и его англофилия противоречили евразийской и обязательной руссофильской тенденции классических консервативных революционеров. Но как бы то ни было, национал-социализм безусловно воспринял и реализовал импульс именно консервативно-революционной идеологии, хотя во многом исказил его вправо, и не без влияния старых, реакционных консерваторов, вообще не принявших национал-социализма и лишь прагматических солидаризовавшихся с ним лишь постольку, поскольку речь шла о государственных интересах Германии. Но все же поражение Германии во Второй Мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии Третьего Пути, так как победители и левые и правые на нюансы внимания не обращали.

Остается добавить по этому поводу, что в рамках национал-социалистического режима существовал некоторый интеллектуальный оазис, в котором концепции Консервативной Революции продолжали развиваться и исследоваться без каких -либо искажений, неизбежных в других более массовых проявлениях режима. Мы имеем в виду организацию Ваффен-СС в ее интеллектуально-научном, а не военно-политическом аспекте. Ваффен-СС и особенно научный сектор этой организации “Аненербе”, “Наследие Предков”, разрабатывали ортодоксальные консервативно-революционные проекты. В частности, вместо узконационального германизма внешней пропаганды, СС стояло за единую Европу, разделенную на этнические регионы с нео-феодальными центрами, и при этом этническим немцам никакой особой роли не отводилось. Сама эта организация была международной, и в нее входили даже представители “небелых” народов — азиатские и ближневосточные мусульмане, тибетцы, тюрки, арабы и т.д. Геополитические проэкты СС ориентировались не столько на экономические, сколько на сакрально географические реальности, и страны традиционного Востока представляли собой здесь наибольший

интерес (вспомним о многочисленных экспедициях СС-овцев в Гималаи, Тибет, Индию и т.д.). СС воспроизводило определенные стороны средневекового духовного рыцарского Ордена с типичными идеалами преодоления плоти, нестяжательства, дисциплины, медитативной практики. Естественно, такой подход в экономической сфере предполагал категорическое отрицание всех сугубо капиталистических основ социального устройства — гедонизм, плутократию, финансовый либерализм, свободный рынок, процентную систему и т.д. Любопытно, что для членов СС (по меньшей мере для СС-овских интеллектуалов) была совершенно несвойственна общая для национал-социалистов юдофобия, и такой националистический еврейский консервативно-революционный автор как Мартин Бубер был близким другом одного из руководителей и вдохновителей “Аненербе” Фридриха Хильшера, причем это было отнюдь не исключением, но, скорее, правилом. Пример СС лишний раз доказывает, что в рамках немецкого национал-социализма существовали тенденции, которые до некоторой степени уравновешивали отклонение от парадигмы Консервативной Революции этого движения в целом.

Новый идеологический мир после Ялты

П оражение стран Оси в Мировой войне было не только поражением тех или иных государств, тех или иных народов. Удар был нанесен в первую очередь по идеологии, по определенной системе ценностей и интеллектуальных принципов, которые были осуждены победителями как “преступные”. Мир после Ялты стал совершенно особым, совершенно непохожим на то, чем он являлся прежде. Причем, если итог Первой Мировой войны был лишь отчасти сопряжен с сугубо идеологическими трансформациями (хотя Муссолини и говорил, что “итог этой войны в поражении самой идеи демократии”), то Вторая Мировая война прямо привела к слиянию идеологического элемента с элементом политическим так, что никакого (или почти никакого) зазора между ними не оставалось. Фактически после-Ялтинская идеологическая картина имела только два полюса — правый и левый, а все даже отдаленно напоминающее Третий Путь или Консервативную Революцию было выжжено каленым железом под предлогом тотальной и универсальной “денацификации”, проводимой на планетарном уровне. Нюрнбергский процесс — это первое и уникальное судилище в истории, когда юридически были осуждены не только люди, но и идеи, интеллектуальные доктрины, “энтелехии” Аристотеля. И каким бы значительным ни было отличие конкретного национал-социалистического режима Гитлера и фашистского режима в Италии от архетипической парадигмы Третьего Пути, это вообще во внимание не принималось и все, что относилось к Третьему Пути прямо или косвенно, было поставлено “вне закона” (даже в том случае, если дело касалось чисто культурной или духовной солидарности с консервативно-революционной идеологией, как это было в случае жестоких уголовных репрессий по отношению к американскому поэту Эзре Паунду или норвежскому писателю Кнуту Гамсуну).

При этом тут же в гео-политической реальности планеты появилось воплощение нового идеологического распределения сил — феномен сверхдержав. США из обычной капиталистической страны, одной из многих и не самой к тому же развитой экономически, превратились в глобальный оплот всего того, что совершенно справедливо в современном мире можно назвать правым. При этом американская сверхдержава была идеологически предельно устойчивой, так как эта сугубо экономическая, торгово-банковская, монополистическая и космополитическая модель не имела внутри себя причин для идеологической нестабильности, которые в европейских режимах существовали в виде инерциальной сословной, этнической, государственной, языковой, религиозной и традиционной дифференсации. В США эта устойчивая правая система сложилась уже задолго до Второй Мировой войны, но лишь постановка Третьего Пути вне закона, сделала США действительно не только военной, но и идеологической сверхдержавой, воплотившей в себе наиболее чистую альтернативу Косервативной

революции, причем гораздо в большей степени, нежели альтернативу левому идеологическому колоссу СССР.

СССР стал в после-Ялтинском мире левой сверхдержавой, воплощением чисто левой, марксисткой и интернационалистской идеологии, также совершенно непримиримой по отношению к Консервативной Революции как и США. Можно сказать, что вообще вся послевоенная гео-политическая реальность строилась на отрицании самой возможности Третьего Пути как политической или гео-политической тенденции. Идеологической жертвой такой двух-полюсной системы стала в первую очередь Европа — как восточная, так и западная — поскольку она потеряла свою собственную политическую волю под воздействием силовых “излучений” сверхдержав и вынуждена была солидаризоваться либо с правыми (гео-политически это означало США, “атлантизм”, духовный и культурный Запад), либо с левыми (гео-политически это означало СССР и коммунистический Восток). Какой-либо иной путь для стран Европы был исключен. В полном соответствии с основными принципами Третьего Пути, после поражения этой идеологии, тезис “ни Восток, ни Запад” был более неосуществим, и Европа вынуждена была стать либо чистым Западом, либо западной оконечностью коммунистической Азии.

Единственным государством, которое смогло отчасти реализовать на практике определенные аспекты Консервативной Революции было государство Израиль, которое, учитывая значительное число жертв среди евреев в период правления в Европе консервативных революционеров, никто не осмеливался заподозрить или обвинить в “фашизме” или “нацизме”, несмотря на поразительную схожесть в идеологии. Израиль как государство был основан на принципах полного восстановления архаической традиции, иудейской религии, на этнической и расовой дифференсации, на активном использовании социалистических элементов в экономике, — в частности, система кибуцов, — на возрождении каст и т.д. Неудивительно, что многие идеологи национал-социализма, — в частности, вдохновитель бретонского нацизма, замечательный писталь и историк, Ольер Мордрель, — которым удалось пережить “денацификацию” с восторгом приняли известие об образовании Израиля, так как этнические и религиозные расхождения — это вещь более или менее относительная, в то время как сам принцип Третьего Пути, к какому бы народу он ни относился является единым и неизменным на идеологическом уровне. (Интереса ради заметим, что Ольера Мордреля однажды спасла от суда и обвинения в преследовании еврее в период Второй Мировой войны как раз благодарственная телеграмма от израильского правительства, посланная в ответ на его поздравления с восстановлением еврейского консервативно-революционного государства).

Позже Третий Мир, как периферия гео-политического противостояния двух сверхдержав, — СССР и США, — стал зоной возобновления попыток Третьего Пути, но только в те моменты и в тех регионах, где контроль того или иного гео-политического полюса ослабевал настолько, что сверхдержавам приходилось идти на уступки почвенным тенденциям. Но до Иранской Исламской Революции ни одному народу или государству не удавалось прорвать гео-политический диктат двухполюсной идеологической системы. Так варианты исламского социализма в Ираке, Сирии и Ливии — это формы Третьего Пути с сильным сдвигом к коммунизму, некие гибриды между Консервативной Революцией и чисто левой идеологией. В Пиночетовском Чили или в ЮАР, напротив, элементы Третьего Пути были скрещены с правой идеологией. Можно сказать, что эти идеологические конструкции Третьего Мира представляли собой все же скорее крайние случаи биполярной идеологической системы, нежели составляли совокупно самостоятельный и полноценный Третий Полюс, Третью Позицию.

Третий Путь восстает из пепла

Но несмотря на тотальность поражения Третьего Пути в Европе нельзя сказать, что он вообще исчез окончательно и бесповоротно. Дело в том, что идеология не является неким произволом тех или иных политиков, мыслителей или государственных деятелей. Она коренится в глубинных архетипах человеческого существа как форма проявления тех или иных сущностных онтологических тенденций, которые намного более фундаментальны, нежели частные рациональные конструкции или социально-политические условности. Идеология, Weltanschauung, это некоторое интеллектуальное резюме всего человеческого бытия, его внутренний недвижимый двигатель, источник и изначальный мотив действий и поступков. Только проявляться она может самым различным образом. Но как бы то ни было, после Французской Революции идеологический спектр однозначно воплотился в трех основополагающих полюсах — правые, левые и Третий Путь, и хотя сами эти термины появились только после этой Революции, аналогичные им идеологические комплексы существовали и раннее, хотя в иной форме и под иными именами.

Поэтому Третий Путь, поверженный и “запрещенный” в после-Ялтинском мире, не мог просто сойти со сцены, но искал для себя особые, подчас непрямые формы выражения.

Среди крупных официальных послевоенных политиков ближе всего к Третьему Пути подошел генерал Де Голль, осторожно, но упорно проводивший линию единой свободной Европы от Атлантики до Урала, которая неявно противопоставлялась США, т.е. собственно Западу. Конечно, эти почвенные и отчасти консервативно-революционные тенденции Де Голль выражал крайне осторожно, однако, со временем, все больше открываются тайные нити, связывавшие его с идеологами Третьего Пути, и в частности, даже с таким интегральным традиционалистом как ученик Рене Генона Мишель Вальсан. В целом же Де Голь постоянно настаивал на сохранении самобытности Франции как на культурном, так и на экономическом плане, и уже одно это сделало его чуть ли не врагом правой сверхдержавы — США, заподозрившей в осторожных и лояльных к НАТО, но все же несколько “консервативно-революционных” политических акциях генерала Де Голля возможную угрозу возрождения Третьей Позиции. Как бы то ни было, современные голлисты во Франции в своем подавляющем большинстве являются убежденными сторонниками Третьего Пути. Существует даже полу-достоверная информация, о том, что де Голь основал в свое время тайную организацию,—”45 секретных компаньонов”, — чьей гео-политической задачей среди всего прочего было восстановление свободной и независимой Европы, противостоящей как “советизму”, так и “американизму”, т.е. Европы классического Третьего Пути.

Подобные тенденции проявлялись и у других европейских политиков, в первую очередь, естественно, континентальных, так как Англия уже давно и прочно стоит на чисто правых и атлантически-западных позициях, выступая в после-Ялтинском мире в роли главного европейского “агента влияния” США. Однако двухполюсная политическая и гео-политическая система заставляла подобные тенденции оставаться скрытыми, подспудными, неявными, так как в противном случае это неизбежно привело бы к жестокой силовой конфронтации.

Но были и радикальные сторонники Третьего Пути, открыто проповедывавшие и защищавшие “криминальные” с некоторых пор идеи. Возможно самым ярким послевоенным консервативным революционером или национал-революционером был бельгиец Жан Тириар, бывший активист национал-большевистского движения Генриха Лауфенберга. Тириар быстро оправился после “денацификации” и первым попытался возродить идеологическую и политическую борьбу Третьей Позиции. Уже в 196О-ом году — до этого на всей планете и справа, и слева царил открытый анти-консервативно-революционный террор и даже слово в защиту Третьей Позиции нельзя было вымолвить — Тириар создает всеевропейскую организацию “Jeune Europe”, “Юная Европа”. Он публикует книгу “Да здравствует Европа!”, где формулирует основные постулаты

тертьего Пути применительно к новой гео-политической и политической ситуации после Второй Мировой войны. Именно Тириар первым сделал Кельтский Крест новым символом Третьей Позиции, и эту эмблему приняли все европейские национал-революционеры независимо от страны. Тириар разработал теорию новой европейской Империи, — он так и называл Европу “Империя с населением в 4OO OOO OOO человек”, — радикально противостоящей “советизму” и “американизму”. При организации “Юная Европа” стали создаваться анти-американские боевые ячейки, ставящие своей целью противостоять американскому военному и даже культурному присутсвтию на континенте. Жан Тириар не был отвлеченным теоретиком. Он встречался в 1963 году с Джоу Эн Лаем, позже с руководителями Румынии, Югославии, потом Ирака, а в 1968 году с Насером. Показательно, что первый европеец, сражавшийся на стороне палестинцев против Израиля и павший с оружием в руках был член “Юной Европы” — Роже Кудруа. Так послевоенный Третий Путь постепенно и в Европе отходил от жесточайшего поражения и заявлял о себе уже на политическом (и даже военном) уровне.

Крайне важно в идеологии Тириара, что он, тщательно проанализировав послевоенную гео-политическую ситуацию, а также сделав важные выводы из судьбы европейского (и особенно немецкого и фламандского) национал-большевизма, однозначно объявил главным и принципиальным врагом Третьего Пути именно Запад и “американизм”, тогда как в коммунистической системе он отметил явные признаки эволюции в сторону Третьей Позиции. Иными словами, вместе с Тириаром европейские консервативные революционеры вернулись к изначальной анти-западной ориентации, которая была значительно затушевана в исторических компромиссах, сделанных фашистским и нацистским режимами в пользу правых. Это на практике означает, что именно “американизм” является в актуальных условиях полной анти-тезой Консервативной Революции, а коммунизм, уже потерявший свой изначальный нигилистический и агрессивный характер и впитавший в себя много национальных и почвенных черт, куда как меньшее зло, если вообще не потенциальный союзник. Хотя такая позиция была очень близка к изначальной позиции консервативных революционеров, всегда тяготевших скорее к Востоку, нежели к Западу, для послевоенной, после-Гитлеровской Третьей Позиции это было настоящим открытием, новым словом, гео-политическим откровением. Кроме всего прочего, это окончательно разводило нонконформистский Третий Путь и официальных парламентских правых, которые были совершенно бессильны несмотря на все компромиссы добиться каких-либо успехов в сугубо национальном и почвенном смысле. Фактически национал-революционеры Тириара отмежевались и от крайне правых, критикуя архаичность и инерциальность (даже “вицеральность”, “вегетативноссть”) их политических взглядов. Экономически Тириар противопоставлял “экономике прибыли” (капитализму) и “экономике утопии” (марксизму) “экономику потенций” (т.е. естественное развитие региональных экономических возможностей). В политике он провозглашал “федеральный национализм”, то есть духовное и гео -политическое объединение независимых дифференцированных этнических систем, полицентрическую Империю независимых этносов. Тириар разработал концепцию “авторкии больших пространств”, согласно которой лишь крупные гео-политические образования способны быть в современных условиях не только экономически, но и идеологически независимыми. Своими предшественниками Тириар считал Готтлиба Фихте и Фридриха Ницше, а о самом себе он говорил так: “Я — европейский национал-большевик в традиции Эрнста Никиша и вдохновляющийся историческим примером Иосифа Сталина и Фридриха II Гогенштауфена”. В целом же доктрина Жана Тириара получила название “национал-коммунитаризм”.

В Италии последователи Тириара — наиболее известные из них Джорджо Фредда и профессор Клаудио Мутти — придали его гео-политической и экономической доктрине духовный и традиционалистский характер, основываясь на трудах знаменитого

традиционалиста Юлиуса Эволы и вдохновляясь “мистическим гвардизмом” православного капитана Кодряну. Как бы то ни было, анти-капитализм и анти-Запад стали главными мотивами Третьего Пути в после-Ялтинской Европе. Этому в принципе соответствовала и действительная трансформация, происшедшая с многими коммунистическими режимами, которые в определенных своих аспектах стали если не благожелательными, то по меньшей мере гео-политически нейтральными по отношению к консервативно -революционным тенденциям. Неслучайно Исламская Революция в Иране назвала США “Большим Шайтаном”, а СССР всего лишь “Малым Шайтаном”.

Вторым важнейшим этапом возрождения идеологии Третьего Пути было становление движения так называемых “новых правых” (хотя надо заметить, что этим именем их изначально наградили их идеологические противники). Фактически они продолжали традиции Тириара и “Юной Европы”, хотя акцент здесь сильно сместился в сторону культуры, науки, историографии, эстетики, социологии и т.д. В принципе одной из главных задач “новых правых” было создание альтернативной культуры, что предполагало не просто идеологизацию творчества, но, скорее, пересмотр определенных культурных догм, которые в после-Ялтинском мире испытывали на себе сильнейшее давление победивших идеологий — как правой, так и левой. “Новые правые”, во главе с общепризнанным всеевропейским лидером и знаменитым публицистом и философом Аленом де Бенуа, изначально решили проделать тотальную ревизию культурных, экономических, политических и социологических ценностей, которые были характерны для “старых правых”. Становление мировоззрения “новых правых” , этой весьма распространенной сегодня в Европе, и шире во всем мире идеологической позиции, проходило в обстановки двойной полемики — с одной стороны шло оспаривание концепций и доктрин “новых левых”, а позднее “новых философов”, с другой стороны, развернулись дискуссии с правыми и даже с крайне правыми. Как всегда в Третьем Пути были решительно отвергнуты “якобинская” централистская модель государства-нации, Etat-Nation, материалистические и плутократические тенденции, свойственные Западу, “атлантизм”, “американизм” и т.д., но одновременно, отвергались и левые тезисы об эгалитаризме, интернационализме, гуманизме, марксизме и т.д. Именно “новые правые” привлекли внимание и к самим традиционным классическим консервативно-революционным авторам, введя в культурный контекст Европы, и особенно Франции, такие почти забытые или отторгнутые имена как Карл Шмидт, Карл Хаусхоффер, Арно Брекер, Марк Ээманс, Эрнст Юнгер, фон Заламон, Отмар Шпанн, Артур Мюллер ван ден Брук и т.д. Но не только имена, но и целые дисциплины были реабилитированы “новыми правыми” — так гео-политика, квалифицировавшаяся ранее как “нацистская наука”, вошла сегодня во французские университеты как один изучаемых предметов на равне с другими. (Любопытно, что возглавляет гео-политические иселедования в академическом мире Франции коммунист и близкий к Миттерану политолог Ив Лакост). Самое главное, что удалось достичь “новым правым” —это введение Третьего Пути в сферу “официально” признанной позиции на культурном, экономическом, политическом и философском уровне. Фактически Третья Позиция благодаря неустанной, более чем двадцатилетней деятельности “новых правых” снова стала идеологически возможной, достаточно центральной и успешно конкурирующей сегодня в Европе с изрядно потускневшими и “рекупирированными” Системой “новыми левыми”. Показательно, что многие радикальные левые сегодня, как в 2О-ые и 3О-ые годы, разочаровавшись в ортодоксальном марксизме, коммунизме и советизме, переходят к ряды “новых правых” — как этой имеет место в случае Жана Ко, ближайшего сподвижника Сартра, Рейнхольда Оберлерхера, правой руки Руди Дучке, самого знаменитого из немецких новых левых 1968 года, и отчасти в случае самого Роже Гароди, бывшего центрального идеолога французской компартии.

Любопытно подчеркнуть весьма характерное отношение “новых правых” к проблеме эмиграции, столь важной сегодня для идеологического самоопредления в

политике тех или иных деятелей. Если “старые правые” — в частности, “Национальный Фронт” Ле Пена — выступают против эмигрантов, то “новые правые” выступает скорее на стороне эмигрантов, которых они рассматривают как жертв противоестественной монополистической, капиталистической системы, и проблемы эмигрантов “новые правые” считают и своими собственными проблемами. Ален де Бенуа, — являющийся, к стати, автором монументальной книги “Третий Мир, общая борьба”, где он подчеркивает единство между Третьим Миром, отстаивающим свою свободу и независимость, и интересами сторонников Третьего Пути в Европе, — однозначно формулирует свое отношение так:”Они (“старые правые”) борются с эмигрантами,— я борюсь с имиграцией. Они защищают народ — я защищаю народы».

Именно “новые правые” сегодня представляют собой в Европе новую идеологическую завязь Третьей Позиции, уже преодолевшую шок поражения и набирающую силу по мере того, как усугубляется кризис двух других гео-политических и идеологических полюсов. При этом важно заметить, что ослабление и полный крах советизма в современном мире, крах советской сверхдержавы, еще больше укрепляет анти-атлантическую тенденцию европейского Третьего Пути. Еще в начале 8О-ых Ален де Бенуа заявил, что “он предпочитает американскому зеленому берету фуражку советского офицера”, что, в принципе, вполне соответствует духу европейского национал-большевизма. Любопытно, что вождь итальянских “новых правых” Марко Тарки даже объявил о конце Третьей Позиции, так как противостояние коммунизму, по его мнению, больше не имеет смысла, и единственным общим врагом и для левых и для консервативных революционеров остается США, Запад, “атлантизм”. Тарки даже предлагает отказаться от названия “Третий Путь” и принять тезис о “Втором Пути”, едином отныне и для национал-большевиков, и для просто большевиков, и для радикальных консервативных революционеров. Подобные настроения весьма распространены сегодня в Европе, но надо отметить, что существует одно значительное противоречие между европейским национал-большевизмом и национал-большевизмом советским. Если в Европе такая позиция является выражением максимального нон-конформизма, решительного неприятия всех манипуляций современной Системы, то в СССР национал-большевизм в большинстве случаев означает либо инерциальную привязку к давно потерявшим свой смысл лозунгам, либо простой конформизм, либо страх перед дискредитируемыми в течении долгих лет ярлыками такими как “национализм”, “этатизм”, “империализм”, “расизм”, “шовинизм”, “фашизм”, “нацизм” и т.д. Однако в следствие последних событий в СССР возможно все вещи станут на свои места, и национал-большевизм Европы более или менее выравняется с национал-большевизмом Востока. Но во всем этом следует учитывать и то, что как бы ни поворачивались исторические события, коммунистическая левая идеология никогда не может до конца совпасть ни с правой позицией, ни с Третьей Позицией, хотя бы уже потому, что это не вариации одного и того же мировоззренческого комплекса, а коренным образом различные по своему происхождению, по своим ориентациям и конечным целям структуры. Сейчас возможен — и уже происходит — прилив левых к Третьей Позиции, как некогда, в эпоху гео-политического могущества советизма, некоторые консервативные революционеры (особенно в странах Третьего Мира) были вынуждены прибегать к помощи коммунистов ценой компромиссов и уступок. Но окончательного слияния наступить не может в принципе, несмотря на всю внешнюю сторону событий. Левый всегда останется левым, если он не станет, конечно, правым или не займет сознательно и добровольно Третью Позицию.

Заключение

Мы попытались в общих чертах обрисовать идеологическую позицию, которой столь часто пренебрегают политологи и социологи, но которая, тем не менее, представляет

собой совершенно законченный и самостоятельный мировоззренческий комплекс, неискоренимый даже самыми жесткими средствами и самой безжалостной цензурой. Если не учитывать именно такой трех-полюсной идеологической картины мы обречены на неоправданные натяжки, иллогизмы, противоречия в оценке разворачивающихся сегодня в мире событий, так как в период трансформаций идеологическая борьба становятся чрезвычайно острой, и частично допустимый в иные периоды идеологический агностицизм или "лозунговое мышление" становится просто невозможны в критические моменты. Кроме того, наблюдая идеологические споры и политические дискуссии, разворачивающиеся сегодня в нашей стране, мы не можем отделаться от глубокого беспокойства за умственное состояние многих "идеологов", потерявшихся в определениях и политических проектах, ни смыл которых, ни их значение, ни их конечная цель им совершенно не известны. В "фашизме" упрекают друг друга все кому ни лень, при том, что мало кто вообще знает об этой идеологии и об ее истории хоть что-то достоверное (Поразительно, что не только простой народ, но и некоторые видные политики черпают свои представления о фашизме из телесериала о Штирлице). Так же бессмысленно раздаются ярлыки "правые", "левые" и т.д. На гео-политическом уровне мало кто отдает себе отчет в том, что в действительности представляет собой "атлантизм" или "евразийство", а в вопросах государственного устройства такие выражения как "якобинская" модель, "автаркия больших пространств", "федеральная Империя" и т.д. вообще ничего никому не говорят. Все это было бы не так уж и страшно, если бы наша страна была бы изолирована от остального мира и решала бы свои внутренние вопросы сама — в таком случае временная пост-коммунистическая неразбериха рано или поздно закончилась бы естественным и органичным образом. Но, увы, мы нераздельно связаны сегодня со всем остальным миром, и от нашей позиции зависит вся гео-политическая и идеологическая карта планеты. Кроме того, на нас действуют мощные внешние идеологические факторы, и в первую очередь правый комплекс "атлантизма", безусловно старающийся использовать данную ситуацию, чтобы превратить двух-полюсную ситему правые-левые, США-СССР, в гегемонию глобальной "американской модели", the american way of life. Для всех этих внешних влияний в целом идеологические концепты — это не пустые лозунги или ярлыки, а важнейшие оперативные реалии, которыми они руководствуются в своих конкретных стратегических и гео-политических действиях.

Независимо от личных или групповых предпочтений в настоящий момент только две идеологические позиции являются интеллектуально и гео-политически активными — это "атлантистские" правые и "евразийские" консервативные революционеры. Левая идеология не имеет сейчас ни гео-политической, ни интеллектуальной формы, (хотя это отнюдь не означает, что она не приобретет ее вообще никогда). Можно сказать, что собственно левыми являются сегодня анархические и нонконформно-либералистские тенденции, но все это пока остается совершенно неопределенным и несостоятельным. Как бы то ни было, Третья Позиция сегодня — это нечто весьма серьезное, фундаментальное, основательное и вышедшее из периферийного, маргинального состояния, в котором оно пребывало в после-Ялтинском мире. Сегодняшний мир уже не является после Ялтинским, а в новой идеологической картине "криминальность" Консервативной Революции становится совсем не такой "очевидной" и "само собой разумеющейся"(уже хотя бы потому, что разоблачаемые сегодня преступления левых, коммунистов, далеко перекрывают по масштабам и дикости все инкриминируемое нацистам). И несмотря на то, что в настоящий момент "атлантизм" военной, стратегической и индустриальной альтернативы не имеет, она может появиться в любой момент, так как события сейчас разворачиваются с безумной скоростью. Нет никаких сомнений в том, что, если такая альтернатива возникнет, ей будет Третья Позиция.

Послесловие к "IMPERIALISMO PAGANO"

ЮЛИУС ЭВОЛА, ЯЗЫЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИСТ

"Путь киновари"

Судьба итальянского барона Юлиуса Эволы, одного из наиболее известных и почитаемых традиционалистов нашего времени, в отличие от судьбы другого великого традиционалиста Рене Генона, была чрезвычайно насыщенной и богатой внешними событиями, приключениями, опасными путешествиями, политической борьбой и т.д. Это было классическое хайдеггеровское "бытие-без-укрытия-в-максимально-рискованном риске". Но, несмотря на то, что Эвола являлся, без сомнения, одной из самых ярких личностей нашего века, его случай выходит за рамки "выдающегося индивидуума" - в нем, в его жизни, в его судьбе отразилась судьба Идеи, судьба определенной духовной позиции, судьба Традиции в Темные Времена.

Барон Юлиус Эвола родился в Риме 15 мая 1898 года в семье итальянских аристократов, чей род восходит к германской средневековой знати - к роду баронов Хевелар. Уже в юности Эвола ощутил внутри себя глубочайшую отстраненность по отношению к окружавшей его реальности, интерес к трансцендентным, запредельным сферам, но одновременно активное творческое стремление трансформировать внешний мир в согласии с внутренними идеалами. Сам Эвола в единственной биографической книге "Путь Киновари" пишет о своей юности: "Я почти ничем не обязан ни среде, ни образованию, ни моей семье. В значительной степени я воспитывался на отрицании преобладающей на Западе традиции - христианства и католицизма, на отрицании актуальной цивилизации, этого материалистического и демократического "современного мира", на отрицании общей культуры и расхожего образа мышления того народа, к которому я принадлежал, т.е. итальянцев, и, наконец, на отрицании семейной среды. Если все это и повлияло на меня, так только в негативном смысле: все это вызвало у меня глубочайший внутренний протест".

Такое отношение привело юного Эволу к радикальному нигилизму, проявившемуся в его раннем анархистском поэтическом и изобразительном творчестве. Эвола был одним из первых представителей дадаизма в Италии. Параллельно творчеству Юлиус Эвола изучал труды по религиозной, эзотерической и метафизической проблематике. Особенно интересовали его восточные доктрины - индийский тантризм, буддизм, даосская традиция Китая, йога и т.д. Кроме того, он серьезно занимался также сугубо западным эзотеризмом - алхимией, герметизмом и сопряженными с ними дисциплинами. Когда анархические опыты достигли в жизни Эволы своего разрушительного пика, он окончательно выработал свою жизненную позицию, которую в дальнейшем лишь развивал и углублял: это была позиция "обособленного человека". Иными словами, ее можно определить как позицию Консервативной Революции. Смысл ее сводился к следующему. - От анархической и нигилистической направленности Эвола сохранил глубокую неудовлетворенность современным миром, его буржуазными, демократическими, плебейскими ценностями, но в то же время, в отличие от обычных "левых" нигилистов, Эвола на этом не остановился, но противопоставил "современному декадентскому миру" сакральный мир Традиции, с его инициатическими и гностическими ценностями, с его иерархией, с присущей ему трансцендентностью. "Обособленный человек", проблеме которого Эвола уже в конце жизни посвятил целую книгу "Оседлать Тигра", - это тип особого уникального существа, внутренне принадлежащего к миру Традиции, но при этом вынужденного внешне пребывать в антитрадиционном и десакрализированном мире, в "современном мире". Опыт тотального отрицания привел Эволу к тому, что он через травматические и трагические трансформации осознал всю полноту этих альтернативных, антисовременных ценностей, внутренне обнаружил их в

глубине своей души как конкретное присутствие преображающей, нечеловеческой силы, "силы Абсолюта". В этот же период Эвола познакомился с трудами Рене Генона, и это окончательно укрепило его "традиционализм", дало ясное и полное подтверждение его интуиций. "Нигилистический период" в судьбе Эволы не был ни случайностью, ни противоречием: это был закономерный и почти неизбежный этап консервативно-революционного становления его жизненной позиции.

Среди итальянских авторов юный Эвола читал Папини, Михельштедтера, д'Аннунцио, лично знал знаменитых футуристов Джакомо Балла и Маринетти. Среди немцев он, в первую очередь, выделял Ницше, а также труды Отто Вайнингера, и, несколько позднее, Эрнста Юнгера, Освальда Шпенглера, Стефана Георге, Людвига Клагеса, Готтфрида Бенна и других консервативных революционеров. Его также очень интересовали русские консервативные революционеры, и особенно Федор Достоевский. Эвола также лично хорошо знал Мережковского. Но уже в первых постнигилистических книгах Эволы -"Теория Абсолютного Индивидуума", "Феноменология Абсолютного Индивидуума", "Эссе о магическом идеализме" и т.д. - звучат темы радикального и бескомпромиссного традиционализма, порывающего со всем полем профанической и декадентской культуры, с которой большинство консервативных революционеров все же продолжали быть связанными, несмотря на всю жесткость их критики культуры. Хотя в этих работах Эвола и апеллирует подчас к профаническим внесакральным философам - таким, как Гегель, Кант, Декарт, Фихте, Беркли и т.д. - он явно тяготеет к рассмотрению важнейших духовных проблем в контексте Традиции и традиционных сакральных учений.

В 1925 году появляется первая книга Эволы, целиком посвященная разбору традиционных доктрин индийской йоги - "Человек как потенция", которая во втором издании была названа "Йога могущества". Позже выходит труд по западной алхимической инициации -"Герметическая Традиция". Параллельно Эвола публикует сборник своих эссе относительно различных аспектов традиционных инициатических учений, а также тексты, переводы и комментарии членов небольшого эзотерического кружка, который сформировался вокруг него - "Группы УР". Этот сборник вышел под названием "Введение в Магию как в науку Я". Уже в этот период Эвола делает попытки реализовать определенные аспекты своей консервативно-революционной доктрины на практике. Он стремится повлиять в консервативно-революционном ключе, с особым акцентом на традиционализм, на итальянское фашистское движение. Но несмотря на определенное сходство между фашизмом и Консервативной Революцией, между этими идеологическими формами существовали и глубокие противоречия. В своей критике фашизма справа Эвола оставался таким же нонконформистом, как и в самые ранние периоды своего творчества. Хотя среди высших чинов фашистского движения были люди, которые ему симпатизировали, - сам Муссолини не раз позитивно отзывался о работах Эволы, - у него было множество врагов, и не только его журнал "Ля Торре" ("Башня") был закрыт по цензурным соображениям, но и многие его тексты публиковались в официальных фашистских журналах с большими осложнениями. Радикализм, бескомпромиссность и бесконечная преданность чистоте идеалов Традиции Эволы мешали многим фашистским чисто прагматическим идеологическим ходам (в частности, альянсу с Ватиканом), а также вызывали ярость у обычных "арривистов", конформистов и фашистских бюрократов. Но как бы то ни было, Эвола стремился придать своей деятельности не только чисто умозрительный, но активный, конкретный, созидательный характер, следуя пути традиционного воина, кшатрия, который может внутренне реализовать метафизические и трансцендентные ценности только через героическое, жертвенное, воинственное внешнее действие, действие Преодоления. Наиболее полным воплощением этого политического проекта Консервативной Революции в традиционалистском ключе было появление "Языческого Империализма".

В Италии "Языческий Империализм" особого отклика не вызвал, но совсем иначе обстояло дело в Германии, где перевод этой книги получил в конце двадцатых годов

огромную известность. Так как Эвола стоял за итало-германский политический и геополитический альянс, а его позиция была начисто лишена шовинизма, узкого национализма и ксенофобии, которые были в целом не чужды итальянскому фашизму среднего периода, то немецкие консервативные революционеры увидели в нем автора, наиболее близкого к ним самим. С этого времени в Германии постоянно проходят конференции Эволы, он становится членом консервативно-революционных элитарных организаций - таких, как "Herrenklub" ("Клуб Господ") Генриха фон Гляйхена и принца де Рохана и т.д. Параллельно этому укрепляются связи Эволы с французскими традиционалистами, последователями и учениками Рене Генона. Эвола сам знакомится с Геноном, переводит на итальянский его книги и статьи, - в частности, "Кризис современного мира" и др., - поддерживает с ним постоянные контакты посредством писем.

В 1934 году Эвола пишет свою главную книгу - книгу жизни - "Восстание против современного мира". В ней он подробно излагает принципы традиционалистской Консервативной Революции. В первой части разбираются позитивные иерархические ценности истинного мира Традиции, во второй описываются этапы деградации Традиции и генезис современного мира - через переход власти от одной касты к другой, через сменяющие друг друга стадии патриархального и матриархального строя, вплоть до возникновения "современного мира", два наиболее страшных и апокалиптических, вырожденческих лика которого Эвола видел в Советской России и в Соединенных Штатах Америки. До сегодняшнего дня эта книга остается центральным классическим трудом по традиционализму.

Эвола пишет также несколько книг, посвященных расовой проблеме, в которых он исследует точку зрения Традиции по этому вопросу. В них он жестко критикует расхожие в то время в Германии и Италии теории биологического расизма. Классическим в этой сфере стал приведенный им пример о скандинавских народах европейского Севера, которых менее всего можно назвать духовными арийцами, сознающими высшие ценности арийской Традиции, несмотря на то, что в чисто биологическом смысле они могут служить образцом белой расы. В работах "Синтез расового учения", "Замечания по поводу расового воспитания" и т.д. Эвола говорит о трех типах расы - о "расе тела", "расе души" и "расе духа", которые совсем не обязательно совпадают между собой. Довольно откровенно критиковал Эвола и биологический антисемитизм, указывая на этническую разнородность евреев, которая отнюдь не мешает всем им принадлежать к одной и той же "расе души", обладать одними и теми же психическими реакциями. Что же касается особой исторической миссии евреев, которая широко обсуждалась в ту эпоху в самых различных кругах, то Эвола в его предисловии к итальянскому переводу знаменитых "Протоколов Сионских Мудрецов" справедливо замечал, что сами евреи и еврейство в целом отнюдь не являются источниками антитрадиционной и антисакральной стратегии, но представляют собой лишь жертвы темного воздействия более страшных и более глубоко скрытых антидуховных сил. Сам Эвола заверяет в книге "Путь Киновари": "Наконец, следует однозначно заявить, что ни я, ни мои друзья в Германии не знали о тех эксцессах, которые совершили нацисты по отношению к евреям, а если бы мы знали об этом, то ни в коем случае не одобрили бы этого".

В этот же период появляется и книга, посвященная буддизму - "Доктрина Пробуждения".

В конце Второй Мировой войны Эвола, исследующий в Вене масонские архивы, попадает под бомбежку и получает травму позвоночника. До конца своей жизни он остается парализованным. После войны он возвращается в Италию, где продолжает свою интеллектуальную и творческую деятельность. Он пишет книгу "Фашизм, критика справа", где разбирает позитивные и негативные аспекты этого движения, а также те пункты, в которых оно отклонилось от чистоты консервативно-революционных доктрин. Позже появляются такие книги, как "Человек и развалины", "Ориентации", "Оседлать

тигра". Все они продолжают тему Консервативной Революции и ее перспектив, так как Эвола категорически отказывается считать поражение стран Оси синонимом поражения самой Консервативной Революции. Он полагает, что темные "подрывные" антисакральные силы были в фашистский и нацистский период не только внешними демократо-коммунистическими факторами, но и внутренними. Мужество и последовательность Юлиуса Эволы в защите тех ценностей, которым он служил всю жизнь, делает его уникальным примером среди других консервативных революционеров, и этим он от многих из них - и особенно от Эрнста Юнгера - выгодно отличается.

Но Эвола не оставляет и чисто традиционалистские исследования. Он пишет замечательную фундаментальную книгу "Метафизика Секса", где разбирает эту проблему в свете учений Традиции, ее эзотерических и инициатических аспектов. Этот труд стал классическим по данной проблеме, получил в Европе широчайшую известность. На него ссылаются и его цитируют даже те, кто принципиально не приемлют теорий Консервативной Революции или даже откровенно с ними борются. Кроме того, Эвола заново редактирует свою раннюю книгу " Мистерия Грааля " и выпускает книгу, направленную против нео-спиритуализма, - "Маски и лики современного спиритуализма", - где он жестоко критикует современные неомистические, псевдоэзотерические движения и секты. Занимается Эвола и переводами - он переводит на итальянский "Закат Европы" Шпенглера, а также многие романы австрийского эзотерического писателя Густава Майринка - "Ангел Западного Окна", "Вальпургиева Ночь ", "Белый Доминиканец" и т.д.

Умер Эвола в 1974 году. Его прах похоронен на вершине горы Монте Роза, так как сам он очень любил альпинизм, в котором его привлекали риск, удаленность от всего человеческого, столкновение с чистыми, свежими и страшными силами мира - мира как энергии, как спонтанного и магического проявления того, что лежит По Ту Сторону.

"Языческий"...? "Империализм"...?

В конце жизни Эвола подверг серьезному переосмыслению многое из того, что он написал ранее. В результате, переиздания его трудов очень часто содержат многочисленные поправки, изменения и коррекции. В книге "Путь Киновари" Эвола пояснил, что некоторые его книги имели чисто прагматическую, политическую специфику, определявшуюся потребностью момента. У некоторых книг Эвола даже изменил названия. Показательно, что "Языческий Империализм" был единственным трудом, который Эвола переиздавать вообще отказался. Иными словами, эту работу он считал наиболее прагматической, невыверенной и полемически заостренной. Но в то же время именно "Языческий Империализм" содержал в зародыше все те темы, которые были позднее развиты им в "Восстании против современного мира" и в других политико-традиционалистских книгах.

"Языческий Империализм" в его итальянском варианте был полемическим завершением целой серии статей, опубликованных Эволой в различных журналах против "гвельфской" ориентации итальянского фашизма, то есть против "католического фашизма". Этот итальянский вариант имел подзаголовок "Фашизм перед лицом евро-христианской опасности - полемика против тезисов партии гвельфов". Книга изобиловала конкретными политическими подробностями, которые были сняты в немецком варианте, более общем, объективном и сдержанном. Сам Эвола позже признавался: "В книге - и я должен признать это - радикализм политической мысли и жесткий стиль сочетался с юношеским отсутствием меры и политического чувства, с утопическим неведением относительно реального положения дел". На самом деле, "Языческий Империализм" был написан не столько в защиту фашизма, сколько в целях его критики, в целях придания ему особого аристократического и традиционалистского характера, которым он никогда в действительности не обладал.

В принципе, это полемическое произведение содержало много моментов, от которых Эвола впоследствии отказался. Наиболее принципиальными погрешностями данной работы сам он считал чрезмерное восхищение "римской языческой традицией", которая в своем позднем историческом проявлении была отнюдь не так идеальна и полноценна, как казалось в то время Эволе. По его собственному признанию, позже ему стало ясно, что поздний дохристианский Рим был не столько выражением древнейших сакральных, солнечных арийских ценностей, сколько декадентским смешением выродившихся арийских культов с лунными и еретическими синкретическими культами Востока. С другой стороны, сама христианская традиция, которую Эвола в юности был склонен рассматривать как "учение духовного пролетариата", тоже не была столь однозначной, хотя, несмотря на различные эпизоды его жизни, - одно время он даже пребывал в христианском монастыре в качестве монаха, - Эвола все же до конца не принял христианства как полноценной и аутентичной традиции (как это сделали многие другие традиционалисты, основываясь на тезисах Рене Генона).

Само название "Языческий Империализм", которое Эвола сделал прагматическим тезисом гибеллинской версии Консервативной Революции, было не слишком удачным. В "Пути Киновари" Эвола писал: "...ограниченность этого названия была очевидной, так как я вовсе не имел в виду ни "империализма", поскольку этот сугубо современный термин обозначает чисто негативную тенденцию, сопряженную с отчаянным национализмом, ни "язычества", поскольку этот термин является уничижительным и чисто христианским. Следовало бы в историческом контексте, скорее, говорить о "традиционности римского типа" ("tradizionalita romana")". Таким образом, словосочетание оказалось неудачным и популярным не стало, однако, комплекс идей, заложенных в данной работе, многим культурным и политическим деятелям той эпохи приоткрыл особое, сугубо традиционалистское и эзотерическое, видение консервативно-революционных перспектив. Что же касается Германии, то переработанный и во многом исправленный вариант этой книги ("Heidnische Imperialismus") ложился на совершенно иную идейную и культурную почву, так как элементы индо-европейской, арийской традиции с дохристианскими корнями в архаичной и почвенной Германии были намного более органичными и конкретными, нежели в профанической, "культурной" и "модернистической" Италии. Показательно, что среди германских консервативных революционеров, а позже среди национал-социалистов, термины "фашизм", "фашист", "фашистский" имели бранный характер и обозначали "футуризм", "модернистский романтизм", нечто "индивидуалистическое", "утопическое" и "несерьезное".

Как бы то ни было, именно благодаря публикации "Языческого Империализма" на немецком языке немецкие интеллектуалы, политики, идеологи и т.д. впервые познакомились с традиционалистским направлением. Труды Генона и его последователей были в то время немцам совершенно неизвестны. Именно через Эволу, через его конференции, лекции, статьи и книги Германия стала открывать для себя традиционализм и свойственную ему уникальную и законченную позицию по отношению как к истории, так и к настоящему. До выхода в 1933 году " Языческого Империализма" в издательстве "Арманен-Ферлаг" в Германии наиболее духовные элементы консервативно-революционного движения основывались на "ариизированной" версии теософизма, нео-спиритуализма и оккультизма, что в подавляющем большинстве случаев вносило в их концепции непоправимые погрешности, неточности, заблуждения и даже крайне опасные искажения традиционных доктрин. Большинство же авторов оставалось на чисто профаническом, философском, культурологическом или историографическом уровне, что с необходимостью ограничивало общий горизонт консервативно-революционных идей.

Хотя "Языческий Империализм" в итальянской версии и не получил серьезного резонанса, хотя в названии и заключалась определенная двусмысленность и неточность, хотя многие тезисы этой книги и были явно преувеличенными, все это отнюдь не умаляет ценности этого важнейшего труда. Он остается классическим памятником

традиционалистской версии Консервативной Революции, и именно в нем следует искать генезис многих идей, доктрин и учений, которые позже получили широкое распространение, хотя и в более сглаженной, фрагментарной и скрытой форме у самых различных европейских авторов подчас прямо противоположных направлений. Можно сказать, что "Языческий Империализм" - это нечто чрезмерное, но при этом, быть может, более насыщенное смыслом, подразумеванием, намеками, энергией, семенами неожиданной и блистательной идеологии, нежели другие выдержанные, но не столь яркие труды того же направления, и в том числе труды самого Эволы. Если чрезмерность - порок в политике, так как она искажает реалистические пропорции конкретных действий, то в идеологии - это, напротив, достоинство, поскольку только обобщение и обращение к принципам может осветить всю полноту идеологических соответствий и связей. Как бы то ни было, сам термин "языческий империализм" остается выразительной концепцией, даже в том случае, если в книге под таким названием и в соответствующем движении, строго говоря, нет ничего "языческого" и "империалистического".

"Языческие империалисты" и "правые анархисты"

В своей книге "Оседлать Тигра" Эвола в конце жизни писал, что в условиях полной деградации послевоенного мира, приближающегося к самой низшей циклической точке всей человеческой истории, в ситуации, когда сама возможность Консервативной Революции была исключена после поражения стран Оси, в той или иной степени связанных с этой Революцией, у "обособленных людей", т.е. у людей, внутренне принадлежащих к миру Традиции, а не к десакрализированному "современному миру", остается только один выход - " фронт катакомб", попытка преобразовать "яд в лекарство " путем личного неприятия всего окружающего извращенного бытия. Эвола вынес из своей активной, насыщенной, трагической и героической жизни ощущение невозможности реализации традиционалистских консервативно-революционных идеалов в современном мире: там, где антидемократические и антикоммунистические силы смогли победить, там они, по большей части, остались глухи к Сакральному и не предприняли никаких серьезных попыток к подлинной традиционной Реставрации. Истинные традиционалисты так и продолжали оставаться на периферии в течение всей короткой истории существования государств Третьей Силы. С другой стороны, давление современного мира даже на эти половинчатые формы было столь велико, что и они не могли стать устойчивыми и переломить процесса "демократизации" и "коммунизации" современной цивилизации, которые для традиционалистов суть воплощение анти-Традиции, а следовательно, абсолютного зла. Более того, в результате многочисленных манипуляций с теми или иными консервативно-революционными концепциями, на идеологическом, партийном, политическом и даже культурном уровне стало невозможно отделить здравое зерно от пародии, истину от имитации. "Правые" ценности - которые должны были бы быть близки традиционалистам - стали отождествляться с "капитализмом" или интересами государственной бюрократии, а среди "левых" ценностей - которые должны были бы быть чужды традиционалистам - появились мотивы справедливой, верной и глубокой критики современной анти-традиционной цивилизации. Таким образом, пропорции между "правым" и "левым" были смещены. Кроме того "подрывные" силы контр-инициации, той таинственной организации, которая, по мнению традиционалистов, управляет негативными процессами в цивилизации, стараются путем интеллектуального, финансового и пропагандистского контроля поставить себе на службу самые разнообразные концепции, исказив их изначальный смысл в соответствии со своими надобностями. Поэтому Эвола в конце концов пришел к убеждению, что единственным критерием "подлинности" для человека, стремящегося противостоять "современному миру", остается "качество внутренней обособленности", "дифференцированности", а также органическое неприятие всех ценностей актуальной цивилизации, всех ее мифов и

лозунгов, всех ее псевдосвятынь и псевдозаконов. Трагический исход неудавшихся попыток Консервативной Революции в Европе еще раз подтвердил необходимость изначальной фазы "тотального отрицания", которую на практике познал Эвола в своей юности.

Эта центральность чистого типа "обособленного человека" по ту сторону партийной или групповой принадлежности, по ту сторону "правых" и "левых" проявилась, в частности, в том, что многие итальянские последователи Эволы, начиная с 6О-ых годов, выбрали путь "правого анархизма". Такое понимание концепций Эволы отнюдь не было эксцессом или отступлением от ортодоксального традиционализма. Напротив, исчезновение из цивилизационного поля последних остатков Традиции, полная победа антисакральных космополитических "подрывных" сил на всей территории планеты, тотальность идеологической диктатуры Системы - все это заставляет людей, верных логике Консервативной Революции, то есть Революции против мира анти-Традиции и за сохранение, (" консервацию"), мира Традиции, радикализировать отрицательный, "революционный" аспект своих доктрин, вплоть до принятия крайней "анархической" позиции. Но этот "анархизм обособленных людей" отличается от обычного анархизма тем, что он воспринимает тотальное отрицание как тотальное и героическое преодоление, где за пределом самого отрицания зияет не бездна, но горизонт " позитивного" блистательно мира Духа, мира Традиции, мира Абсолюта.

Некоторым исследователям творчества Юлиуса Эволы - в частности, переводчику его книг на французский язык и глубокому знатоку трудов и жизни Эволы Филиппу Байе - казалось, что "Языческий Империализм" или, точнее, статус "языческого империалиста" является в некотором смысле антитезой "обособленного человека" из последней книги "Оседлать Тигра", который, в свою очередь, гораздо ближе к раннему дадаистскому периоду. На самом деле, если проследить этапы жизни барона Эволы, то мы увидим, что логика пути от "правого анархиста" до "языческого империалиста" и снова к "правому анархисту" не является ни "порочным кругом" судьбы, ни признаком деградации, ни "ренегатством" по отношению к традиционализму. Во всех случаях мы имеем дело с одним и тем же типом человеческой личности - с "обособленным человеком", с "дифференцированным человеком". Этот тип является принципиальной и неизменной точкой отсчета, неким "нечеловеческим" Присутствием внутри чисто человеческой личности, наличием высшей и спонтанной Силы-Сверху. В истории и во времени изменяется не сам этот тип, а внешний по отношению к нему мир, и это внешние изменение вызывает соответствующие реакции, варьирующиеся в зависимости от обстоятельств. В тот период, когда в цивилизации налицо превосходство антисакральных и антитрадиционных, антидуховных процессов, когда эти процессы начинают преобладать, "обособленный человек" акцентирует свое неприятие внешнего мира, свое отрицание, свой "анархизм", свое "НЕТ". И здесь речь идет не о "разрушительной" или "созидательной" склонности той или иной натуры - речь идет о принципиальной и глубинной реакции, которую фактически невозможно ни имитировать, ни высчитывать. Неважно в этом случае, выдвигает ли человек альтернативные ценности или нет - он может оказаться в ситуации, когда у него не будет возможности найти адекватные интеллектуальные или культурные формы, чтобы выразить свои собственные внутренние идеалы. Важно лишь, что он органически не приемлет десакрализированный мир и отказывается подчиняться его законам, признавать его приоритеты, поддаваться гипнозу его увещеваний и угроз. Но, в отличие от "чистых нигилистов", "анархистов слева", в случае возникновения во внешнем мире малейших признаков обратных, духовных, реставрационных процессов, ратующих за восстановление Традиции, за возврат к Сакральному, "обособленный человек" тут же обнаруживает "утвердительную", "созидательную" сторону своей внутренней природы, обнажает свое внутреннее великое "ДА", "вечное ДА Бытия" ("ewige Ja des Seins"), как писал Ницше. И в такой момент пытающийся возродить свою утраченную Сакральность внешний мир обязательно дает

"обособленному человеку" конструктивные термины для выражения его позиции, которые могут быть подчас неточными или прагматическими, но которые, в любом случае, отражают глубинный сакральный импульс - живой, конкретный и органичный. Таким образом, "обособленный человек" становится "языческим империалистом" тогда, когда тенденции к восстановлению Сакрального Порядка, - высшим символом которого является Империя, Священная Империя, - переламывают однонаправленность процессов исторической инволюции, деградации и цивилизационного декаданса, когда против "Заката Европы" поднимаются новые и свежие силы. Принимая все это во внимание, можно однозначно утверждать, что идеологические повороты в мировоззрении Юлиуса Эволы отражают не его частный и индивидуальный путь, но судьбу Архетипа, судьбу "обособленного человека" по преимуществу, логику трагической борьбы "защитника Традиции" в наш Темный Век.

Когда же попытка внешней реализации Консервативной Революции оканчивается неудачей, когда антисакральные силы вновь начинают всецело доминировать, не оставляя никакой внешней возможности к сопротивлению, тогда снова становятся актуальными "анархические мотивы", снова требуется Отрицание, причем еще более решительное и абсолютное, умудренное опытом крушения надежд. Но и это "НЕТ" не является окончательным и бесповоротным. "Обособленный человек" не может изменить своей внутренней природы и превратиться в классического нигилиста. Как только появится первая возможность снова изменить внешнее положение дел, по ту сторону "анархизма" откроется великая созидательная сила - имманентная и конкретная (а потому условно "языческая"), и глобальная, и всеохватывающая (а потому условно "империалистическая") сила нового "Языческого Империализма".

Миссия Эволы

Тексты Эволы обращены не ко всем. Это он сам прекрасно осознавал, и более того, всегда подчеркивал аристократическую направленность своих книг. Если труды других консервативных революционеров призваны убедить читателя, доказать ему правоту консервативно-революционных доктрин, продемонстрировать кризисность "современного мира", Эвола пишет для тех, кто глубинно принадлежит к тому же типу, что и он сам, обращается к "обособленным людям", носителям Сакрального, хотя кое-кто из них, быть может, пока и не догадывается об этом. С другой стороны, в отличие от многих традиционалистов, он не ограничивает заведомо круг своих читателей кругом интеллектуалов, владеющих всем аппаратом традиционалистской терминологии. Поэтому его потенциальная аудитория является крайне своеобразной - его труды интересны как политикам, так и историкам религии, как эзотерикам, так и социологам, как специалистам в области эстетики, так и военным. Любопытно заметить, что определенные идеи Эволы - относительно порочности современного буржуазного строя, относительно "манипуляции" сознанием и мягкой диктатуры "демократических" режимов - были взяты на вооружение немецкими и итальянскими Новыми Левыми, которые, восприняв "критическую" сторону доктрин Эволы, отбросили "позитивную", традиционалистскую часть. Но естественно, не Новые Левые и не академические ученые, над которыми Эвола всю жизнь насмехался, являются адресатами его послания. Эвола заинтересован в пробуждении "спящих", то есть тех потенциальных носителей Сакрального Начала, которым необходим определенный внешний импульс, чтобы отдать себе отчет во всем объеме скрытых в глубине души трансцендентных сил, избежав при этом риска окунуться в гротескные доктрины неоспиритуализма, пародийной и "подрывной" современной псевдодуховности.

При этом крайне важно, что Эвола настаивает именно на тотальной "мобилизации" "обособленных людей". Сама его жизнь - это уникальный образец духовной и интеллектуальной последовательности, верности своим идеям, вопреки всем обстоятельствам. В ней высшее мужество в "экспериментальном доказательстве"

Трансцендентной Силы, движущей "обособленными людьми". Он считает, что полноценный консервативный революционер должен подвергнуть переосмыслению все аспекты современного мира, современного духа, чтобы этот растлевающий яд не смог проникнуть в его внутренний антисовременный мир. Поэтому Эвола считает необходимой постановку под вопрос всех принципов, на которых стоит современная цивилизация - как в политике, так и в культуре, как в экономике, так и в эротике, как в сфере расы, так и в сфере этносов и т.д. Более того, "обособленный человек" - независимо от того, является ли он "языческим империалистом" или "правым анархистом" - должен начинать с некоторых фундаментальных принципов Традиции, со сферы традиционных эзотерических и инициатических доктрин, и заканчивать "обособлением" в повседневной жизни, которая также является полем борьбы и преодоления. Если "обособленный человек" ведет жизнь обыкновенного буржуа и лишь в мыслях отождествляет себя с солнечным арийским героем, то это свидетельствует о фиктивности его позиции, об имитации, о его сущностной поддельности. Сфера политики не является при этом исключением. В ней тоже необходимо активное и последовательное действие, хотя оно и не должно, по мнению Эволы, заменять собой все. Но главное - это именно тотальность опыта " обособленности" как в его разрушительных, так и в его позитивных аспектах.

Сегодня на Западе существует множество движений и организаций, которые продолжают и развивают идеи Эволы, остаются верными его миссии. "Эволаизм" характерен для определенных секторов европейского традиционализма, для некоторых эстетических и культурных течений. Существует даже понятие "эволомании", так как некоторые последователи - как это произошло и в случае Генона - каждую запятую Эволы понимают как откровение и считают кощунственным хоть в чем-то отступить от "буквы" учения Мэтра. Больше всего последователей Эволы в Италии, Франции и Испании, но есть они и в других странах - в Бельгии, Германии, Австрии, Греции и т.д. Многие концепции европейских Новых Правых, которые являют собой сегодня наиболее широкое и значительное движение в рамках вновь возрождающейся на Западе Консервативной Революции, изначально разрабатывались, отправляясь именно от трудов Эволы. Так, к примеру, признанный глава и вдохновитель европейских Новых Правых Ален де Бенуа, утверждает, что для него ориентиром всегда был именно Эвола. Вообще говоря, если до Второй Мировой войны традиционалистское движение в Консервативной Революции, воплощенное в фигуре Юлиуса Эволы, было отнюдь не центральным в общем спектре различных консервативно-революционных мировоззрений, то после войны именно Эвола и его доктрины стали в центре всего того, что можно определить как Третий Путь, то есть как общее анти-демократическое и анти-коммунистическое движение. И это не случайно, так как у Эволы содержится наиболее глубокая, наиболее "трансцендентная", а потому и не подверженная временным обстоятельствам, концепция Консервативной Революции, в ее типологическом, архетипическом и предельно ясном виде. Оставаясь в течение всей жизни непризнанным и непонятым, этот удивительный автор стал после смерти мифом, героем, высшим авторитетом и примером для подражания.

КАРЛ ШМИТТ: 5 УРОКОВ ДЛЯ РОССИИ

Знаменитый немецкий юрист Карл Шмитт считается классиком современного права. Некоторые называют его "современным Макиавелли" — за то, что в его анализе политической реальности отсутствуют сентиментальное морализаторство и гуманистическая риторика. Карл Шмитт считал, что в определении правовых проблем в первую очередь важно дать ясную и реалистичную картину политических и социальных процессов, отказавшись от утопий и благопожеланий, а также от априорных императивов и догм. Сегодня научное и юридическое наследие Карла Шмитта является необходимым элементом юридического образования в западных университетах. Для России же его торчество представляет особый интерес и особое значение, так как Шмитта особенно

интересовали критические ситуации в политической жизни современности. Его анализ права и политического контекста права без сомнения поможет нам яснее и глубже понять, что происходит в нашем обществе, что происходит в России.

Урок 1 : Политика, политика превыше всего

Главным принципом философии права Карла Шмитта была идея о безусловном главенстве политических принципов надо всеми критериями общественного существования. Именно политика организовывала и предопределяла стратегию внутреннего и Все большее усиление давления экономических факторов в современном мире Карл Шмитт объяснял следующим образом: "Тот факт, что сегодня экономические противоречия становятся противоречиями политическими <...> свидетельствует лишь о том, что как и всякий другой вид человеческой деятельности, экономика может пойти по пути, который неизбежно приводит к политическому выражению".("Begriff des Politischen", стр. 127)

Смысл такого утверждения, подкрепленного у Шмитта, разумеется, солидной исторической и социологической аргументацией, сводится в конечно счете к тому, что можно определить как теорию "коллективного исторического идеализма", где в качестве субъекта выступает не индивидуум, экономические законы, развивающееся вещество и т.д., а конкретный исторически определяемый социально единый н а р о д, сохраняющий сквозь разные формы и стадии своего экономико-социального существования качественное единство, духовную непрерывность традиции и органическую особой воли, динамической, но наделенной своими собственным законом. Сфера политики в понимании Шмитта становится воплощением воли народа, выражающейся в самых различных формах, которые относятся к юридическому, экономическому и социально-политическому уровням.

Такое определение политики идет в разрез с механистическими универсалистскими моделями структуры общества, которые преобладали в западной юриспруденции и философии права начиная с эпохи Просвещения. У Шмитта сфера политика связывается напрямую с двумя факторами, которые механицистские доктрины склонны были игнорировать: с конкретикой исторического народа, наделенного своей особой качественной волей, и с исторической спецификой того или иного общества или государства, традиции и прошлое которого, по мнению Шмитта, концентрируются в его политическом проявлении. Шмитт, таким образом, утверждая примат политики вводил в философию права и в политологию качественные, органические характеристики, заведомо неукладывающиеся в одномерные схемы "прогрессистов" — как либерально-капиталистического, так и марксистско-социалистического толка.

Теории Шмитта рассматривали политику, как явление "укорененное", "почвенное", "органическое".

Такое понимании политики необходимо России и русскому народу для того, чтобы адекватно распорядиться своей судьбой и не стать снова, как 7 десятилетий назад, заложником анти-национальной, редукционистской идеологии, игнорирующей волю народа, его прошлое, его качественное единство и духовный смысл его исторического пути.

Урок 2: Пусть всегда будут враги, пусть всегда будут друзья

Карл Шмитт в книге "Понятие Политики" высказал чрезвычайно важную истину: "Народ существует политически только в том случае, если он образует независимую политическую общность и если он при этом противопоставляет себя другим политическим общностям, как раз во имя сохранения своего собственного понимания своей специфической общности". Хотя эта точка зрения полностью расходится с гуманистической демагогией, характерной как для марксизма, так и для либерально-

демократических концепций, вся мировая история, и в том числе действительная (а не прокламируемая) история марксистских и либерально-демократических государств, показывает, что именно так дело обстоит на практике, хотя утопическое, пост-просвещенческое сознание и не способно этот факт признать. В реальности, политическое разделение на "наших" и "ненаших" существует во всех политических режимах и во всех народах. Без этого разграничения ни одно государство, ни один народ, ни одна нация не смогли бы сохранить своего особенного лица, не смогли бы иметь своего собственного пути, своей собственной истории.

Трезво анализируя демагогическое утверждение о анти-гуманности, нечеловечности такой оппозиции, такоего деления на "наших" и "ненаших", Карл Шмитт замечает: "если некто начинает выступать от имени всего человечества, от лица абстрактной гуманности, это означает на практике, что этот некто высказывает таким образом чудовищную претензию на то, что он лишает всех своих возможных оппонентов человеческого качества вообще, объявляет их вне человечества и вне закона, и потенциально предполагает войну, доведенную до самых страшных и бесчеловечных пределов". Поразительно, что эти строки написаны в 1934 году, задолго до американского террористического нападения на Панаму или бомбардировок Ирака. А кроме того, о жертвах ГУЛАГ'а тогда тоже еще не было достаточно известно на Западе. Таким образом, к самым страшным последствиям приводит не реалистическое признание качественной специфики политического существования народа, которая всегда предполагает деления на "наших" и "ненаших", но именно стремление к насильной универсализации, к втискиванию наций и государств в клетки утопических концепций "единого и однородного человечества", лишенного всяких органических и исторических различий.
Отправляясь от этих предпосылок Карл Шмитт развил теорию "тотальной войны" и "ограниченной войны", так называемой "войны форм". Тотальная война является следствием универсалисткой утопической идеологии, отрицающей естественные культурные, исторические,государственные и национальные различия народов. Такая война чревата уничтожением человечества. Экстремистский гуманизм — прямой путь к такой войне, считает Карл Шмитт. Тотальная война предполагает участие в конфликте не только военных, но и мирного населения. Это — самое страшное зло. "Война форм" — неизбежна, так как различия между народами и их культурами неистребимы. Но "война форм" предполагает участие в ней только профессиональных военных и может регулироваться определенными юридическими правилами, которые некогда в Европе носили название Jus Publicum Europeum (Европейский Общественный Закон). "Война форм" — наименьшее зло. теоретическое признание ее неизбежности, за раннее предохраняет народы от "тотализации" конфликта и от "тотальной войны". Здесь уместно привести знаменитый парадокс Шигалева из "Бесов" Достоевского, который говорил "Исхожу из абсолютной свободу и прихожу к абсолютно ому рабству". Перефразируя эту истину применительно к идеям Карла Шмитта, можно сказать, что сторонники радикального гуманизма "исходят из тотального мира и приходят к тотальной войне". В справедливости замечания Шигалева мы имели возможность убедиться в течении всей советской истории. Убедиться в правоте Карла Шмитта гораздо труднее, так как если его предупреждения не будут учтены, некому будет засвидетельствовать его правоту — от человечества ничего не останется.

И последний важный момент в определении "наших" и "ненаших", "врагов" и "друзей". Шмитт считает, что фундаментальность этой пары для политического бытия нации ценно так же и тем, что в этом выборе решается глубинная экзистенциальная проблема. Жульен Фройнд, ученик и последователь Карла Шмитта, так сформулировал этот тезис. "Пара враг-друг дает политике экзистенциальное измерение, так как предполагая теоретически возможность войны, выбор в рамках этой пары ставит проблему жизни смерти". (Жульен Фройнд "Силовые линии политической мысли Карла Шмитта" Нувель Эколь" n 44). Юрист и политик, рассуждающие в категориях "враг"-

"друг" с ясным осознанием смысла этого выбора, оперируют тем самым экзистенциальными категориями, что придает их решениям, поступкам и заявлениям качество реальности, ответственности и серьезности, которых лишены все утопические гуманистические абстракции, превращающие драму жизни и смерти в войне в одномерную химерическую декорацию. Страшной иллюстрацией этого было освещение иракского конфликта западными средствами массовой информации — американцы следили за гибелью иракских женщин, детей и стариков по телевизору, как будто наблюдая за компьютерными играми звездных войн. Идеи Нового Мирового Порядка, основы которого были заложены в этой войне, являются высшим проявлением лишения страшных и драматических событий всякого экзистенциального содержания.
Пара "враг"-"друг", являющаяся и внешне- и внутренне-политической необходимостью для существования политически полноценного общества, должна быть холодно принята и осознанна, в противном случае, "врагами" станут все, а "друзьями" никто. Это политический императив истории.

Урок 3: Политика "исключительных обстоятельств" и Решение

Одной их самых блестящих сторон концепции Карла Шмитта является принцип "исключительных обстоятельств" (по-немецки "Ernstfall" дословно "серьезный случай"), возведенный в ранг политико-юридической категории. Согласно Шмитту юридические нормы описывают только нормальную политико-социальную реальность, протекающую равномерно и непрерывно, без разрывов. Только к такой сугубо нормальной ситуации применимы в полной мере понятие "права", как его понимают юристы. Существуют, конечно, регламентации "чрезывычайного положения", но эти регламентации определяются, чаще всего, все же исходя из критериев нормальной политической ситуации. Классическая юриспруденция тяготеет, по мнению Шмитта, к абсолютизации критериев нормальной ситуации, к рассмотрению истории общества как одномерного юридически конституируемого процесса. Наиболее полным выражением такой точки зрения является "Чистая теория права" Кельзена. Однако за этой абсолютизацией концепции "правового подхода", "правового государства" Карл Шмитт видит тот же утопический механицизм и наивный универсализм, идущие от Просвещения с его рационалистическими мифами. За абсолютизацией права скрывается попытка "закрыть историю", лишить ее творческого, страстного измерения, ее политического содержания, ее н а р о д н о с т и. На основании такого анализа, Карл Шмитт выдвигает особую теорию — теорию "исключительных обстоятельств", Ernstfall.

Ernstfall — это момент, когда принимается политическое решение в ситуации, которая не может более быть регламентированной обычными юридическими нормами. Решение в "исключительных обстоятельствах" предполагает соединение множества разнородных органических факторов, относящихся как к традиции, историческому прошлому, культурным константам, так и к спонтанному волеизъявлению, героическому преодолению, страстному порыву, внезапному проявлению глубинных экзистенциальных энергий. Истинное Решение (а сам термин "решение" был ключевой концепцией юридических доктрин Шмитта) принимается именно в состоянии "разрыва" юридических и социальных норм, и тех что описывают естественное течение политических процессов и тех, что начинают действовать в случае "чрезвычайного положения", в случае "социально-политической катастрофы". "Исключительные обстоятельства" — это не просто катастрофа, это постановка народа и его политического организма перед проблемой, обращенной к его исторической сущности, к его сердцевине, к его тайной природе, которая и делает этот народ тем, что он есть. И поэтому Решение, принимаемое политически в такой ситуации, является спонтанным выражением глубинной воли народа, отвечающей на глобальный экзистенциальный и исторический вызов (здесь можно сравнить взгляды Шмитта со взглядами Шпенглера, Тойнби и других консервативных революционеров, с которыми Карл Шмитт, впрочем, был лично тесно связан).

Во французской юридической школе последователей Карла Шмитта был выработан специальный термин "десизионизм", от французского "decision", "решение" (по-немецки "Entscheidung"). "Десизионизм" главный акцент ставит именно на "исключительных обстоятельствах", так как в это мгновение нация, народ актуализируют и свое прошлое и предопределяют свое будущее в драматической концентрации настоящего момента, где воедино сливают три качественных характеристики времени —сила истока, из которого исшел в историю народ, воля народа, обращенная в будущее и утверждение здесь и теперь, где в высшем напряжении ответственности народ схватывает и обнажает свое надвременное "Я", свою самоидентичность.

Карл Шмитт, развив теорию "Ernstfall" ("исключительных обстоятельств") и "Entscheidung" ("решения"), показал также, что собственно говоря утверждение всех юридических и социальных норм происходит именно в периоды "исключительных обстоятельств" и изначально основываются на спонтанном и предопределенном одновременно Решении. Прерывный момент одноразового волеизъявления ложится позднее в основу непрерывной нормы, которая продолжает существует до возникновения новой ситуации "исключительных обстоятельств". Это обстоятельство прекрасно иллюстрирует противоречие, заложенное в концепциях радикальных сторонников "правового государства": они сознательно или нет игнорируют тот факт, что сама аппеляция к необходимости установления "правового государства" есть Решение, не основанное ни на чем ином, кроме как на политическом волеизъявлении определенной группы. В некотором смысле, это императив, выдвинутый произвольно, а не некая неизбежная, фатальная необходимость. Поэтому принятие или отрицание "правового государства" и вообще принятие или отрицание той или иной юридической модели должно быть сопоставлено с волей того, конкретного народа или государства, к которым это предложение или волеизъявление обращены. Подспудно сторонники "правового государства" стремятся именно к созданию или использованию "исключительных обстоятельств" для внедрения своей концепции, но коварство такого подхода, лицемерие и противоречивость метода, вполне закономерно может вызвать народную реакцию, результатом которой вполне может явиться иное, альтернативное Решение. И вполне вероятно, что это Решение приведет к созданию иной юридической действительности, нежели та, к которой стремятся универсалисты.

Концепция Решения и ее сверх-юридическая направленность, а равно как и сама природа Решения сопряжены с теорией "прямой власти" и "косвенной власти" (potestas directa и potestas indirecta). Решение в специфическом контексте Шмитта принимается не только в инстанции "прямой власти" — власти королей, императоров, президентов и т.д. , но и через "косвенную власть", примером которой можно назвать религиозные, культурные или идеологические организации, влияющие на историю народа и государства не так явно, как решения правителей, но тем не менее, подчас воздействующих гораздо более глубоко и серьезно. Шмитт считает, что "косвенная власть" отнюдь не всегда негативна, но с другой стороны, он имплицитно намекает на то, что Решение, идущее вразрез с волей народа, чаще всего принимается и осуществляется именно путем "косвенной власти". В своей книге "Политическая теология" и позднейшим к ней дополнением "Политическая теология II" он подробно разбирает логику функционирование этих двух типов власти в государствах и нациях.

Теория "исключительных обстоятельств" и связанная с ней тема Решения (Entscheidung) имеют для нас сегодня первостепенное значение, так как в находимся именно в той точке истории нашего народа и нашего государства, где "исключительные обстоятельства" стали естественным состоянием нации и где от Решения зависит не только политическое будущее нашего народа, но и осмысление и сущностное подтверждение его прошлого. Если воля народа сможет утвердить самую себя и свой национальный выбор в этот драматический момент, сможет ясно определить своих и чужих, обозначить друзей и врагов, вырвать у истории свое политическое

самоутверждение — тогда Решение русского государства и русского народа будет его собственным, историческим, экзистенциальным решением, ставящим печать верности под тысячелетиями духовного народостроительства, имперостроительства, а значит и будущее у нас будет Русским. Если же Решение примут д р у г и е, то есть в первую очередь сторонники "общечеловеческого подхода", "универсализма" и "эгалитаризма", которые после гибели марксизма представляют е д и н с т в е н н ы х прямых наследников утопической и механицистской идеологии Просвещения, то не только наше будущее будет "нерусским", "общечеловеческим", то есть в конечном счете "никаким" (если стоять на позициях бытия народа, государства, бытия нации), но и наше прошлое потеряет смысл и драма великой русской истории обратится глупым фарсом на пути к мондиализму и полной культурной нивелировке в "общечеловеческом человечестве", "в аду абсолютно правовой реальности".

Урок 4: Императивы Большого Пространства

Карл Шмитт затронул и геополитический аспект социальной проблематики. Наиболее значимой концепцией в этой сфере является идея "Большого Пространства" (Grossraum), воспринятая, позднее, многими европейскими экономистами, юристами, геополитиками и стратегами. Смысл концепции "Большого Пространства" в перспективе анализа Карла Шмитта заключается в очерчивании географических регионов, в рамках которых многообразие политического самопроявления конкретных народов и государств, входящих в состав этого региона, может обрести гармоничное и непротиворечивое обобщение, выраженное в "Большом Геополитическом Союзе". Шмитт отталкивался в этом вопросе от американской доктрины Монро, предполагающей экономическую и стратегическую интеграцию американских держав в естественных границах Нового Света. Так как Евразия представляет собой намного более разнообразный конгломерат этносов, государств и культур, Шмитт полагал, что здесь следует говорит не о полной континентальной интеграции, а о создании нескольких крупных геополитических образований, каждое из которых должно управляться гибким сверхгосударственным принципом, аналогом Jus Publicum Europeum или Священного Союза, предложенного Европе русским императором Александром I.

"Большое Пространство", организованное в гибкую политическую структуру имперско-федерального типа, по мнению Карла Шмитта должно компенсировать многообразие национальных, этнических и государственных волеизъявлений, служить своего рода беспристрастным арбитром и регулятором возможных локальных конфликтов, "войны форм". Шмитт подчеркивал, что "Большие Пространства" для того, чтобы быть органичными и естественными образованиями, с необходимостью должны представлять собой сухопутные территории, теллурократические образования, континентальные массы. В своей знаменитой книге "Номос (закон) Земли" он прослеживал историю континентальных политических макро-образований, пути их интеграции, логику их постепенного созидания в империи. Карл Шмитт заметил, что параллельно существованию духовных констант в судьбе народа, констант, воплощающих в себе духовную сущность народа, существуют геополитические константы "Больших Пространств", которые тяготеют к новому воссозданию с перерывами в несколько столетий или даже тысячелетий. Геополитические макрообразования при этом являются стабильными в том случае, если интегрирующий принцип является не жестким и абстрактно воссозданным, но гибким, органичным и соответствующим Решению народов, их воле, их страстной энергетики, способной вовлечь в единый теллурократический блок своих культурных, географических или государственных соседей.

Доктрина "Больших Пространств" ("Grossraum") создавалась Карлом Шмиттом не только как анализ исторических тенденций в истории континента, но и как проект будущего объединения, которое Шмитт считал не только возможным, но и желательным, и даже в некотором смысле необходимым. Жюльен Фройнд резюмировал идеи Шмитта

относительно будущего Grossraum'а в следующих терминах: "Организация этого нового пространства не потребует ни научной компетенции, ни культурной или технической подготовки, поскольку она возникнет как результат политической воли, отголоски которой трансформируют облик международного права. Как только это "Большое Пространство" будет объединено, важнее всего будет сила его "излучения" (op. cit.).
Таким образом у Карла Шмитта идея "Большого Пространства" также обладает спонтанным, экзистенциальным, волевым измерением, как и основной субъект истории в его понимании, народ, как политическое единство. Следуя за геополитиками Макиндером и Челеном, Шмитт противопоставлял талассократические империи (Финикию, Англию, США и т.д.) и теллурократические империи Римскую Империю, Австро-Венгрию Габсбургов, Российскую Империю и т.д. С его точки зрения, гармоничная и органичная организация пространства возможна только в случае теллурократических империй, и Континентальное Право может распространяться только на них. Талассократии, выходя за рамки своего Острова и начиная морскую экспансию, входят в противоречие с теллурократиями и по геополитической логике начинают дипломатически, экономически и милитаристически подтачивать основы континентальных "Больших Пространств". Таким образом, и в перспективе континентальных "Больших Пространств" Шмитт снова возвращается к концепции пары "враг-друг", "наши"-"ненаши", но только на сей раз на планетарном макро-уровне. В противостоянии континентальных макро-интересов макро-интересам заморским выявляется волеизъявление континентальных империй, "Больших Пространств". "Море" бросает вызов "Суше", но именно через ответ на этот вызов "Суша" чаще всего возвращается к глубинам своего континентального самосознания.

В качестве парентезиса проиллюстрируем теорию Grossraum'а двумя примерами. В конце 18-ого — начале 19-го веков территория США была разделена между несколькими странами Старого Света. Крайний Запад, Луизиана, принадлежал испанцам, а позже французам, Юг Мексике, Север Англии и т.д. В той ситуации Европа представляла для США теллурократическую силу, препятствовавшую на военном, экономическом и дипломатическом уровне геополитическому и стратегическому объединению Нового Света. После обретения независимости США стали постепенно все более и более настойчиво навязывать свою геополитическую волю Старому Свету, что логически стало приводить к ослаблению континентального единства, европейского "Большого Пространства". Поэтому в геополитической истории "Больших Пространств" нет абсолютно теллурократических и абсолютно талассократических держав. Роли могут меняться, но континентальная логика остается постоянной.

Резюмируя теорию "Больших Пространств" Карла Шмитта применительно к ситуации в сегодняшней России, можно сказать, что разъединение и распад "Большого Пространства", называемого некогда СССР, противоречит континентальной логике Евразии, так как народы, населяющие наши земли теряют возможность апелляции к сверхгосударственному арбитру, способному урегулировать или ограничить потенциальные или актуальные конфликты. Но с другой стороны, отказ от чрезмерно ригидной и негибкой марксистской демагогии, возведенной на уровень государственной идеологии, может привести, и приведет в нормальном случае, к спонтанному и страстному, силовому воссозданию Восточного Евразийского Блока, поскольку такое воссоздание соответствует интересам всех органичных, автохтонных этносов русских имперских пространств. Более того, скорее всего воссоздание Федеральной Империи, "Большого Пространства" восточной части материка, захватит в свое "силовое излучение" дополнительные территории, стремительно теряющие свою этно-государственную идентичность в критической и противоестественной геополитической ситуации, сложившейся после распада СССР.

С другой стороны, континентальное мышление гениального немецкого юриста позволяет очертить круг "наших" и "ненаших" на уровне материка. Осознание естественной и в некотором смысле неизбежной противоположности теллурократических

и талассократических держав дает провозвестникам и созидателям нового "Большого Пространства" ясное понимание "врага", которым на стратегическом, геополитическом, экономическом и стратегическом уровне является для Европы, России и Азии Соединенные Штаты Америки вместе с их островной талассократической союзницей Англией. И снова возвращаясь от макроуровня планеты к уровня социального устройства конкретного государства России, следует задать вопрос: а не стоит ли за желанием повлиять на Русское Решение политической проблемы в "универсалистском" ключе скрытое талассократическое лобби, которое может оказывать свое воздействие как через "прямую", так и через "косвенную" власть?

Урок 5 : "Военный мир" и теология партизан

Карл Шмитт в конце своей жизни, а умер он 7 апреля 1985 года, особое внимание уделял возможности негативного исхода истории, вполне возможно в том случае, если ирреалистические доктрины радикал-гуманистов, универсалистов, утопистов и сторонников "общечеловеческих ценностей", опирающихся, к тому же, на гигантский силовой потенциал талассократической державы США, получат глобальное распространение и станут идеологической основой новой мировой диктатуры — диктатуры "механицистской утопии". Шмитт считал, что современный курс истории с неизбежностью движется к тому, что он называл "тотальной войной".

Логика "тоталитаризации" планетарных отношений на стратегическом, военном и дипломатическом уровнях согласно Шмитту основывается на следующих ключевых моментах. Начиная с определенного момента истории, а точнее, с эпохи Французской Революции и получения Независимости Соединенными Штатами Америки, начинается предельное удаление от исторических, юридических, национальных и геополитических констант, которые обеспечивали ранее органическую гармонию на континенте, служили "Номосом (законом) Земли". На юридическом уровне тогда начала складываться искусственная и атомарная, количественная концепция "прав личности" (ставшая в последствии знаменитой теорией "прав человека"), которая вытеснила собой органичную концепцию "прав народа", "прав государства" и т.д. Введение индивидуума и индивидуального фактора в отрыве от нации, традиции, культуры, профессии, семьи и т.д. в самостоятельную юридическую категорию означало по мнению Шмитта начало "разложения права", превращения его в утопическую эгалитарную химеру, противоречащую органическим законам истории народов и государств, истории режимов, территорий и союзов. На национальном уровне органические имперско-федеративные принципы стали заменяться двумя противоположными, но в равной мере искусственными концепциями — якобинской идей "Etat-Nation", "Государство-Нация" или коммунистической теорией полного отмирания государства и начала тотального интернационализма. Империи, сохранявшие остатки традиционных органических структур — Австро-Венгрия, Оттоманская Империя, Русская Империя и т.д. — стали стремительно разрушаться под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. И наконец, на геополитическом уровне талассократический фактор настолько усилился, что произошла глубокая дестабилизация юридических отношений в сфере "Больших Пространств". (Заметим, что Шмитт, считал "Море" пространством гораздо менее поддающимся юридическому разграничению и упорядочиванию, чем "Суша").

Распространение на планете юридической и геополитической дисгармонии сопровождалось прогрессирующим отклонением доминирующих политико-идеологических концепций от реальности, становлением их все более химерическими, иллюзорными, и в конечном итоге, лицемерными. Чем больше говорили о "универсальном мире", тем страшнее становились войны и конфликты. Чем более "гуманными" становились лозунги, тем более бесчеловечной социальная действительность. Именно этот процесс Карл Шмитт назвал началом "воинственного мира", то есть состоянием не являющимся ни войной в традиционном смысле, ни миром в

традиционном смысле. Сегодня надвигающуюся "тотальность", о которой предупреждал Карл Шмитт, принято называть "мондиализмом". "Воинственный мир" полностью получил вое выражение в теории американского Нового Мирового Порядка, который в движении к "тотальному миру" однозначно ведет планету к новой "тотальной войне".

Освоение воздушного пространства Карл Шмитт считал важнейшим геополитическим событием, которое символизировало следующую степень отхода от легитимного упорядочивания пространства, так как воздушное пространство еще менее поддается "упорядочиванию", нежели морское пространство. Развитие авиации также по мнению Шмитта было шагом к "тотализации" войны. Космические исследования ставили в этом процессе иллигитимной "тоталитаризации" последнюю точку.

Но параллельно надвижению на планету этого морского-воздушного, и даже космического чудовища, внимание Карла Шмитта, всегда прочем, интересовавшегося скорее глобальными категориями, самой малой из которых было "политическое единство народа", привлекла новая фигура истории, фигура "партизана". Эта фигура, исследованию которой Карл Шмитт посвятил свою предпоследнюю книгу "Теория партизанов". Шмитт увидел в маленьком борце против больших сил некий символ последнего сопротивления теллурократии со стороны ее последних защитников. Партизан — это, безусловно, современное. Он так же как и другие современные политические типы оторван от традиции, находится за гранью Jus Publicum. В своем сражении Партизан пренебрегает всеми правилами ведения войны. Более того, Партизан — не военный, это лицо гражданское, действующее террористическими методами, которые в невоенной ситуации должны были бы быть приравнены к злостным уголовным преступлениям, сродни терроризму. И тем не менее, именно Партизан, по мнению Карла Шмитта, воплощает в себе "верность Земле", "Суше". Партизан является откровенно иллегитимным ответом на замаскированно иллигитимный вызов современного "права". Именно в экстраординарности ситуации, в постоянном сгущении "воинственного мира" (или "пацифистской войны", что одно и то же), черпает маленький защитник почвы, истории, народа, нации, идеи источник своей парадоксальной оправданности. Стратегическая эффективность Партизана и его методов является, согласно Шмитту, парадоксальной компенсацией начинающейся или уже начавшейся "тотальной войны", с "тотальным врагом".

Быть может этот урок Карла Шмитта, который сам много почерпнул из русской истории и русской военной стратегии, из русской политической доктрины и даже из анализа работ Ленина и Сталина, для русских является наиболее интимно понятным. Партизан — это неотъемлимый персонаж русской истории, который появлялся всегда в моменты максимального отклонения волеизъявления русского политического истеблишмента и глубинной воли самого русского народа. Смута и партизанщина —в русской истории всегда имели чисто политический, компенсаторный характер, направленный на коррекцию национального курса со стороны отчуждающегося от народа политического руководства. Партизаны в России выигрывали проигранные правительством войны, свергали несоответствующий русским традициям экономический строй, поправляли геополитические ошибки вождей. Русские всегда обладали тонким чутьем иллегитимности, органической несправедливости, заложенной в тех или иных доктринах, проступающей сквозь тех или иных персонажей. В некотором смысле Россия — это гигантская Империя Партизан, действующих вне закона, но ведомых великой интуицией Земли, Континента, того "Большого, Очень Большого Пространства", которым является историческая территория нашего народа.

И в настоящий момент, когда зазор между волей нации и волей истеблишмента в России (представляющего собой исключительно сторонников "правового государства" по универсалистской модели) угрожающе огромен, когда дыхание талассократии активизирует в стране накаты "воинственного мира", становящегося постепенно крайней формой "тотальной войны", быть может, только фигура Русского Партизана показывает

нам путь к Русскому Будущему, через крайнюю форму сопротивления, через переступание границы искусственных юридических норм, не соответствующих истинным канонам Русского Права.

Более подробное усвоение Пятого урока Карла Шмитта представляется делом Священной Практики защиты Суши.

Последние замечания

Наконец, шестым, внеплановым уроком Карла Шмитта можно назвать пример того, что лидер европейских новых правых Ален де Бенуа называет "политическим воображением", "идеологическим творчеством". Гениальность немецкого юриста в том, что он не только почувствовал "силовые линии" истории, внял таинственному голосу сущностного, часто скрывающегося за объемными, но пустыми феноменами современного комплексного и динамичного мира. Мы, русские, должны научиться с тевтонской жесткостью отливать наши бездонные и сверхценные интуиции в четкие интеллектуальные формулы, в ясные идеологические проекты, в убедительные и неотразимые теории. Это необходимо особенно сегодня потому, что мы живем в "исключительных обстоятельствах" в преддверии столь важного Решения, подобного которому наша нация быть может вообще никогда не делала. Истинно национальная элита не имеет права оставить свой народ без Идеологии, которая выражала бы не только то, что он чувствует и думает, но и то что он не чувствует и не думает, но чему в тайне даже от самого себя истово поклоняется в течении тысячелетий. И если мы не вооружим идеологией государство, которое у нас временно могут отнять "ненаши", мы обязательно, непременно вооружим ей Русского Партизана, пробуждающегося сегодня к исполнению континентальной миссии в напоминающих теперь "туманный Альбион" Риге и Вильнюсе, на внезапно "почерневшем" Кавказе и "пожелтевшей" Средней Азии, на "ополячившейся" Украине и в "помордовевшей" Татарии.

Россия — это Большое Пространство и Великую Мысль носит народ ее в своей гигантской континентальной евразийской душе. Если Германский Гений послужит нашему Пробуждению, то уже тем самым тевтонцы заслужат себе привелигированное место среди "друзей Великой России", станут "нашими", станут "своими", станут "азиатами", "гунами", "скифами", как мы, автохтоны Большого Леса и Великой Степи.

СУМЕРКИ ГЕРОЕВ
(некролог на смерть Жана Тириара)

После Gotzerdammerung

Похоже, что пророчества Фридриха Ницше о наступлении “царства последних людей” сбываются в наше время со все большей наглядностью. После “смерти Бога” т.е. после удаления сакрального из современной цивилизации, а затем и после “сумерек идолов”, т.е. после крушения всех идеологических фетишей, которые оживляли человечество, заставляя его стремиться и бороться за “новые ценности”, мы подходим вплотную к последней стадии “цивилизационной усталости” - к планетарному царству победившей посредственности - “не горячей и не холодной, но теплой”, воплотившей убогость своего ничтожного воображения в демагогических призывах к “общечеловеческим ценностям”. Последним “идолом”, способным еще хоть как-то вдохновлять народы на самопреодоление или по крайней мере на признание чего-то, что превосходит узкие границы жалкой профанической индивидуальности, с ее полностью неаутентичным, имитационным, химерическим бытием, был “советский социализм”, из материалистической и утилитарной схемы превратившийся в России в мистико-идеалистический имперский строй. Конец “пролетарской эры” парадоксальным образом совпал с исчезновением последнего следа социального идеализма, так как советский материализм, как выясняется, лишь маскировал определенный вид особой, пусть

гетеродоксальной, но все же духовности, тогда как капиталистическое безразличие к сфере духа привело, в конечном итоге, к реальному и абсолютному торжеству практического и социального материализма. Оказалось, что прямое отрицание Духа менее эффективно, чем его игнорирование или его допущение как “абстрактной”, “условной” гипотезы наряду с “очевидностью” материальной среды. В августе 1991 разбит последний идол.

Через год после этого, 25 ноября 1992 года, в Брюсселе скончался крупнейший защитник и теоретик “советизма”, несгибаемый Рыцарь радикального социального нонконформизма, один из самых глубоких и жестких мыслителей, постигших скрытую логику исторической энтропии и восставших против царства “последних людей”, неумолимо надвигающегося на Европу вместе с тенью заатлантического американского континента - Жан-Франсуа Тириар, Последний Герой Европы. Смерть Героя поставила печать под концом эпохи “сумерек идолов”. Космическая Полночь, точный миг наступления которой так волновал Мартина Хайдеггера, кажется, восторжествовала. Смерть Жана Тириара замыкает собой особый цикл.

Рыцарь Европы

Тириар был человеком Идеи, которой он подчинил все свои душевные, интеллектуальные и физические силы. Эта Идея имеет имя - “ЕВРОПА”. ЕВРОПА была для Тириара высшей и абсолютной ценностью, в жертву которой было принесено все остальное. В отношении Тириара к Европе наличествовал тот же почти мистический элемент, как в отношении русских поэтов к России. (“Если скажет рать святая, брось ты Русь, живи в раю, я скажу не надо рая, дайте родину мою” - С.Есенин). Для Тириара Европа была страстно любимой Родиной, выше которой он не признавал никаких ценностей, никаких реальностей, никаких “идолов”. Тириар выработал даже своеобразный способ мышления - “мыслить исходя из Европы”. Но под этим он понимал отнюдь не загнившую, уродливую цивилизацию торговцев, с которой ассоциируется сегодня Европа, но надвременной континентальный культурный ансамбль, который на определенные промежутки времени воплощался в могущественные гигантские и величественные формы Римской Империи, в Империи Александра Великого, позднее в Великой Римской Империи германской нации под скипетром Гогенштауфенов. Европу Тириар понимал как Империю, и именно такое название носит одна из его программных книг. К Европе Тириар относился как пламенный и страстный патриот, как националист, и вслед за ним, начиная с 60-ых годов, многие европейские патриоты стали называть себя “европейскими патриотами” или “европейскими националистами”.

Имперская, истинная, почвенная Европа, с точки зрения Тириара, находится долгие века в упадке и даже в полном противоречии со своей внутренней логикой. Европа раздробленная, торгашеская, капиталистическая, талассократическая, а после 1945 года и прямо оккупированная противоположным континентом (США) - это Анти-Европа, узница, закованная в крепкие политические, экономические и геополитические кандалы. Тириар считал современную Европу политически несвободной, экономически несамодостаточной, геополитически (стратегически) порабощенной. Целью всей жизни Жана Тириара было Освобождение Европы, уничтожение ее оков, ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Часто исследователи жизни и политической деятельности Жана Тириара, “Ленина” Европейской Революции, как его иногда называют, удивляются логике его пути, который начался с активизма у бельгийских коммунистов, потом перешел к германскому национал-социализму, после же поражения Райха и тюремной “денацификации” настала фаза “национал-европейской” политики, эволюционировавшей от сотрудничества с ОАС и сторонниками Бельгийского Конго к откровенной “советофилии” и “маоизму” конца 70-х. На самом деле, если “мыслить исходя из Европы”, то все это отнюдь не противоречия или прагматические альянсы нонконформистского политика. Коммунизм для Тириара был

и остался “лучшим средством экономического освобождения Европы от произвола капиталистического утилитаризма, который руководствуется лишь понятием экономической выгоды и не учитывает национально-континентальных интересов”. В 60-е годы Тириар вместе с экономистом Дастье сформулировал свое понимание “коммунизма”, дав своей теории более соответствующее и точное название “национал-коммунотаризм”. Поддержка немецкого Райха была обусловлена пониманием необходимости объединения Европы любой ценой, а в определенный период идеал Империи Гогенштауфена был для немецких национал-социалистов путеводной звездой. Кроме того, как и многие национал-большевики в то время, Тириар считал антианглийскую и антиамериканскую направленность Третьего Райха самым существенным моментом, а антиславянские и антикоммунистические мотивы - заблуждением, которое возможно будет преодолеть в дальнейшем. Тот факт, что все вышло иначе и антиславянская линия все же стала доминантой во внешней политике, было для Тириара страшной трагедией, так как фатальный конец антивосточной и антирусской авантюры Гитлера всем геополитически образованным сторонникам Европы был совершенно очевиден заранее. Вместе с Эволой и Ортегой-и-Гасетом Тириар в 40-ые годы участвует в издании СС, специально предназначенном для европейского юношества - “Юная Европа” - и принадлежит к “левым”, “анти-гитлеровским” кругам СС, наивно пытавшимся вплоть до последнего момента изменить логику абсурдной и самоубийственной войны с Востоком и, сместив Гитлера и англофильское лобби вокруг него, вместе с советскими солдатами совершить великий Drang nach Westen, чтобы навсегда покончить с англо-саксонской плутократией и завершить войну не в расчлененном Берлине, но вместе с русскими войти в поверженный Лондон и поставленный на колени Нью-Йорк. В 60-ые годы Тириар возвращается в политику после некоторого вынужденного перерыва и выступает на сей раз как носитель очищенной, идеологии - идеологии ЕВРОПЫ, которая на сей раз была свободна от необходимости политического прагматического альянса, как с коммунизмом, так и с нацизмом. Названием своего движения Тириар выбирает “Юная Европа”. Это имя прогремело в 60-ые по всему миру, как первый и единственный случай в европейской политике, когда движение, полностью отрицающее доминирующую на Западе либерально-демократическую идеологию и отвергающее все условности и конвенции Системы, получило широчайшее распространение (особенно среди молодежи) и в один момент вот-вот готово было превратиться в страшную революционную боевую партию, грозящую самому существованию Системы. С этого периода “Юной Европы” и началась “американофобия” европейских националистов, ставшая к сегодняшнему дню осевым мотивом всех европейских “радикалов”. Однако Европейская Революция на сей раз не состоялась. - Прекрасно отлаженные службы политического сыска, пропаганда, репрессии, подкуп, террор и другие ходы Системы ликвидировали угрозу “имперской революции” Тириара. (Любопытно, что как метод использовалась, в первую очередь, игра на противоречиях между “правыми” и “левыми” составляющими “Юной Европы”). После определенной паузы в начале 70-ых “Ленин Европейской Национальной Революции” выдвинул новую концепцию, подводящую итог его идеологическому пути - концепцию “Евросоветской Империи”.

Изократ из Брюсселя

Теория “Евросоветской Империи” поразила своей радикальностью даже давних соратников Жана Тириара. Смысл ее типологически повторяет историю с афинским патриотом Изократом, который вопреки инерциальному мнению большинства афинян настаивал на сдаче Афин Филиппу Македонскому, прекрасно сознавая, что только свежая кровь и геополитическая страстность северных царей сможет превратить талассократический, “капиталистический”, разлагающийся город-порт в Великую

Континентальную Империю. Тириар, подобно Изократу, предлагал сдать Западную Европу Советской Армии, чтобы образовать "законченное" континентальное государство, свободное от экономических оков Мирового Банка, от геополитической оккупации американскими войсками и от политического служения интересам Израиля.

Тириар раньше всех остальных, раньше Новых Правых, раньше самих русских патриотов перестроечной эпохи, осознал, что в настоящем историческом моменте только "советская модель" представляет собой возможность культурной, политической и геополитической независимости от тех мировых сил, которые фактически подчинили себе планету и которых чаще всего объединяют под именем "мондиализма". "Мысля исходя из Европы", Тириар пришел к выводу не только о принадлежности всей России к Европейской континентальной массе, - если по де Голлю "Европа до Урала", то по Тириару "Европа до Владивостока", - но и о том, что именно "советская модель" должна быть взята за основу новой Свободной Европы, и что только на основе этой модели - естественно, с соответствующими поправками и дополнениями, содержащимися в теории "национал-коммунотаризма" - можно и должно органично интегрировать народы континента. Тириар разглядел в СССР и его устройстве современную форму настоящей континентальной, теллурократической Федеральной Империи, основанной, как и всякая Империя, на транснациональном, пространственном, коллективистском и авторитарном принципе, прямо противостоящем капиталистически-утилитаристской, проамериканской, индивидуалистической либеральной модели, которая является для Европы убийственной. От верной, но несколько абстрактной формулы "ни коммунизма, ни капитализма", свойственной национал-революционерам Европы с 60-ых годов, Тириар окончательно остановился на формуле "Евросоветской Империи", выбрав не столько "коммунизм", как абстрактное экономико-политическое учение, сколько "советизм" - конкретную реализацию социализма в России.

Страж Яйца Мира

Жан Тириар был атеистом. Конечно, это достаточное основание, чтобы шокировать сегодняшних "православных неофитов", успевших запрятать подальше свои партбилеты, сумевших с предельной легкостью позабыть свои пионерско-комсомольские клятвы и обещания и без ханжеского морализаторства не способных выговорить ни одной фразы. Конечно, те, кто еще вчера преследовали верующих, а сегодня с наглыми глазками позируют в Храме, воспринимают атеизм этого Рыцаря Европы как достаточное основание для того, чтобы отмахнуться от его идей. Но не случайно все же, что среди друзей, соратников и последователей Тириара как в Европе, так и в России большинство является не только верующими людьми, но традиционалистами, т.е. радикальными сторонниками Сакральной Цивилизации. (Кстати, нечто подобное можно сказать и о Ницше или Хайдеггере.) Тириар видел в религиозности, свойственной современному миру, лишь фарисейство, обман, призванный скрывать либо коварный геополитический расчет (как в случае с американской религиозностью или проамериканской политикой папы Римского), либо отказ от столкновения с реальностью, политикой, с окружающим социальным миром (как в случае многочисленных неоспиритуалистических сект). Тириар ненавидел "Библию" как "главную книгу Америки", которую талассократические экзегеты используют для оправдания своей агрессивной планетарной экспансии, считая США - воплощением Нового Израиля, призванного судить народы. Любопытно заметить, что многие православные или исламские традиционалисты к американской религиозности относятся точно так же (хотя они и не переносят этого отношения, естественно, на Священное Писание).

Более того, атеизм Тириара может быть понят и еще иначе. Так как вся его мысль всегда стремилась в первую очередь к холодному, жестокому реализму, - пример этого, отказ от абстракций "Третьего Пути" и ответственный, мужественный и рискованный

выбор “Евросоветской Империи от Владивостока до Дублина”, - то атеизм в его случае равнозначен твердому желанию оставаться в рамках визуализируемой реальности, равнозначен отказу от растворения в тех туманных лабиринтах soft ideology, в которых современные теоретики мондиализма пытаются усыпить человеческое сознание, апеллируя, в частности, к мистическим, оккультным и спиритуальным сюжетам. Рене Генон, крупнейший представитель традиционалистской мысли, в своем главном труде “Царство Количества и Знаки Времени” писал, что современная эпоха может быть символизирована Яйцом Мира, открывающимся снизу, после предшествующей фазы (фазы грубого материализма), на протяжении которой оно закрывалось сверху (для духовных, сверхкосмических влияний). Это открытие Яйца Мира снизу означает, по Генону, начало новой “псевдо-духовности”, которая есть не что иное, как проникновение в мир людей недочеловеческих, демонических влияний - орд “Гогов и Магогов”. В этой поистине апокалиптической эпохе материализм и атеизм (чисто негативные на предшествующем этапе) становятся если не благом, то самым меньшим из зол, так как реальная ортодоксальная и полноценная духовность является в этот период уделом меньшинства, избранной духовной элиты, способной к героическому подвигу. Тириар в такой перспективе предстает подлинным “защитником Космического Яйца” от недочеловеческих влияний. Показательно также, что сама идея Империи тесно связана в Традиции с идеей границы, отделяющей мир людей от демонических, недочеловеческих миров. Таковым, в частности, бы символизм “железной стены”, построенный, согласно преданию, великим имперотворцем Александром Македонским, чтобы предотвратить вторжение в эйкумену “орд Гогов и Магогов”. Тириар был “фанатиком Империи”. Его идеалом был Фридрих II Гогенштауфен - другой император, о котором в Средневековье слагали легенды, подобные рассказам об Александре Великом.

Так не был ли атеизм Тириара особой формой выражения некоей чисто духовной логики, вопреки словам и внешним атрибутам прекрасно распознающей за фарисейской вывеской зловещий лик Врага Человеческого и героически бросающей вызов силам, непримиримая борьба с которыми является основным религиозным долгом каждого Верующего человека - Верующего не по букве, но по духу?

Последнее Путешествие

Странно и символично, что последним путешествием в жизни Жана Тириара было путешествие в Россию. В августе 1992 года, ровно через год после августовских событий, навсегда положивших конец мечте о “Евросоветской Империи”, Жан Тириар впервые прибыл в Москву, мысль о которой и любовь к которой жили в нем более 50-и лет.

В конце 60-ых в Ираке Тириар был, как никогда, близок к реализации своего давнего проекта - к созданию Европейских Освободительных Бригад, которые должны были бы, по его мысли, вести вооруженную борьбу против оккупационных американских войск на территории Европы и Ближнего Востока. Уже были созданы лагеря, и тысячи добровольцев из “Юной Европы” готовы были наполнить их. Но в этот момент из Москвы пришло строгое распоряжение - “никаких антиамериканских действий”, “никаких контактов с Тириаром”. Тогда ему пришлось срочно вылететь в Египет к Насcеру. (Единственным утешением было то, что этот перелет совершился на советском военном самолете.) Москва уже тогда была парализована изнутри, неспособна к радикальным геополитическим шагам, пронизана сетью атлантистских “агентов влияния”. Как бы то ни было, партизанская война в Европе была сорвана. Встреча с “хозяевами Кремля” откладывалась на неопределенный срок.

И вот только после конца СССР, после унизительного краха той мощной геополитической державы, которая внушала ужас всей планете, которая готова была вот-вот двинуться на Юг и на Запад, которая сдерживала хищные аппетиты талласократических США, Жан Тириар, теоретик “Евросоветской Империи от Владивостока до Дублина” смог посетить бывшую столицу Евразии, встретиться с теми людьми, от кого зависел когда-то успех его европейской миссии и с теми, кто сегодня

вопреки невиданному предательству, вопреки разрухе, вопреки хаосу, вопреки национальной апатии мужественно движется несмотря ни на что к созданию Великой Евразийской Империи.

Егор Лигачев и Геннадий Зюганов, Сергей Бабурин и Николай Павлов, Александр Проханов и Эдуард Володин, Гейдар Джемаль и Виктор Алкснис - каждый из них по разному, но с одинаковым вниманием и интересом беседовал, спорил с Жаном Тириаром, удивляясь его нонконформизму, стремясь понять его логику, размышляя над его парадоксами, поражаясь его совершенно юношеской энергии, так контрастирующей с его возрастом, с тяжестью и опасностью его насыщенной борьбой, приключениями и революционной практикой судьбы.

Как отголосок этого визита Европу обошла фотография - Жан Тириар на Арбате символически душит картонного Ельцина. Он приехал в страну, геополитическим герольдом которой он выступал долгие годы, лишь тогда, когда власть перешла в руки заведомых врагов Евразии, врагов Свободной Европы, жалких марионеток американского театра кукол. На Красной площади он видел уже лишь спекулянтов и размалеванных проституток, а ностальгическая кучка у музея Ленина подчеркивала бездонность падения некогда Великой Державы, ради которой бельгийский Изократ бросил вызов гражданам падшей, плутократической Европы. Он имел все основания ненавидеть “беспалого Мобуту”, в алкогольном угаре разрушившего гигантскую континентальную конструкцию. Еще более негодовал он по поводу пятнистого предателя, запихнувшего себе в карман израильскую премию Харви, как подачку за продажу Империи. (Именно Тириар привез в Россию журнал бельгийских сионистов “Регар” - “Взгляд”, где были сообщены подробности о награждении Горбачева.) За обычной для него жизнерадостностью и оптимизмом Тириар скрывал переживание безмерной драмы. “Ленин Европейской Революции” увидел перед собой, в том городе, который он считал главным оплотом будущей Империи, разверзшуюся бездну...

И все же его политическая Воля оставалась непреклонной. “Ельцин - это Керенский, это Баррас Французской Революции, это не Сталин!” - говорил Тириар, прощаясь со своими русскими друзьями. - “Сталин придет позже, за ним. Он обязательно придет, он не может не прийти. Час великой Европейский Империи пробьет рано или поздно, а без России такой Империи просто не может быть.” Демократические журналисты с навыками примерных сексотов не преминули намекнуть, что Фронт Национального Спасения был создан вскоре после визита Жана Тириара в Москву...

Павший на поле боя...

Сразу после освобождения Тириара из демократических застенков, после “денацификации”, один из высших чиновников бельгийской Безопасности конфиденциально заверил Тириара: “Вы можете не бояться того, что мы убьем Вас. Наша Система прекрасно изучила основы политической психологии - если мы убьем Вас, Вы станете мучеником. Нет, это слишком опасно. Мы убьем Вам молчанием, безразличием... Вы задохнетесь экономически, Вы исчезните сами. Так что спите спокойно, господин Тириар.” Так и произошло: Жан-Франсуа Тириар умер от сердечного приступа в своей постели. Утром его нашли уже мертвым, со спокойной улыбкой на лице - смерти он не почувствовал.

И тем не менее, все те, кто призван Духом на фронт Империи, знают, что рано или поздно правота Системы будет попрана иным законом - законом Воли, законом Истины, законом Силы, законом Духа, законом ИМПЕРИИ. Они знают, что Жан Тириар, Рыцарь Европы пал как Герой на поле боя, посреди сражения, в огне и дыму Великой Схватки. Они знают также, что из глубин национального позора, из пепла мощной державы, из-под обломков континентального гиганта поднимается волна Возрождения и Пробуждения. Народы континента копят свою священную ярость к заатлантическим оккупантам и их приспешникам. Фронт Европейского Освобождения - это Фронт Национального

Спасения. Наша борьба сегодня - это Общая Борьба, где нации континента призваны к свершению единой антиколониальной Революции, пророком и глашатаем которой был и остается ЖАН ТИРИАР, последний истинный Европеец, своей судьбой и своей борьбой предвосхитивший Иной Век, Эру Империи по ту сторону Космической Полночи, в евразийском ЗАВТРА.

- Жан Тириар?

- Presente!

Часть III. МЕТАПОЛИТИКА

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

В современной политологии и социологии, а также в дисциплинах, которые стали от них неотделимы: история религия, этнология, антропология (за последнее время сильно потеснившие статистику и экономизм), в настоящее время царит полный хаос в отношении самых фундаментальных определений политических направлений —таких, как фашизм, коммунизм, социализм, демократизм и т.д. Помимо того, что сами коммунисты, фашисты и демократы, как правило, весьма расплывчато и противоречиво определяют свои собственные идеологические позиции (что объясняется, в значительной мере, чисто пропагандистскими задачами), одно время особая, повышенная популярность методологий Новых Левых спутала окончательно все пропорции, так как слово “фашизм” стало синонимом “всего плохого”, а “коммунизм” (читай “свобода желанию”) - “всего хорошего”. С другой стороны, среди умеренных демократов и также умеренных либералов стало привычным другое тождество, выдвигаемое, как правило, советологами: “коммунизм — это фашизм”.

Когда же в дело вступают такие факторы, как Религия, Авторитарное правление, национальная специфика, экологические катаклизмы — логические структуры совершенно рассыпаются в прах, и подчас разумность в определениях заменяется страстями, эмоциями, индивидуальными и национальными симпатиями и т.д.

Все это характерно, и даже в еще большей степени, и для нашей политологии, чье состояние усугубляется (помимо значительной хаотичности политологии зарубежной, на которую отечественные социологи в основном и ориентируются) еще и многолетней необходимостью интеллектуально “спать” или просто скрывать свою точку зрения в вопросах политики, что, в конце концов, привело к доминированию “косвенных высказываний” —высказываний с оглядкой на тоталитарные догмы, от коих по форме нельзя отойти ни на шаг.

Поэтому у нас не только политология как дисциплина, изучающая спектры и соотношения идеологий, но и сама политика, т.е. собственно сфера прямых (не аналитических) идеологических утверждений, оказалась состоящей из иррациональных и противоречивых тезисов, гротескно-абсурдных дискуссий и системы намеков, которые образовали особое советское “арго”, поддающееся расшифровке только благодаря знанию особых изощренных шифров, понятных лишь “верхам” и “западным советологам”. И тем не менее необходимость ясных определений принципов и взаимоотношений различных типов идеологий остается насущной и тем более актуальной, что возможность бесцензурного идеологического высказывания скоро сможет стать в России нормой.

Мы предлагаем в данной ситуации свой вариант принципиальной политологической схемы, которая, на наш взгляд, поможет разрубить гордиев узел политологических противоречий и вычленить основные несводимые друг к другу идеологические комплексы — идеологические “пределы”, чьи варианты и

многочисленные комбинации и создают многоцветный спектр современной планетарной политики. Мы никоим образом не претендуем на абсолютность нашей концепции, она остается лишь схемой, и поэтому в ней с необходимостью все взято в довольно грубом приближении. В то же время мы убеждены, что через углубление в детали и нюансы никак нельзя получить синтетическую, целостную картину, и наоборот, применить принципиальное к конкретному является всегда легко осуществимой и чисто технической задачей. Более того, на наш взгляд, именно боязнь схематизации и приверженность аналитическому методу и привели политологию в то убогое состояние — состояние "роскошной нищеты", в котором она сегодня пребывает. В нашем исследовании мы привлекаем самые разнообразные сферы человеческой мысли, начиная, естественно, с религиозных и метафизических концепций, так как именно этот уровень прямо или косвенно, утвердительно или отрицательно предопределяет специфику тех или иных политических платформ. Мы убеждены, что истоки политики и политического самоопределения человека в первую очередь проистекают из некоторых метафизических догм и лишь потом заимствуют из конкретной социальной реальности лозунги и клише, сквозь которые и посредством которых эти догмы находят свое непосредственное выражение. Причем в большинстве случаев сами эти догмы остаются целиком за кадром, и не только рядовые носители идеологии, но и сами ее выразители или "создатели" подчас не имеют о них ни малейшего представления. Эти метафизические догмы могут внедряться в человека либо через смысловое подразумевание традиционных символов и знаков (культурный или социальный фактор), либо через врожденные психо-ментальные установки (психо-генетический фактор), либо через экзистенциальную реакцию человека на Бытие (экзистенциальный фактор). В любом случае метафизическая догма, предопределяющая идеологию, переживается человеком как нечто внутреннее, безусловное, как некий бытийный императив и, быть может, поэтому сама попытка выявления этой догмы в чистом виде так часто претит, вызывает отталкивающую реакцию. Это можно заметить и на более поверхностном уровне, когда носитель конкретной политической доктрины очень часто затрудняется определить сущность своей принципиальной (а не конкретной по отношению к данному вопросу) позиции, отождествляя ее с чем-то само собой разумеющимся. (К примеру, существуют коммунисты, которые и не подозревают о том, что коммунистическая идеология принадлежит к числу "левых" идеологий, что соответствует ее объективному положению, и искренне считают ее ни правой и ни левой, но центральной, или иначе, "единственно" верной).

Но как бы ни протестовали рядовые носители политических взглядов или изощренные политологи аналитического направления, именно обобщения, касающиеся идеологических принципов и метафизических догм идеологии, позволяют хоть как-то ориентироваться в хитросплетениях современных политических процессов, и такие книги, как "Фанатики Апокалипсиса" Н.Кона, "Социализм как явление мировой истории" И.Шафаревича , труды А.Безансона (написанные как попытки глобальных обобщений), при всем скептицизме в их адрес, рано или поздно становятся путеводными ориентирами для большинства специалистов в этой области, именно на их основе строящих уже более детальные и нюансированные модели. В этом смысле даже почти иррациональные идеологемы Новых Философов (А.Б.Леви, Глюксман и т.д.), коль скоро они хоть что-то обобщают, часто берутся в качестве отправной точки для исследований более "трезвых" и "рациональных" социологов и политологов. Более того, именно в глобальных обобщениях представители диаметрально противоположных мировоззрений часто приходят к утверждению одной и той же объективной картины идеологического пространства, при том, что моральные и ценностные акценты ставятся, естественно, на противоположных полюсах этого пространства, в то время как без этих обобщений само использование отдельных терминов теми или иными политическими группами настолько различается, что

складывается впечатление, будто люди разных идеологий принадлежат к разным вселенным, просто не имеющим между собой общей меры. Именно согласие в отношении объективной картины идеологического пространства между политическими антогонистами, согласие, рождающееся из глобальных обобщений и схематизаций, и вызвало к жизни ходовой штамп о "совпадении правого и левого экстремизма". Этот штамп, будучи совершенной бесмыслицей, если понимать его прямолинейно, на самом деле является искаженной по форме констатацией "согласия в объективном обобщении" у наиболее глубоких идеологов разных ориентаций, которые с максимальной ясностью понимают метафизический догмат, лежащий в основе своей собственной позиции, в отличие от рядового носителя идеи, действующего больше в силу идеологической инерции и не отделяющего в данном случае причину от следствия, или другими словами, идею от ее носителя, то есть от себя самого. (Это имеет в виду Ф.М.Достоевский, описывая одного из персонажей своего романа "Бесы", Кириллова — "идея его съела"). Поэтому об "экстремизме" здесь можно говорить лишь в этимологическом смысле слова, то есть как о "предельном" (экстремум — предел) проникновении в сущность своей и чужой позиции, а вместо "совпадения" или "слияния" противоположностей в реальности речь идет о "понимании" (или о его отсутствии, тогда это уже не "экстремизм") приверженцами противоположных идеологий глубинных истоков и метафизических догматов, проступающих ск возь пропагандистские прагматически выдвигаемые лозунги, тезисы, идеи, учения конкретных политических сил. В реальной идеологической жизни, как и в реальности вообще, противоположности не совпадают, иначе и духовная борьба метафизических позиций и сама реальность были бы иллюзорным спектаклем, лишенным всякого конечного смысла.

В поисках терминов, которые были бы достаточно адекватны для характеристики тех основных мировоззренческих тенденций, которые мы используем в нашей схеме, лучше всего обратиться к истории традиционных обществ, то есть тех обществ, где метафизические догматы выражались прямо и непосредственно на метафизическом же языке. Именно там легче всего найти "предельные случаи" тех принципов, которые сверх-временным образом всегда остаются движущими факторами идеологической истории человечества и которые не устаревают и не исчезают, но лишь меняют свои обличья в ходе истории, подобно человеческому телу, не меняющемуся в зависимости от моды, но тем не менее различному в своих пропорциях у представителей различных рас.

1. В качестве первого типа идеологии мы выделяем идеологию ПОЛЯРНО-РАЙСКУЮ, которая исторически проявлялась как гностическая традиция, как эзотеризм, внутренняя тайная доктрина в рамках религиозных учений, а на политическом уровне — как сакральный империализм гибеллинов в Средневековой Европе и, в конце концов, как германский национал-социализм в XX веке. Сущность этой позиции сводится к утверждению Субъекта Божественной природы, стоящего в центре (на Полюсе, в середине), полностью подчиняющегося ему (а поэтому райского !) сакрализированного космоса, космоса-зеркала, в котором не отражается ничего, кроме самого этого Субъекта, соли Земли и Неба. Этот Божественныый Субъект не имеет вне себя (ни над собой, ни вокруг себя, ни под собой) никакого высшего метафизического принципа, с которым ему нужно было бы духовно считаться, и поэтому он является абсолютно свободным и неотделимым от Бога. Бог внутри него. (Этой позиции соответствует подтвержденная Христом в Евангелии ветхозаветная максима: "Аз рекох:"Бози есте"" — "Я сказал: вы — Боги"). Вне его Бога нет. Так, в космосе, в природе, на земле есть только его отражение, а поэтому природа является здесь синонимом Рая, — не препятствием для его Воли, но продолжением его Воли, овеществлением его Воли, ее "большим телом".

Таковы сущностные принципы райско-полярного мировоззрения. Там, где оно возникает, сразу же на первый план выходят темы Божественного Субъекта — Героя, Божественного Воплощения, Священного Императора, Ангелического Вождя, Пророка, с одной стороны, и Сакрального Космоса, тени и продолжения субъекта, подвластного и непротивостоящего ему, с другой стороны. Синонимом такого сакрального космоса может быть "Мир Иной", "лучший мир", "Царство Божие на Земле", "Священная Империя", "Новые Небеса и Новая Земля", "Новый Рай", "Тысячелетний Райх" и т.д. Каковы бы ни были исторические формы данного типа идеологии, все они развиваются из этой сущностной парадигмы: "Полюс-Субъект и Космос-Рай". При этом акцент всегда падает на отсутствие промежуточной инстанции между этим имманентным полюсом и Абсолютом, Трансцендентным принципом, который открывается изнутри Полюса-Субъекта — как сам этот Субъект, как его внутреннее измерение.

Полярно-райское мировоззрение, как правило, ориентировано строго монархически, то есть в реальной истории оно стремится максимально возвысить фигуру Правителя, обязательно Единственного и Ангелизированного (полярная сторона). Вместе с тем оно тяготеет к "горизонтальному" распространению власти этого Правителя через имперскую экспансию, через включение в подчиненную ему сферу, в сферу отражения его личности, максимального объема космического пространства, превращенного тем самым в Рай (Священную Империю) или, иначе, в область реставрированного сакрально-райского измерения. Но здесь следует подчеркнуть, что подобный монархизм и "империализм" отнюдь не всегда совпадает с историческими монархиями и империями, так как основа этого полярно-райского мировоззрения обязательно сопряжена с тотальностью, и отсутствие субъектности у монарха и райского измерения у космоса даже при номинальном их наличии ведет к перспективе гностической революции, которая стремится к реставрации Полюса и реставрации Рая во всем их метафизическом объеме, не допускающей относительности, условности или "коллективного договора".

Полярно-райская идеология, будучи фундаментальной тенденцией, никогда не ограничивалась политической сферой, но проецировалась в область чистого умозрения, в сферу религиозных учений и "сакральных наук". В частности, в герметической традиции средневекового Запада центральным символом был "алхимический Король" — "Красная Сера", а в индуистской традиции существует целая школа посвятительной практики и духовной реализации, называемая "раджа йога" —"королевская йога". Кроме того, именно термин Король", "Монарх", "Царь" является наиболее употребительным в большинстве эзотерических школ — как у христианских мистиков ("Царь Небесныый"), так и у мусульман (особенно у шиитов), ламаистов, иудейских гностиков (каббалистов) и т.д. Собственно говоря, эти две стороны полярно-райской идеологии — политика и религия — никогда не разделялись окончательно как в древности (жрецы участвовали в процессе монархического правления в древнейших государствах Востока), так и в современности: в Германии 1О-2О-ых годов эзотерики из герметических тайных организаций с расовой спецификой —наследники тамплиеров и гибеллинов (носителей полярно-райской идеологии в Средневековье) активно участвовали в становлении национал-социализма. То же самое можно сказать и относительно шиитского гнозиса, центрированного на персоне Скрытого Имама — аналога Божественного Субъекта, который неотделим в современной ситуции от политических событий, разворачивающихся на Ближнем Востоке и особенно в Иране.

В качестве примера можно привести также европейских Розенкрейцеров, основополагающий символ которых — Роза и Крест— означал четыре реки Земного Рая (Крест) и душу самого Посвященного, находящегося на полюсе, в центре Рая, в точке пересечения четырех рек (Роза). Сам же глава розенкрейцеровской организации

носил титул "Императора", что делает всю систему соответствий воистину полной. Влияние же розенкрейцеров на политические процессы в Европе является крайне значительным — как в случае подлинных Розенкрейцеров до 1648-го года, активно участвовавших в процессе Реформации и других важнейших политических пост-средневековых феноменах, так и в случае псевдо-розенкрейцеровских организаций типа "Societas Rosicruciana in Anglia", "Golden Dawn in the Outer", H.B. of L., A.M.O.R.C. и т.д., которые с конца XIX-го —начала XX-го века замешаны во всех важнейших политических и гео-политических событиях западной политики.

2. Второй тип идеологии — это идеология "ТВОРЕЦ-ТВОРЕНИЕ", которую можно назвать также чисто консервативной. Она соответствует экзотерической, внешней, стороне религиозных учений, хотя по инерции эта идеология может проявляться и доминировать и в безрелигиозном обществе. Наиболее чистой формой этой идеологии являются церковные организации католического образца или тип исламской уммы (в первую очередь, суннитской). Как правило, именно к ним точнее всего применимы понятия "теократии" или "клерикализма". Можно определить этот тип также как мировоззрение "потерянного Рая". В отличие от полярно-райского принципа , этот тип мировоззрения помещает субъекта не в центре Мира (на полюсе), а на его периферии; сам же мир отождествляется здесь не с раем, а с Творением, отделяющим субъекта от Творца. Естественно, что этот периферийный субъект, субъект после грехопадения, после изгнания из Рая, уже не осознается как божественный Господин, которому полностью подчиняется космос (как продолжение его воли). Он становится Изгнанником, отделенным от Творца Творением, превратившимся отныне в двусмысленную категорию, так как, с одной стороны, это Творение с-крывает Творца (негативный аспект), а с другой стороны, несет на себе печать Творца, а значит, косвенно от-крывает его (позитивный аспект). С этого постулата начинается развитие религиозной мысли, могущей идти самыми разнообразными путями — от чистой апофатики (отрицания возможности познания Творца через Творение) до чистой катафатики (утверждение возможности познания Творца в Творении — вплоть до их отождествления у "пантеистов"). Как бы то ни было, идеология Творец-Творение или креационизм (от латинского "creare" — "творить") во всех своих формах и вариациях всегда противоположна гностическому подходу "полярно -райской" идеологии, которой тематика Творения или несовпадения Творца и Твари вообще чужда. Собственно, между этими двумя типами мировоззрений и проходит основная линия идеологической борьбы в истории.

Рассмотрим это подробнее. Божественный субъект стоит в центре мира, и мир подвластен и подчинен ему. В том случае, если это положение вещей нарушается, полярно-райская идеология не меняет своих принципов, но просто, констатируя факт отклонения этих условий от нормы, стремится к восстановлению нормы. Божественный субъект в полярно-райском сознании вообще не может быть изгнан из Рая, поскольку пребывание в Раю является для него неотъемлемой категорией самоопределения. Значит, Субъект-Господин никогда не превращается в субъекта-изгнанника. Он просто скрывается, но скрывается вместе с Раем (Скрытый Имам шиитов, спящий Император у гибеллинов и т.д.) Те существа, которые не знают больше ни Божественного Субъекта, ни Рая, с позиции полярно-райского мировоззрения просто лишены сущностной реальности, фиктивны, и поэтому как таковые не имеют никакого права основывать новую метафизику — Творец-Творение, коль скоро субъекта-изгнанника вообще не существует, или, другими словами, изганник не является субъектом. Отсюда как предельная форма — антиклерикализм гнозиса и концепция Злого Творца, Злого Демиурга. Концепция Злого Демиурга основывается на том, что если факта разделения на Творца и Творение по тем или иным причинам нельзя более не признавать, от этого ни Творец, ни Творение

не становятся духовно-позитивными, а значит, и сам этот Творец не кто иной, как Злостный Узурпатор (“Автад” гностиков или “Самаил” альбигойцев), а Творение — не что иное, как злая, временная иллюзия, завеса над Раем. Следует также обратить внимание, что носители райско-полярного мировоззрения противостоят именно не-полярному субъекту и не-райскому космосу (из совокупности которых и рождается представление о Боге-во-вне, о Боге-Объекте, о Далеком Творце), а отнюдь не самой идее Духа или Бога.

С другой стороны, экзотерическая клерикальная идеология “Творец -Творение” рассматривает носителей доктрины “Рая и Полюса” как ниспровергателей самих основ Религии и Веры, поскольку они отвергают обе фундаментальные для этой идеологии фигуры: субъекта-изгнанника и стоящего за Творением Творца,— а кроме того, логически ставят себя самих (как причастных прямо или косвенно к Божественному Субъекту) на одну ступень с самим Творцом, а подчас и выше его. Такие логические заключения клерикального сознания позволяют отождествить носителей “полярно-райского” мировоззрения с люциферианцами, сатанистами, с врагами Бога и Человеков, да, впрочем, и сами эти концепции и призваны характеризовать именно типично “полярно-райскую” гордыню.

Принципиальное отрицание субъекта-изгнанника гностиками не исключает, однако, признания наличия этой фигуры, но без постулирования ее субъектности. Это логически приводит гностиков к антропологическому дуализму и утверждению неснимаемого неравенства. Все люди для носителей Полярного Субъекта делятся на две категории : на Человеко-Богов, Божественных Субъектов, Сверх-людей (элита, духовная аристократия, высшие люди, “Sonnenmenschen”, “Сыны Света” и т. д.) и на бессубъектных человеко-животных (плебс, низшие люди, недочеловеки, “Tiermenschen”, “Сыны Тьмы”). Отсюда кастовая, расовая или интеллектуальная дифференциация во всех сугубо эзотерических учениях. Естественно, что “изгнанный субъект” идеологии Творец-Творение относится гностиками к низшей категории людей. Подобный подход еще более подтверждает все подозрения экзотериков по отношению к гностикам.

Однако надо заметить, что сама христианская традиция изначально была по отношению к иудейскому клерикализму, в котором идеология Творец-Творение наиболее очевидно и ярко выражена, как раз полярно-райской, утвердившей “Нового Человека” апостолов, родившегося из признания факта воплощения Слова Христа-Иммануила (то есть “с нами Бог”). Спустя несколько веков христианский гнозис, настаивавший на полярно-райской доминанте, вошел в конфликт с нарождающейся уже не иудейской, а сугубо христианской ортодоксией, то есть с клерикальной версией Христианства, в которой вместо “вновь обретенного рая” на первый план стала все больше выступать тема Творец-Творение. Гностический же комплекс постепенно был вытеснен и перешел в сферу эзотерических, закрытых организаций, а подчас и гетеродоксальных сект. Альбигойцы и катары были последними массовыми носителями “полярного христианства” в Средневековье. Этот самый полярно-райский комплекс, хотя на сей раз и значительно искаженный, проявился позднее в анабаптизме и Реформации.

Еще несколько сущностных аспектов идеологии Творец-Творение: для нее характерна соборность, вера и консервативная устойчивость. Соборность — “католичность” (от греческого “католикос” — “все вместе собранное”) — есть результат небожественности субъекта-изгнанника, который, потеряв центральную позицию в мире, более не самодостаточен и поэтому нуждается в социальной интеграции, то есть во вступлении в диалог с другими субъектами-изгнанниками. Соборность становится необходимой для носителя идеологии Творец-Творение, так как только через вовлечение предельно большого количества частных изгнанников из Рая в процесс поиска пути возврата клерикальное сознание видит возможность изменить статус небожественного субъекта. Соборность может и должна предполагать

иерархичность, но эта иерархичность строится снизу — на ее вершине должны находиться наиболее “соборные” личности. В отличие от этого, иерархия полярно-райского сознания строится сверху, начиная с Божественного Субъекта, который вообще не является соборным, составным, но, напротив, абсолютно целостен, в то время , как степень нецелостности возрастает по мере удаления от него вниз по ступеням иерархии. Можно проследить эти различия на примере суннитского и шиитского решения вопроса о политической власти: сунниты (экзотерическая ветвь Ислама) стоят за выборную власть при доминации оценки большинством религиозных качеств данной персоны, шииты отстаивают право наследственной власти, которое должно обеспечиваться генетической преемственностью роду первого Священного Имама, Али.

Необходимость веры вытекает из скрытости Творца за Творением, что предполагает со стороны носителя чисто религиозного сознания некоторый волевой акт утверждения неочевидного. Вера — неотъемлемое качество субъекта-изгнанника. Позиция “Рай-Полюс” основана, напротив, на знании. Отсюда характерное название: “гнозис” (знание), “гностик” (знающий). Знание предполагает прямой и уже совершившийся контакт с Богом внутри, очевидность внутреннего Бога, которая делает веру излишней. Экзотерическое же сознание рассматривает претензию гностиков на “знание” как сатанизм и неправомочное самовозвышение.

И, наконец, консервативная устойчивость идеологии “Творец-Творение” покоится на ее нейтральном отношении к Бытию в целом — так как это отношение не предполагает никаких резких травматических и скачкообразных трансформаций. Эта нейтральность обеспечена принципиально двойственным отношением к Творению. И апофатический и катафатический подходы к нему предполагают неопределенную длительность реализации — такую же неопределенную, как границы самого Творения. Иными словами, можно сколь угодно долго рассматривать позитивную сторону космоса, отыскивая в ней следы Творца, равно и сколь угодно долго выяснять отличие от Него Творения — все это не может изменить сущностного статуса ни субъекта-изгнанника, ни Бога-Творца. Принцип соборности по определению не способен перерасти в принцип неделимости, а принцип Веры — в принцип Знания без выхода за рамки идеологии Творец-Творение. Так, собственно, и происходило в истории с теми представителями клерикализма, которые относились к концепции Творец-Творение как к чему-то переходному, призванному лишь осуществить истинное рождение Субъекта и истинное обретение Рая. Такие религиозные деятели, в том случае, если они хотели интеллектуально и доктринально оформить свои духовные чаяния, и не довольствовались тайной, “отшельнической” духовной реализацией, мгновенно “впадали в ересь”, то есть выпадали за рамки экзотерической религиозной идеологии, отлучались от нее.

Надо заметить также, что полярное-райское мировоззрение является далеко не консервативным, но скорее эсхатологическим, так как отсутствие райской полярности в Бытии ощущается в нем как абсолютное Зло, и поэтому против любых не-райских условий (а условие “Творец-Творение” является не-райским и в глазах самих консерваторов) ведется глубинная бескомпромиссная борьба. Стремление полярно-райского мировоззрения к концу не-райского Бытия, то есть собственно к Концу Света (а это и есть эсхатология — “наука о конце”), представляет собой постоянную дестабилизирующую тенденцию, направленную, в конце концов, против самого консервативного подхода, против сохранения религиозного статус кво. И этот эсхатологический пафос мы действительно обнаруживаем во всех типах полярно-райского мировоззрения — от христианских гностиков и предельных шиитов (исмаилитов) до Реформации Лютера и национал -социлистического восстания, объявившего о начале тысячелетнего Райха, Третьего Райха или Третьего Царства, Царства СвятогоДуха, согласно христианскому мистику Иоахиму де Флора (первое царство — Отца, второе царство — Сына, третье царство — Святого Духа).

Обе идеологические позиции “Творец-Творение” и “Рай-Полюс” часто сосуществуют в рамках одного и того же общества, в рамках одной и той же традиции, в рамках одной и той же политической системы. Однако это никоим образом не отменяет гигантской разницы, которая существует между ними. Эти идеологические типы непримиримы, как огонь и вода, как свет и тьма, и именно между ними происходят такие жестокие схватки (альбигойский крестовый поход, фатимидский халифат, войны гвельфов и гибеллинов, Французская революция и т.д.), которые немыслимы между представителями разных традиций, разных религий и разных политических систем.

Политическая форма идеологии “Творец-Творение” может выражаться как в экзотерической “теократии”, так и в государстве якобинского типа, в Etat-Nation. Как показал блистательный политолог Карл Шмидт, “теология государства” сохраняется независимо от того сохраняют ли свои центральные позиции в обществе сугубо религиозные организации или нет. Принцип “Творец-Творение” по форме равным образом предопределяет типологическую специфику ваххабитской экзотерической теократии Саудовской Аравии или фашистское “абсолютное государство” Джованни Джентиле, развившего гегельянские тезисы до последних логических последствий. И одной из самых характерных отличительных черт именно такой архетипической специфики идеологической позиции является ее обязательная и фундаментальная анти-эсхатологичность, в равной мере свойственная и светским, секуляризированным режимам, и идеологиям с подчеркнутой религиозной подоплекой. (Этот религиозный анти-эсхатологизм идеологии “Творец-Творение” имеет место даже в том случае, если сама религия является эксплицитно и однозначно эсхатологической, как это имеет место в случае Христианства, в котором доктринально утверждается, что Христос приходит в мир непосредственно перед Концом Света, и в случае Ислама, рассматриваемого самими мусульманами как последнее пред-эсхатологическое Откровение). Этим, в частности, объясняется заведомый “анти-нацизм” многих западных стран — Англии и США — с одной стороны, и современный анти-иранизм многих ближневосточных и северно-африканских исламских режимов. В обоих случаях фундаментальная претензия состоит в неприятии эсхатологического пафоса — арийского Сверхчеловека в одном случае, Мировой Исламской Революции, связанной с перспективой появления Имама Времени, в другом.

3. Третьей фундаментальной позицией является “МИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ”, “идеология ВОЛШЕБНОЙ МАТЕРИИ” или “абсолютный пантеизм”. Этот тип идеологии отрицает и полярный рай и пару Творец-Творение. Можно отождествить его также с чистым атеизмом. Здесь субъект рассматривается не как полярный Господин, чьим внутренним “Я” является сам Бог, но и не как изгнанник из Рая, отделенный от внешнего Бога, Бога-Объекта, Творением. В данном случае субъект берется как одна из частиц космоса, в которой отражается этот космос и больше ничего. Иными словами, у такого субъекта нет ни внутреннего, ни внешнего Бога, и сам он есть не что иное, как зеркало внешнего мира и одновременно элемент этого мира. Таким образом, чистый атеист или “мистический материалист” фактически наделяет космос качеством божественности, коль скоро понятия Причины и Бога в сущности совпадают. Это и дает нам основание определить данную идеологию как “пантеизм” — “все-боговость”, отождествление всего (Космоса, Мира) с Богом. Одной из наиболее ярких разновидностей такой позиции является космизм, который можно рассматривать, в принципе, как синоним пантеизма.

От этого третьего типа идеологии неотъемлема концепция эволюции, то есть постепенного и однонаправленного улучшения качества космоса в сторону совершенства. Если носители идеи “Рай-Полюс” стремятся осуществить единовременный и окончательный скачок из не-рая и от не-субъекта в Рай и в Субъект;

если носители идеи “Творец-Творение” заинтересованы в сохранении онтологического стату-кво (где апофатический подход уравновешивался бы катафатическим); то носители идеи “Волшебная Материя” более всего заинтересованы в непрерывном и постепенном улучшении космоса, чей естественный инерциальный ход и есть, в конечном счете, само это улучшение. Поэтому на уровне идеологии смысл эволюции и прогресса может быть сведен не к какой-то особой дополнительной созидательности, но к простому следованию естественному потоку событий, при устранении препятствий, которыми, в первую очередь, являются консерваторы-клерикалы и эсхатологи-империалисты. Собственно говоря, сам субъект идеологии “мистического материализмаа” —это “служитель эволюции”, то есть такое зеркало, в котором эволюционный процесс отражается с наибольшей отчетливостью и однозначностью.

Конфликт гностицизма и консерватизма, несмотря на свою непримиримость, всегда (или почти всегда) протекает внутри религиозных учений — не вызывает сомнения тот факт, что самые страшные еретики никогда не отвергают саму идею Бог. (На уровне “теологии государства” ни “гностики”, ни “экзотерики” не отрицают необходимость существования самого государства, хотя первые бескомпромиссно настаивают на Империи, тогда как вторые могут удовольствоваться и государством-нацией, Etat-Nation). “Мистический материализм” , со своей стороны, сущностно вне-религиозен, атеистичен, поскольку для него Причина (Бог) не только не скрыта (за космосом или внутри человеческого “Я”), но просто очевидна и всегда находится перед носителем идеи “Волшебной Материи”, вокруг него, под ним, коль скоро эта причина — космос, и у него нет оснований искать ее где-то в другом месте. То же самое касается и идеи государства, которая “мистическому материалисту” в корне чужда (тезис об отмирании государства при коммунизме Маркса и т.д.)

Идеология “Рай-Полюс” говорит о Божественном центральном Субъекте и подчиненном ему мире. Идеология Творец-Творение представляет себе субъекта, изгнанного на периферию, перед которым лежит отчужденное от него, но указующее на Бога (и скрывающее его в то же время) Творение. “Мистические материалисты” вообще не знают ничего о субъекте. Согласно откровению известного марксиста Д.Лукача в пролетарии, центральной фигуре наиболее радикальных материалистических учений, субъект и объект совпадают. Пролетарий — идеальный человек-машина, человек-зеркало. Таково же, в сущности, и содержание концепции “ноосферы”, выводящей разум из эволюционного развития материи. Безусловно, речь идет о разуме как зеркале внешнего мира.

Такое отношение к субъекту определяет особую материалистическую соборность, в идеале вообще отменяющую иерархию, а на практике создающую особую иерархию по степени космичности, то есть наибольшей сродственности материальной природе внешнего космоса. Из этой потребности поставить вверху атеистического собора предмет или машину, сосредоточие духовной нищеты, и возникло характерное учение о “диктатуре пролетариата”.

Для “служителей Волшебной Материи” характерен чистый агностицизм, то есть третий путь кроме Гнозиса и Веры. Агностицизм “мистического материализма” обусловлен невозможностью какой-либо постановки вопроса о знании со стороны субъекта, так как субъект, будучи иновариантом космоса, является одним из фактов этого космоса и ничем более, а значит, его отражающая способность (разум) ничего не добавляет и ничего не убавляет в потоке космоса. Знание здесь совпадает с космическим фактом, но, так как космос находится в движении, то и познание отождествляется с практикой, а значит, попросту отбрасывается. Агностицизм, иными словами, есть результат отсутствия пары познающий-познаваемое, необходимой как предпосылка познания, так как абсолютная поверхность мира для носителя идеи “Волшебной Материи” совпадает с его абсолютной глубиной. (Здесь любопытно вспомнить афоризм Ницше относительно того, что “женщина должна найти глубину в

своей поверхностности" ; такое сходство отнюдь не случайно, так как идеология "Волшебной Материи" носит откровенно гинекократический, матриархальный характер, являясь, в некотором смысле, проекцией замкнутого самого на себя и предоставленного самому себе женского подсознания.)

Несмотря на то, что в своей чистейшей форме идеология Волшебной Материи появилась совсем недавно, — истинный и откровенный доктринальный материлизм довольно молод (2-3 столетия), — "пантеистическая" тенденция существовала и раньше как некая скрытая внутри религиозного мировоззрения сущностно антирелигиозная реальность. Но до поры до времени материализм присутствовал в рамках этого мировоззрения лишь косвенно, в виде "пантеистической", "космистской" экзегетики Религии — как абсолютная противоположность полярно-райской гностической и чисто инициатической экзегетике. Так, одна и та же христианская традиция может стать базой для исторического христианского гностицизма (вплоть до средневековых катаров), для канонического иудео-христианства ("Творец-Творение") и, наконец, для откровенного космизма нео-спиритуалистских учений Н.Федорова или Т. де Шардена, где за номинальным обращением к христианским символам стоит чисто атеистический, эволюционистский пантеизм. Однако то, что у Федорова и де Шардена выражено однозначно и ясно, у других псевдо-религиозных мыслителей может быть завуалировано. Но в любом случае, как бы то ни было, уже с самого начала распространения Христианства (а до него это имело место и в буддизме, который стал излюбленной доктриной для восточных пантеистов) делались попытки отдельными теологами переинтерпретировать религию в пантеистическом духе. В Христианстве при этом акцент падал на человечность Воплощенного Слова и, соответственно, на новую сакрализацию всего материального мира после Воплощения, несмотря на всю нелепость идеи о подобной "новой тотальной сакрализации", опровергаемой и всем содержанием Евангелий и посланиями Апостолов, где ясно говорится о "мире, лежащем во зле" и о новом сакральном космосе, грядущем не после Первого, но после Второго (!) Пришествия Христа. И если действительно можно говорить (как это делают некоторые авторы , в частности, Н. Бердяев), о некоторой преемственности русского коммунизма по отношению к Русскому Православию, то это может относиться только к "космистскому", "пантеистическому", "волшебно-материальному" Христианству, полностью отбросившему сущностную догматику и в эзотерическом (Рай-Полюс) и в экзотерическом (Творец-Творение) ее измерениях, и разработавшему особый тип материалистического и, в конечном итоге, атеистического мировоззрения, не имеющего к поддинному Христианству вообще ни малейшего отношения.

Такой же космизм есть и в буддизме Малой Колесницы, Хинаяне, где подчеркивается зеркальная и составная природа субъекта (как временного сгустка космических энергий, "дхарм"), который не обладает никакой духовной самостоятельностью (даже статусом субъекта -изгнанника). И именно эта ветвь буддизма может быть названа "мистическим атеизмом". Однако в буддизме Ханаяны, в отличие от полноценной и законченной идеологии "Волшебная Материя", отсутствует эволюционизм, обязательный для ортодоксального космизма, и это делает его несколько отличным от остальных типологически близких мировоззренческих форм.

Еще в одном мистическом учении крайне развит космистский аспект — этим учением является европейское масонство. Масонские доктрины, генетически восходящие к западным формам гностицизма, то есть к полярно-райской идеологии, на определенном историческом этапе были перетолкованы на космистский лад, подверглись атеизации и материализации. Масонское мировоззрение оказало огромное влияние на европейское сознание в целом, хотя ,как правило, оно было более скрытым и подспудным, нежели прямое влияние Христианства. Постепенно в XVIII-ом веке и особенно в XIX-ом веках масонство резко изменило свои духовные и

идеологические ориентиры, и, сохраняя некоторые внешние атрибуты, полностью поменяло свое содержание на противоположное. С этого-то момента эволюционизм и пантеизм, материализм и космизм стали играть чрезвычайно важную роль в западной культуре и науке. Тот факт, что почти все видные деятели этой культуры и науки были членами масонских лож, обычно либо вообще упускается из виду, либо рассматривается как простая формальность, дань моде. На самом же деле масонство обладает фундаментальной доктриной, соответствующей особому типу религиозного сознания, которая не может не формировать специфическую позицию масонов. И многие культурные и научные события на Западе XVII-го, XVIII-го и XIX -го веков имели свои однозначные корреляты в модификациях масонских доктрин и статусов либо в отдельных ветвях масонерии, либо в масонстве в целом. Как бы то ни было, атеизация масонских статусов мгновенно повлекла за собой распространение европейского “ученого” космизма и эволюционизма — как в сугубо методологической, научной сфере, так и в форме нео-оккультных пантеистических по сути движений (теософия, оккультизм, нео-спиритуализм и т.д.).

Как полярно-райское мировоззрение может перетолковать любые религиозные формы в своем духе, так же и учение о “Волшебной Материи”, несмотря на свою сущностную анти-религиозность, может узурпировать религиозные формы для утверждения своих собственных принципов. Позиция же “Творец-Творение”, как правило, вообще избегает радикальной экзегетики религиозных доктрин,стремясь сохранить их в нетронутом, цельном виде даже ценой превращения их в реликтовую и безжизненную оболочку.

Суммируем теперь социально-политические позиции представителей трех выделенных нами принципиальных идеологий в последние столетия. Носители идеи “Рай-Полюс” выступают за новую райскую эсхатологическую Империю, образованную вокруг сверх-человеческого Вождя-Полюса (“Третий Райх” и “Fuhrerprinzip” германского национал-социализма); сторонники позиции Творец-Творение становятся на сторону умеренной демократии и либерализма, стремящихся сохранить социальное статус-кво автономных и “изгнанных из Рая” индивидуумов, не оставляя поиска утерянного Принципа, но и не настаивая на нем (особенно центрально-европейские демократические режимы и северо-американские штаты XVIII-XIX вв.). И наконец, учение о “Волшебной Материи”, открыто и изначально атеистическое, проявилось в социалистических и коммунистических политических устройствах, чьи типы варьируются от абсолютного тоталитарного космизма корейского Чучхэ и камбоджийского пол-потовского эксперимента (где павловская идея о приобретенных рефлексах человеко-предмета получила самое широкое применение) до современной американистской и шведской модели “общества потребления”, где естественный грубый космос “примитивных социалистов” заменен индустриально-технологическим, искусственным, социализированным “космосом”— сбывшейся мечтой “мистического материалиста”.

Три выделенные нами позиции позволяют объяснить определенные противоречия в истории идеологий, которые до сих пор многих исследователей приводили в недоумение. Во-первых, из нашей классификации ясно, что сущностно эти позиции несовместимы друг с другом и, будучи вовлечены в одну и ту же традиционную идеологическую форму, они непременно рано или поздно приведут к внутреннему конфликту, в котором каждая из этих позиций заявит о своей самостоятельности. Полярно-райское мировоззрение может довольно долго быть незаметным в общей картине христианской традиции, но рано или поздно объявляется альбигойский крестовый поход, и гностики-катары горят в огне своих христианских храмов, зажженных рукой носителей идеи “Творец-Творение”. Или, к примеру, социалисты могут сколь угодно долго быть неотличимы от либералов или умеренных демократов,

ратуя почти за те же самые лозунги, но рано или поздно, если социалистам удастся захватить власть, на гильотину или в застенки ЧК в первую очередь отправляются именно демократы и либералы, принципиально несовместимые с идеей “служения Эволюции”, так как желающий сохранить статус-кво мешает прогрессу. И хотя костры и чекистские застенки — крайности, эти три типа идеологий на самом деле не могут не находиться в конфликте друг с другом, и рано или поздно это всегда проявляется тем или иным образом.

Здесь нам осталось разобрать еще один аспект: какие из трех типов прото-идеологий, Urideologien, как сказали бы немцы, принципиально несовместимы друг с другом, а какие могут входить друг с другом в альянс? В принципе, их соотношение не совсем равно-симметрично. Можно сказать, что Полярно-Райская идеология — это идеология абсолютно Правая, Творец-Творение — абсолютно Центристская, а Мистический материализм -абсолютно Левая. Причем слово “абсолютно” здесь призвано перевести эти определения из сферы конкретной политики в область ее метафизических истоков. Можно также продолжить это соотношение следующим рядом:

Абсолютно Правая — Субъект над Объектом;

Абсолютно Центристская — Субъект наряду с Объектом”;

Абсолютно Левая — Субъект под Объектом;

или

Абсолютно Правая — История как Упадок; необходимость мгновенной Реставрации; примат эсхатологии;

Абсолютно Центристская — История как Постоянство; необходимость сохранять баланс Духовного и Материального;

Абсолютно Левая — История как Прогресс; необходимость всемерно способствовать его продолжению и ускорению.

Эти метафизические ряды определяют и возможности коалиций между тремя позициями: Абсолютный Центр и Абсолютно Левая могут объединиться против Абсолютно Правой. (Например, союзные войска во Второй Мировой войне). Но для Абсолютно Левой Абсолютный Центр — это тоже “фашизм” (как например, сталинская пропаганда или концепции Новых Философов). Поэтому Абсолютно Левая несовместима с Абсолютным Центром и стремится его уничтожить. Иногда в борьбе против Абсолютного Центра Абсолютно Левая может заключить прагматический союз с Абсолютно Правой, но, как правило, он очень быстро рассыпается (пакт Риббентроп-Молотов и союз национал-большевика Лауффенберга с нацистом Штрассером в Германии в 3О-ые).

Все это позволяет, в частности, понять логику тех, кто сближает нацизм (Абсолютно Правая) с коммунизмом (Абсолютно Левая). Такое отождествление возможно только для человека Абсолютного Центра, сторонника концепции “Творец-Творение”. Любопытно, что такие прямо противоположные политически мыслители, как русский патриот И.Шафаревич и известный русофоб, еврей, советолог А.Безансон, несмотря на полное несовпадение практически во всех конкретных

вопросах, проявляют удивительное единодушие в обоюдной ненависти к советскому социализму (Абсолютно Левая) и к германскому национал-социализму (Абсолютно Правая). Для И.Шафаревича и то и другое суть проявление суицидального, танатофильского, эсхатологического импульса в цивилизации, истоки которого он замечает уже у вавилонян, Платона, а позднее у катаров и анабаптистов. Подобное смешение полярно-райского элемента с “Волшебной Материей” характерно также для других русских патриотических авторов (Л.Гумелев, Ю.Бородай). То же мы видем и у А.Безансона, называющего и советских социалистов и германских нацистов носителями “маркионизма”, то есть выразителями анти-иудейских, анти-креационистских, гностических тенденций раннего Христианства, воплотившихся в фигуре ересеарха Маркиона. Средневековые эсхатологические движения рассматриваются как предвестники одновременно и коммунистических и нацистских режимов другим интересным политологом и историком, также евреем Коном. Так евреи-русофобы и русские патриоты обнаруживают единство метафизической идеологии за гранью крайней оппозиции их конкретно-политических взглядов. (Надеемся, что мы достаточно подробно объяснили сущностные аспекты метафизических корней идеологий, чтобы списывать подобное совпадение на случайность или неинформированность тех или иных авторов). Кроме того, нечто подобное можно сказать и о множестве других интеллектуалов, чья метафизика (подчас не осознаваемая ими самими) устанавливает принципиальные связи там, где конкретика политики предполагает непокрываемый разрыв.

Говорить о возможном балансе или гармонизации этих трех протоидеологий на основании исторических данных невозможно, так как в реальности относительная гармония возникает только тогда, когда бразды идеологического правления захватываются носителями какой-то одной из этих позиций при подавлении или, по меньшей мере, при оттеснении на периферию остальных. Все рецепты по их примирению утопичны и несбыточны и, кроме того, любопытно, что подобные инициативы исходят только из среды космистов, которые настолько убеждены в разумности и, главное, позитивности эволюции, что могут дойти и до оправдания необходимости препятствий эволюции в целях самой эволюции (именно к этому сводятся некоторые нео-масонские проекты определенных мондиалистских организаций, Римского Клуба, Трехсторонней комиссии и т.д., а также некоторые концепции Т.де Шардена, предлагающие объединить демократов, фашистов и коммунистов в единой политической системе).

С другой стороны, в истории между этими тремя типами прото-идеологий существует некоторая последовательность. Так, чем глубже в древность, тем отчетливей и “тоталитарней” тип Абсолютно Правой идеологии, полярно-райский комплекс. Позднее, хотя также в древности, начинает преобладать тип “Творец-Творение”, получивший наиболее ярко выраженную доктринальную форму в позднем Иудаизме и других авраамических религиях. (Хотя и в этот период “тотальности” структуры “Творец-Творение” циклически проступают полярно-райские тенденции, но уже как стремление к “Революции Справа”, окрашенной все повышающимся эсхатологизмом) и, наконец, в Новое и Новейшее время наибольшее распространение получили Абсолютно Левые тенденции, захлестывающие и денатурирующие рудименты предыдущих традиционных форм (космистское Христианство, космистские Индуизм и Буддизм, социал-демократия, атеистическое нео-масонство, просвещенный Иудаизм и т.д.). Но и при доминации идеи “Волшебной Материи” Абсолютный Центр и Абсолютно Правая позиции никогда не стираются окончательно, и при первом удобном случае накопленные ими опозиционные энергии выливаются в теократическую или полярно-райскую революцию. Таким образом, несмотря на смену периодов властвования, наши три тенденции или типа мировоззрения не могут быть ни слиты, ни сокращены в числе, хотя, напротив,

возможности внешних обличий, которые они могут принимать в конкретной истории в зависисмости от обстоятельств не ограничены. И однако самые сложные синкретические модели, призванные перемешать между собой элементы Абсолютно Правой, Абсолютного Центра и Абсолютно Левой, не могут избавить инициатора подобного предприятия от сущностной и неизменной принадлежности к какойнибудь одной из прото-идеологий, чьей идео-вариацией, инобытием и будет данная синкретическая модель.

Не желая ставить точку на ноте полной относительности и плюральности, мы хотим выразить свое убеждение, что тайна истории мировых идеологий все же имеет свое однозначное разрешение, и что рано или поздно какая-то одна из наших трех метафизических позиций вскроется как единственно подлинная и единственно истинная. Однако, какая именно — покажет время.

СЛЕПЫЕ ФЛЕЙТИСТЫ АЗАТОТА

Осторожно — хаос!

Будущее всем сегодня представляется совершенно неясным, тревожным и проблематичным. Наивный оптимизм и даже банальная формула “хоть день, да мой” сменяются у большинства зловещими предчувствиями и нехорошими подозрениями относительно завтра. Старые штампы, помогавшие спокойно жить раньше, стерлись. Социальные мифы, поддерживающие массы еще вчера, дискредитированы и разбиты... Когда сегодня мы говорим о будущем, то поневоле представляем себе нечто мрачное, в непроглядной глубине которого таятся зловещие ростки неожиданного, непонятного, пугающего “нового”...

Это темное предчувствие характерно не только для народов, принадлежащих к лагерю “проигравших” в холодной войне с капитализмом и Америкой. Сами победители в отношении будущего вместо восторгов проявляют чаще всего озабоченность и тревогу. Стабильность Запада, как выясняется, в огромной мере зависела от его привычного противостояния Востоку, и оказывается, сам Запад был совершенно не готов к собственной победе.

Внимательные к сверхсовременным социальным трансформациям западные социологи поспешили воплотить всеобщее предчувствие цивилизационной катастрофы в новейшую теорию, которая получила название “социология хаоса”. Термин “хаос” стал одним из самых частых терминов современной публицистики — им пестрят сотни заголовков мировой прессы. О чем бы ни шла речь —югославский конфликт, биржевые катаклизмы, процессы в России и Восточной Европе, энергетический кризис на Западе и т.д. —повсюду вспыхивает индикатор “осторожно, хаос!”

Что стоит за этим термином? Простая мода, смутная эмоция, апатия разума, неспособного более справиться с массой факторов, которые необходимо выстроить в рациональный ряд? Или нечто более глубокое, нечто, что, в соответствии с языком сакральной Традиции, можно назвать “знаками времени”?

Лимиты классической науки

“Мода на хаос” началась в 70-ые годы, когда несколько научных коллективов синхронно принялись изучать феномены, которые классическая наука изучать отказывалась, считая их принадлежащими к сфере случайности, а значит — к сфере хаоса (в соответствии с известной формулой “классическая наука заканчивается там, где

начинается хаос”). Физиологи начали с исследования хаотических процессов, происходящих в человеческом сердце после внезапной смерти. Экологи принялись анализировать хаотические колебания популяции шелковичных червей, rombix mori. Экономисты пытались осмыслить процесс финансового и биржевого краха. Астрофизики мучились над проблемой концентрации материи в различных галактиках, а математики строили новые теории относительно “закономерности” произвольных усложненных геометрических фигур. Вся совокупность этих процессов, а также многие другие явления, родственные им, скоро получили общее название “феномены хаоса” или просто “хаос”.

Согласно самой общей “теории хаоса”, все объяснения природных и социальных процессов, даваемые классической наукой в рациональной перспективе, являются приемлемыми только тогда, когда эта наука берется сама по себе, оставаясь в своих рамках. Любая попытка совместить описание одного и того же явления сразу в оптике двух наук приводит к размыванию рационального объяснения. В конечном итоге, при переходе к еще большему количеству научных дисциплин всякая рациональность объяснения совершенно утрачивается, и феномен открывается как нечто “беспорядочное”, “нерациональное”, “случайное”, “хаотическое”. Общеизвестно определение Мандельбротом, пионером исследований хаоса, природы”: “природа — это не что иное, как геометрический турбулентный поток”. Эта физическая теория возникла в результате изучения процесса турбулентности жидких веществ, когда Мандельброт понял, что само явление турбулентности связано с неким посторонним элементом, относящимся к идее математической (а не физической) бесконечности. (Этот элемент получил название “посторонний притягивающий элемент”.)

Но размывание границ явления одновременно создает новые неожиданные связи. Эту особенность хаоса астрофизик Губерт Ривз определяет как существование “непричинной (нонказуальной) связи между самыми отдаленными элементами космоса”. Таким образом, предметы и явления, выходя из той рациональной ячейки, где они пребывали в согласии с концепциями классической науки, попадают в новый странный мир “хаотической взаимосвязи”, где становятся нефиксированными, текучими, динамическими реальностями, реальностями “чистого процесса”.

Все эти открытия ученые назвали “третьей научной революцией XX века”, завершающей первые две “революции” — “теорию относительности” и “квантовую механику”. Однако довольно скоро эта революция вышла за рамки естественных наук и распространилась на сферу социологии, политологии и философии.

Социология хаоса

Продолжатели Мандельброта в социологии перенесли отношение к материи как к хаосу на исследование человеческого общества, что породило следующие социологические и философские формулы “общество — это спонтанная виталистская толпа” (Маффесоли), “история — это движение плюс неопределенность” (Баландье), “мир — это не мир, а экстравагантный ансамбль” (Конш) и т.д. Если физики хаоса утверждали, что “хлопанье крыльев бабочки в Японии может вызвать снежную лавину в Перу”, то социологи хаоса пришли к выводу, что “движение женских ножек по Уолл-стрит вполне могло быть причиной биржевого кризиса осенью 1987 года” (Х.Эспарса). С действием таинственного “постороннего притягивающего элемента” социологи хаоса сталкивались повсюду — во внезапном появлении болезней типа СПИДа, в волнах безработицы, в непредсказуемом поведении электората в демократических обществах, во взрыве современного терроризма, тем более странного, что он не достигает, как правило, вообще никаких целей, и часто бесцельность и есть основной мотив террористических акций...

Результатом этих исследований стал призыв “помыслить хаос”, т. е. согласиться с видением общества как процесса, находящегося в постоянном дисбалансе, нестабильности, со все возрастающей сложностью, гетерогенностью и неравенством. “Помыслить хаос” —означает принципиальный отказ от рациональных и логичных моделей и структур, которые до последнего момента служили основным инструментом в постижении людьми мира и общества.

Самое поразительное, что сразу же с момента первого появления подобных теорий к этой “экстравагантной” волне в социологии и политологии стали проявлять пристальное внимание очень серьезные организации, связанные с управлением мировыми процессами. Показательно в этом отношении свидетельство Мануэла Тоариа: “То, что эта наука привлекла к себе повышенное внимание Пентагона, ЦРУ и Департамента энергии США, можно заметить по тем все возрастающим, баснословным инвестициям, которые эти организации делают в мировые научные центры, исследующие феномены хаоса во всех сферах человеческой деятельности.” Как известно, такие серьезные организации, как Пентагон и ЦРУ, в настоящий момент озабоченные управлением не только Америки или Западной Европы, но и всей планеты, вкладывают значительные средства только в те области, которые имеют самое непосредственное отношение к исполнению их прямых функций.

Вначале эмоции и подозрения... Потом смелые гипотезы в естествознании. Затем социологические и философские обобщения... И наконец, “баснословные инвестиции ЦРУ”... С понятием “хаос” сопряжена какая-то важнейшая тенденция современного мира или даже завершение этой тенденции, ее окончательная реализация... Мы присутствуем не просто при “вскрытии” хаоса в окружающей нас действительности — “в движении облаков, в автомобильных пробках, в ассиметричном ритме падения осенних листьев, в циркуляции крови по сосудам и артериям” (М.Тоария) — но при начале “пришествия хаоса”, его агрессивного, давящего наступления. Создается впечатление, что на нас надвигается лавина хаоса, спавшего под покровом разумности пока не наступил конец XX века — час, когда хаосу, видимо, пришла пора проснуться...

“Буря равноденствий”

Если в 70-е годы тема хаоса стала точкой повышенного внимания научных и философских кругов, то прецеденты этого мы можем встретить и в самом начале века, но на этот раз в мистической форме. Выражение “магия хаоса” принадлежит знаменитому оккультисту Алистеру Кроули, который обозначал так “технический”, “оперативный” уровень своей странной доктрины — “телемизма” (от греческого слова “телема” — ”воля”). Кроули сам себя считал “Зверем 666”, о котором говорится в Апокалипсисе, и полагал, что его миссия состоит в том, чтобы открыть человечеству “новый закон”, применимый для эпохи, последующей за христианским циклом. “Магия хаоса” была в этом контексте той ритуальной мистической практикой, которой суждено, по мнению Кроули, стать центральным культом “нового эона”. Основным принципом доктрины “телемитов” была формула “делай, что хочешь!”, т.е. тотальный и абсолютный анархизм.

“Магия хаоса” имела также и еще одно более узкое значение в комплексе “телемитских” доктрин. Для того, чтобы пояснить это, придется сделать краткий экскурс в зловещую вселенную мысли Алистера Кроули. Согласно “откровению”, полученному Кроули в 1905 году в Каире от некоего “демона Айваза”, в настоящее время человечество завершает свой двухтысячелетний цикл, который проходил под знаком “умирающего и воскресающего бога”, типологически сходного с Озирисом. (Христианство Кроули включал, естественно, в эту категорию). Еще две тысячи лет назад был “эон Изиды”.

Сейчас же наступает новый “эон”, “эон Гора”, который отменяет закон предыдущей цивилизации и устанавливает новый закон (совпадающий для Кроули с “откровением” демона Айваза, запечатленного в “Книге Законов”). Но между эонами существуют особые промежутки, особые переходные периоды, когда торжествуют не старые или новые законы, но силы разрушения, беспорядка, силы хаоса. Эти периоды жестокого хаоса Кроули называл “равноденственными бурями”, намекая на астрологический символизм смещения точки весеннего равноденствия на 30 градусов за период равный длительности одного эона — 2 000 лет. Итак, “магия хаоса” —это ритуальная практика, связанная со сменой эонов и предполагающая “вызывание” из потусторонних сфер иррациональных демонических сил, которым предназначено обрушиться на человечество и затопить цивилизацию в потоке адской вакханалии и ужаса. Собственно говоря, сам Кроули прекрасно отдавал себе отчет в соответствии этой доктрины пророчествам Апокалипсиса, где именно в таких терминах описывается приход в мир Антихриста и его свиты. Поэтому он и выбрал своим мистическим именем “мэтр Терион”, т.е. “господин Зверь”.

Известно, что Кроули видел проявления “бури равноденствий” во всех революционных движениях начала XX века и даже стремился повлиять на их лидеров, настойчиво посылая свою “Книгу Законов” Гитлеру, Муссолини, Ленину, Троцкому и другим. Говорят, что именно Кроули научил Черчилля приветствовать толпу двумя пальцами (“знак виктории”), так как этот знак, согласно “магии хаоса”, означает “козлиный профиль”, морду “господина Шабаша”. Как бы то ни было, показательно уже само его желание не только навязать “магию хаоса” своим ученикам и адептам как прямым практикам “телемизма”, но и спроецировать некоторые ее элементы на политический и культурный уровни. В сфере культуры, к примеру, Кроули это вполне удалось, так как многие рок-музыканты изначально принадлежали к его секте после смерти самого “мэтра Тириона” — наиболее известными примерами являются музыканты из группы “Лед Зеппелин”, Дэвид Боуи, Оззи Осборн.

Но все это лишь внешние следы “Зверя”, усердно готовившего “бурю равноденствий”, срок которой пришел, по мнению Кроули, в 1905 году. А какова его роль в подготовке появления физики хаоса или социологии хаоса в 70-ые? Не тянутся ли нити многих оккультных обществ, находившихся под прямым или косвенным влиянием Кроули, к тем гуманитарным пара-масонским организациям, к которым принадлежат большинство современных ученых? Безусловно, официальное “регулярное” масонство отвергает учение “мэтра Тириона”, но так ли дело обстоит с множеством “иррегулярных” обрядов и оккультистских лож (в первую очередь, “Мемфис-Мицраим”)?

Так “наука хаоса”, “третья научная революция” 20-го века обнаруживает дополнительное зловещее, магическое измерение.

Темные иерархи Ада

От “магии хаоса” Алистера Кроули обратимся к “мифологии хаоса” другого знаменитого автора — Говарда Ф.Лавкрафта, известного своими фантастическими “романами ужасов”. В его случае, как и в случае Майринка, Мэтчена, Литтона, Рэ и т.д., мы имеем дело не просто с писателем-фантастом, но с усердным практиком в сфере потустороннего, связанным с одним из зловещих магических орденов, родственных английской организации “Голден Доун”. Лавкрафт считается высшим авторитетом в современной американской “церкви сатаны” Энтони Лавэя. Кроме того американские последователи Кроули из “эзотерического ордена Дагона” основывают свою “магию хаоса” не только на “телемитских” рецептах, но и на данных лавкрафтовских историй.

Вселенная Лавкрафта в общих чертах такова. — Главная и самая высшая (или, точнее, самая низшая) инстанция космоса — это Хаос, вечный враг светового Творения, Порядка. Его первым проявлением является существо, принадлежащее к категории “изначальных”, Йог-Сотот. Лавкрафт пишет о нем в рассказе “Данвичский ужас”: “Изначальные были, изначальные будут, изначальные есть, но не в тех пространствах, которые нам известны, а между ними; они идут, спокойные и гордые, по ту сторону измерений и невидимо для нас. Йог-Сотот знает дверь, Йог-Сотот и есть дверь, Йог-Сотот — ключ и стражник двери. Прошлое, будущее, настоящее находятся в Йог-Сототе.” Ученик Кроули Кеннет Грант считает Йог-Сотота “высшим проявлением хаоса, а его имя — самым страшным богохульством для эона Озириса”.

Если “изначальный” Йог-Сотот простирается повсюду, распластываясь по щелям демонической лавкрафтовской вселенной, то “изначальный” Азатот является концентрацией хаоса, его “сгустком”, его “персонификацией”. Лавкрафт пишет о нем: “Азатот — слепой бог-идиот, который валяется в грязи последнего хаоса; он — господин всех вещей, окруженный толпой беспечных бесформенных танцоров, укачиваемых звуками флейт, которые он сжимает в своих бесчисленных лапах.” В другом месте Лавкрафт говорит о “слепых флейтистах-идиотах” как о свите Азатота.

Одним из “танцоров” является Ньярлототеп, посланник “изначальных” в человеческий мир. Лавкрафт описывает его как традиционного дьявола — в черной одежде, с темной кожей, с кавказскими чертами лица.

Другие персонажи Лавкрафта занимают более скромные позиции в иерархии хаоса. Шубб-Ниггурат царствует под землей. Хастур —на дальних звездах. Ктулху — на морском дне, в затопленном городе Р’льех. Этот последний особенно занимал Лавкрафта, так как ему посвящены многие его рассказы и повести. Ктулху —жрец Йог-Сотота и Азатота. Он также ответственен за сны человечества, которыми искусно управляет.

Согласно лавкрафтовской мифологии, все эти сущности хаоса некогда пребывали среди людей, но потом были вытеснены светоносными богами (о которых, правда, Лавкрафт упоминает лишь вскользь). Как бы то ни было, они не исчезли окончательно, но лишь удалились за магические стены вселенной, откуда они стремятся выбраться и ворваться в человеческий мир. Лавкрафт пишет, что у “богов хаоса” есть адепты среди людей, и они постепенно “проделывают отверстия в магических барьерах, отделяющих хаос от космоса, чтобы впустить, тех, кто таится по ту сторону порога”. Сатанисты Лавэя и “телемиты” Кроули однозначно отождествляют самих себя с этими служителями “богов-идиотов, окруженных слепыми флейтистами”.

Лавкрафт утверждает, что наша эпоха знаменует собой конец древнего проклятия, наложенного на “изначальных”, и их вторжение в человеческий мир неминуемо.

Вот как Лавкрафт описывает мир после прихода в него “богов хаоса”: “человечество станет свободным и диким, по ту сторону добра и зла; мораль и законы будут отменены; все люди будут кричать, убивать и пьянствовать в радости. И тогда “изначальные” научат их новым способам кричать, убивать и пьянствовать; и вся земля запылает в холокосте экстаза и свободы”. Приблизительно так же видел “бурю равноденствий” и “мэтр Терион”.

Эти сюжеты точно соответствуют описанию “пришествия орд гогов и магогов”, которые перед концом мира должны прорвать снизу “яйцо мира” и ворваться в мир людей. Адепты же “богов-идиотов” совпадают с описанием “святых сатаны”, которое мы

находим в исламской традиции, или “слуг антихриста”, как называют их христианские тексты.

Откровения “брата Маркиона”

Исследуя проблему хаоса, мы вышли на одного таинственного человека, который руководит французским издательством под названием “Издательство Хаос” и который, по его утверждению, является крупным деятелем масонских и оккультистских организаций “иррегулярной” ориентации. Его настоящее имя нам неизвестно, а представился он “братом Маркионом”. Причины его откровенности в нашей беседе остаются загадкой и для нас самих, но тем не менее, информация, которую он нам сообщил, проливает свет на очень таинственный аспект современности. Смысл речи “брата Маркиона” сводился к следующему.

Все мировые масонские организации можно условно разделить на “административные”, “светские”, с одной стороны, и “субверсивные”, “революционные”, “подрывные”, с другой (по-французски “la maconnerie gestionnaire et la maconnerie revolutionnaire”). “Административное” масонство давно забыло мистический и инициатический смысл своих ритуалов и превратило мировую систему лож в инструмент политического и социального контроля над обществом, в средство для карьеры, приобретения уютного местечка и экономических привилегий. Такое масонство сугубо рационалистично. Его единственным богом является Разум, а точнее, рассудок, примененный к оптимизации социальных условий для людей своего круга и поиск способа наиболее рационального устройства общества. Такое масонство озабочено, в первую очередь, проблемой власти, ее приобретения и сохранения у одного и того же круга лиц — самих масонов. К такому масонству относятся “Великий Восток”, “Великие Национальные Ложи” и “Шотландский обряд”.

“Революционное”, “субверсивное” масонство (к которому, по всей вероятности, принадлежит и сам “брат Маркион”) ставит своей целью мистическое преображение социальной реальности, подготовку особого эсхатологического периода, мессионизм, революцию. Такое масонство антиразумно и антирационально. Оно стремится к ниспровержению существующих структур власти, к уничтожению правящих элит и к построению новых типов общества, основанных на эксперименте и новаторстве. Естественно, такая “субверсивная” масонерия является заклятым врагом “административной” масонерии. “Субверсивная” масонерия чаще всего связана с “иррегулярными” масонскими ложами — с обрядом “Мемфис-Мицраим”, с мартинизмом, с оккультистскими сектами и т.д.

Крайне любопытно и то, что “брат Маркион” сообщил о “еврейском” этническом компоненте в этом противостоянии. Согласно его утверждению, среди самих евреев также нет единодушия даже в отношении самых основных идеологических ориентиров. Так мистическое, мессианское крыло иудеев — в первую очередь, хасиды, саббатаисты (последователи псевдомессии XVII века Саббатаи Цеви) и другие гетеродоксальные группы евреев (чаще всего из Восточной Европы) — солидаризуется с “субверсивной”, “революционной” масонерией. Талмудисты и ортодоксы от иудаизма, напротив, тесно связаны с “регулярной”, “административной” масонерией, к которой относится и известная ложа “Бнай Брит”.

Заметим a propos, что привычная конспирологическая схема “иудео-масонского заговора” у “брата Маркиона” распалась даже не на два, а на четыре различных элемента —

1) “регулярные” масоны,

2) “иррегулярные” масоны,

3) “ортодоксальные” евреи,

4) “гетеродоксальные” евреи.

Совершенно очевидно, что “субверсивная”, “революционная” линия в масонстве тем или иным образом связана с “пришествием хаоса” и со всей той демонической и черно-магической атрибутикой, которая сопровождает “бурю равноденствий”.

Подтверждения этому долго искать не пришлось. Сам Кроули был впервые посвящен в мистические культы в ордене “Голден Доун”, который представлял собой “египетский”, “иррегулярный” обряд английского розенкрейцерства. Позднее он был также посвящен в “Орден Восточных Тамплиеров” и стал его главой, а этот орден был инспирирован “Братьями-посвященными Азии”, в котором главную роль играли евреи-саббатаисты. Главой самого “Голден Доун” также был еврей — Самуил Лиддел Мазерс (женатый, между прочим, на родной сестре философа Бергсона, Мойре, тоже, естественно, еврейке). Таким образом, “субверсивная” линия иррационального масонства сопрягается как с иудейской гетеродоксией, так и с черной магией.

“Боги хаоса”, активно призываемые черными адептами, ведут невидимое сражение с “богиней Разума”, под знаком которой “административное” масонство пытается организовать рациональный и управляемый “новый мировой порядок”. (Интересно, что бывший президент США Буш, чаще всего употреблявший этот термин, был масоном именно “регулярного”, “административного” Шотландского обряда). По аналогии с формулой “регулярной” масонерии можно сказать, что оккультная “субверсия” готовит наступление “нового мирового хаоса”.

“Психическое телевидение”

Теперь снова вернемся к социологам хаоса и к их предложению “помыслить хаос”. Речь здесь, конечно, не идет о полном и совершенном безумии и отказе от рациональных форм мышления. Об этом говорит и то, что даже самые крайние сторонники хаоса сохраняют понятие “мысли”, и то, что ученые, занимающиеся этой проблемой употребляют такое выражение, как “законы хаоса”. Таким образом, речь идет об обращении к какой-то сфере действительности, связанной с человеческой психикой, подчиненной определенной логике, но логика эта должна быть основана на новых внерациональных, иррациональных принципах.

Современные психологи утверждают, что психическая деятельность человека имеет две основные формы — рациональную и нерациональную. Первая связана с рассудком, дневным, пробужденным сознанием, с расчетом и анализом. Вторая —область эмоций, интуиций, сновидений, предчувствий. Эта вторая сфера получила название “подсознательное” или “бессознательное”. Ярче всего “бессознательное” проявляет себя в человеческих снах или в душевных болезнях, причем в последнем случае “бессознательное” не просто временно (как у обычных людей во время сна), но навсегда вытесняет “дневную рациональность”. Исследования психоаналитиков и “глубинных психологов” школы Юнга подробно продемонстрировали наличие у “бессознательного” своей “географии”, своих “законов”, своей “логики” и своей особой “разумности”. Итак, нерациональная, “сновиденческая” действительность ближе всего стоит к той сфере,

которая интересует современных исследователей хаоса. Именно там соединяются мысль и безумие, рациональное и иррациональное, логичное и алогичное, физическое и нефизическое. Именно в сфере “бессознательного” действуют те искажающие рациональные пропорции силы, которые Мандельброт определил как “посторонний притягивающий элемент”. Подобно тому, как математическая и геометрическая “бесконечность” спонтанно врывается в физический процесс турбулентности у Мандельброта, так в мире сновидений фрагменты “дневных” переживаний, забот и размышлений переплетаются с потусторонними и необъяснимыми образами, гротескными персонажами и фантасмагорическими сюжетами.

Предложение “помыслить хаос” фактически означает “приглашение к сновидению”, настоятельное подталкивание человеческого сознания к погружению в мир грез. И поэтому совершенно не случайно многие “физики хаоса” (в частности, Г. Ривз) для формулировки своих доктрин обратились к юнгианской концепции “коллективного бессознательного”, существующего в “синхронном” состоянии вне пространства и времени. Ривз также строит гипотезы о наличии особой “хаотической разумности” в самой материи, и эта “хаотическая разумность”, по его мнению, и лежит в основе “непричинных (нонказуальных)” связей.

На самом деле, “сновиденческий” стиль постепенно, начиная с 60 -х годов (с эпохи “психоделики”), стал нормой западной культуры. Рационалистический подход, свойственный начальным периодам XX века, по мере усложнения системы логических связей, структурирующих современное общество, сменялся все большей “мифологизацией” действительности. На место “идеи” или “концепции” стал “образ”, что проявляется сегодня не только в культуре, но и в политике и даже в экономике (к примеру, все возрастающая роль “рекламы” в сфере производства и коммерции). Но образ, “имидж” является элементом как раз иррациональной, “сновиденческой” стороны человеческой психики. Кроме того, выдвижение на первый план телевидения как средства массовой информации окончательно закрепило эту центральную позицию “образа” по сравнению с содержанием.

В художественной телепродукции эта апелляция к “сновиденческой” реальности еще более очевидна. Постоянными сюжетами здесь являются эротические образы, фантастические фигуры и персонажи ночных кошмаров. Телепередачи большинства современных стран являются неким постоянным “сновидением”, навязывающим зрителям вкус к “смещенной” реальности, где элементы “галлюцинаций” соседствуют с бытовыми фрагментами. Самые прозаические предметы (типа пылесосов или вентиляторов) рекламные ролики наделяют “эротическим” содержанием, а картины реальных трупов и катастроф постепенно сливаются с фантастическими образами фильмов ужасов. Так хаос не только проявляет себя, но и постоянно расширяет свое влияние на людей, размывая их привычные представления о “нормальном” и “ненормальном”, о “возможном” и “невозможном”, о “реальном” и “воображаемом”, о “доступном” и “запретном”.

Телевидение и другие средства массовой информации превратились в настоящую “фабрику сновидений”, где эти “сновидения” не только проецируются, но и создаются и контролируются. Через “имидж” зрители получают фрагменты рациональных заключений, необходимых закулисному “оператору”, и наоборот, рациональные внешне рассуждения подчас ориентированы лишь на пробуждение иррационального “образа”.

Вся эта картина заставляет вспомнить о зловещем персонаже мифологии Лавкрафта — Ктулху, которому “поручено контролировать сны человечества из своего затонувшего на дне океана города Р’льех”. Сам символ “затонувшего города” с

обитателями-монстрами — полулюдьми-полурыбами — точно описывает всю сферу "коллективного бессознательного", так как, согласно Традиции, "коллективное бессознательное" является останками сакрального мировоззрения, полустертого в течение долгих веков в генетической памяти человечества, "затонувшего" в глубинах психики.

Характерно, что одна из самых "сатанинских" современных музыкальных рок-групп, открыто апеллирующих к учению Кроули, носит название "Психическое Телевидение" ("Psychic TV").

Авангардное предложение современных социологов "помыслить хаос" на практике оборачивается "телеконтролем снов", насильственным вовлечением людей в стихию "контролируемого безумия", "непрекращающегося искусственного сновидения". А нити контроля над "психическим хаосом" теряются в лабиринтах специальных политических отделов информации, спецслужб и оккультных организаций.

"Подземные инопланетяне"

Другим симптомом плавного вхождения людей в мир "сновидений" может служить повальное увлечение "проблемами НЛО" или "инопланетян". Любопытно, что именно Лафкрафт одним из первых начал разрабатывать в литературе тему "демонического вторжения" существ из иных галактик в человеческий мир. В его мифологии есть специальный "бог", Хастур, который ответственен за собрание всех демонических сущностей, "высланных за переделы вселенной на дальние звезды" и за их пришествие на землю "после открытия запертых доселе дверей". "Инопланетяне", которые стали сегодня центром притяжения столь большого количества людей во всем мире, безусловно, родственны этой мифологической концепции, точно повторяющей традиционную теорию о "пришествии гогов и магогов в последние времена". В исламе эти "инфернальные" существа названы "яджуд ва маджуд", а индуисты дают им название "коки и викоки".

"Инопланетяне" (мнимые или действительные, не важно) являются типичными фигурами хаоса, персонажами, в которых дневное сознание обычных людей концентрирует наиболее сильные сновиденческие мотивы. Как и все остальные действующие фигуры сна, "тарелки" и "пришельцы" находятся на грани между существованием и несуществованием, они то есть, то бесследно исчезают, сливаясь с пейзажем. Вся "уфология" как хобби и как профессиональное занятие заставляет человека пребывать в "размытом" состоянии, в своего рода "психическом опьянении", где границы явлений и событий неопределенны и призрачны и где "непричинные" связи реальности представляются очевидными, хотя и постоянно ускользающими от сознания.

С начала 70-х годов среди различных уфологических гипотез о "происхождении тарелок" стала весьма популярна гипотеза об их "подземном" местонахождении... Несмотря на видимую абсурдность этой концепции, связывающей "посланцев дальних звезд" и "подземных жителей", она получила широкое распространение. Впервые эту теорию высказал Рэмон Бернар, руководитель космистской псевдо-розенкрейцеровской организации AMORC. На самом деле это уточнение довольно правдоподобно, если, конечно, рассматривать все то, о чем идет речь, как символический способ изложения. Действительно, "орды гогов и магогов", которые скрываются за наукообразным именем "инопланетян", являются демоническими существами низших, под-человеческих, адских миров, миров "внешних сумерек", на что и указывает их "подземное" месторасположение. Это сочетание "отдаленности" и "подземности" полнее всего характеризует "обитателей внешних сумерек".

Особый интерес спецслужб и правительственных комиссий к феномену НЛО станет нам теперь совершенно понятным в контексте стратегического курса на изучение и “пришествие” хаоса, курса, который недвусмысленно взяла сегодня современная цивилизация. Безусловно, “пришельцы” интересуют разведки и идеологические отделы правительств не с технической, не с научной и не со стратегической точки зрения, как наивно полагают обыватели (сами чаще всего немного верящие в “тарелки”). Для этих серьезных организаций важен “сновиденческий”, “психоделический” аспект этой неомифологии, сопряженный с разработкой эффективных методов “властвования в хаосе”. Показательно, что одним из первых о “важности феномена тарелок для современного человечества” заговорил сразу после Второй мировой войны Карл Густав Юнг, основатель “психологии глубин” и создатель теории “коллективного бессознательного”.

Утро после потопа

Мы попытались в самых общих чертах обрисовать ту панораму цивилизации, которая с каждым днем становится все более актуальной. Нет никаких сомнений, что именно “хаос” является ключевым термином для адекватного осознания того, с чем человечеству предстоит столкнуться в самом ближайшем будущем. Все более очевидной становится неспособность “административной”, “классической” масонерии управлять цивилизацией с помощью рациональных методов. И само усложнение этих методов часто сводит практически на нет их эффективность. Тенденции ко всеобщей “субверсии” нарастают как на культурном, так и на политическом уровнях. Хотя внешне представляется, что “революционные” энергии в современной цивилизации истощились (что отчасти и верно), страшные потоки темного хаоса отнюдь не укрощены либеральным утопическим обществом, основанным на оптимистических схемах гуманистического, просвещенческого рационализма. “Богиня Разума” времен Французской революции превратилась в вульгарную и продажную “мисс США”. Порядок бирж, денег, рынков и парламентов окажется не более стойким, чем вчера еще неколебимый, а сегодня распавшийся в труху “оплот социализма”. Экологические катастрофы, энергетические кризисы, брутальные конфликты и демографические взрывы станут прелюдией пришествия хаоса.

Для религиозного, традиционного сознания эсхатологический смысл современных процессов совершенно очевиден. Мы стоим вплотную к Концу Мира. Интерпретация “пришествия хаоса” у людей Веры сомнений тоже не вызывает. Естественно, некоторые могут впасть в искушение солидарности с теми силами в современном мире, которые внешне пытаются сопротивляться “наступлению слепых флейтистов Азатота”, “черной свите демонов внешних сумерек”. Это желание можно понять, но от этого оно не становится более правильным. “Чистый разум”, “человеческий разум”, оторвавшийся от связей со Сверхразумным, с Божьим Промыслом, с “Первым Умом” (по выражению православного канона), превративший себя в идола, в “богиню” и был первым шагом человечества на пути к финальному мраку. Если “административная”, “рационалистическая” и “трезвая” часть тех явных и тайных институтов, которые ведают сегодня контролем основных процессов в цивилизации, будет низвергнута “демоническими заговорщиками”, “адептами слепых богов хаоса”, “иррегулярными” ложами и гетеродоксальными, “мессиански настроенными иудеями, это будет лишь логично и справедливо. Чисто человеческий разум и чисто человеческое безумие являются не столько противоположными, сколько взаимодополняющими вещами. Без присутствия трансцендентного Святого Духа, как известно, вся “мудрость человеческая есть безумие”, а с его присутствием и “нищие духом выше мудрецов”. Поэтому на

грядущем фронте борьбы рационалистов и иррационалистов, у людей Традиции нет своих, нет “наших”. И те, и другие —”чужие”.

Ужас “сновидения наяву”, который захлестнет цивилизацию, в конечном счете, не больше чем закономерное следствие утраты человечеством Сакрального. Потеряв Сакральное в его светлом, сверхразумном и спасительном аспекте, люди столкнутся с его темной, негативной, карающей, наказующей стороной. Пришествие сил хаоса в последние времена — необходимая часть провиденциального сценария космического цикла, цикла человеческой истории. Темные волны ада сметут ветхий и отпавший от Бога мир, как волны потопа стерли с лица земли “прагматиков”, глухих к предупреждениям ясновидящего патриарха Ноя.

Хаос уже здесь. Он вежлив и корректен в странных гипотезах “третьей научной революции”. Он парадоксален и сух в постмодернистских социологических теориях. Он вызывает улыбку в рекламных роликах и фантастических сериалах. Он пикантен в романах ужасов. Он плосок и банален в уфологических журналах. Он вызывает отвращение и брезгливость в противоестественных ритуалах современных сатанистов. Но истинный свой объем и истинный свой лик он пока скрывает. Лик этот страшен.

Невольно вздрагиваешь сегодня, когда рядом, даже в шутку, говорят “после нас хоть потоп!”. Какая зловещая истина скрыта за этими почти “пророческими” словами. Настоящей же формулой тех, кто имеет силы, решимость и мужество противостоять как новому мировому порядку, так и новому мировому хаосу, должна стать иная формула: “После потопа — мы!”

Безумие будет расплатой для тех, кто поверили во всемогущество человеческого разума. Кошмар анархии настигнет тех, кто тщились управлять человечеством без Бога и Церкви. Темная материя восстанет на тех, кто наивно считали себя ее покорителями. Атеиста удушит демонопоклонник, а скептика растерзают бесы. Тех, кто не хотел слушать предупреждений и увещеваний, кто предпочитал тупую дрему, пробудят зловещие звуки “сумасшедших флейтистов бездны”.

Кризис современного мира необратим. Хаос будет его последним словом. Но страшная мистерия хаоса обнаружит и проявит иной полюс, противостоящий как “богине Разума”, так и “богам Безумия”, — сакральный полюс Вечности, Северный Полюс Духа. Все претензии хаоса на абсолютность, а его “богов” на вечность и бессмертие суть не что иное, как иллюзии. В конечном итоге, это не больше, чем тени сакрального, отражения небесных иерархий, упавших в нижние регионы Творения. Это — только пародии, чудовищные, но бессильные причинить зло тому, кто выбрал своей судьбой судьбу Духа, кого Дух избрал для своего служения. По ту сторону хаоса, чей триумф будет эфемерным, уже блещут лучи Вечного Града, Небесного Иерусалима, лучи Древа Жизни, Брачное Таинство Агнца...

Роберт Блох, продолжатель Лавкрафта, в рассказе “Странные эоны” писал: “Тот, кто спит в вечности, не умер, и время странных эонов пришло. Звезды на месте, двери открыты. Время остановилось. Смерть умерла. Великий Ктулху принял бразды правления миром, и это было началом его вечного царствования.”

Жан Парвулеско, один из тех немногих, кто с полным основанием может подписаться под фразой “после потопа — мы!”, так комментировал этот пассаж: “Мы полностью согласны с этим, только вместо имени Ктулху мы должны поставить иное, еще немыслимое сегодня слово, имя “абсолютной концепции”, воплотившей в себе

“догматическую иррациональность”. Это имя того, кто на самом деле поднимется и восстанет, но против Царства Ктулху, кто победит и уничтожит его. А в остальном все правильно. Звезды на месте. Двери открыты. Время странных эонов пришло. Мы возвращаемся к Первооснове.”

Часть IV. РУССКИЙ ВОПРОС

ГРАНИ ВЕЛИКОЙ МЕЧТЫ

1. Формула Гердера

Немецкий философ Гердер, вдохновитель национальной линии в немецком романтизме, повлиявший, кстати, практически на всех европейских националистически ориентированных мыслителей (от наших славянофилов до Барреса), выразил ключевую формулу своего мировоззрения в замечательной фразе — “народы — это мысли Бога”. Этим теологическим утверждением, совпадающим, впрочем, с сугубо традиционалистским взглядом на сакральную историю, закладывается основа сугубо интеллектуального, духовного понимания нации и этноса, не просто как биологической или социально-экономической модальности, но как особого мистического организма, существующего ради определенной духовной цели и объединенного единством уникальной провиденциальной Судьбы. В такой перспективе, каждая нация становится не объектом изучения или внешней коллективной средой, но центральным субъектом истории, сущность которого совпадает со стихией Божественного.

Если “народы — это мысли Бога”, то каждый из них имеет свою миссию, которую можно попытаться выразить в интеллектуальных терминах, коль скоро речь идет именно о “мыслях”. Сегодня, в момент глубинного исторического кризиса русской нации, в поворотный период ее судьбы, более чем актуально задаться вопросом: Какую именно мысль Бога являет собой Россия? Ч т о именно “мыслит” Бог сквозь русскую нацию, сквозь ее героический и скорбный, полный драм и подвигов путь по векам и пространствам?

2. Парадокс России

Обычно судьба народа почти точно совпадает с его реальной фактической историей. Иероглифы национального утверждения отливаются в великие исторические завоевания, свершения, трагические конфликты, гениальных личностей, творения духа. Внутренние силы нации изливаются вовне, застывая в конкретной истории, по отрезкам которой внимательное сознание может восстановить полноту национального мифа, чьим развертыванием и была национальная жизнь. Герои, вкусы, моды, стили и войны образуют осмысленные знаки, отпечатки одной из “мыслей Бога”.

Так дело обстоит практически со всеми народами и нациями, но пытаясь применить это к России, мы тут же сталкиваемся с неким парадоксальным ощущением, что данный метод совершенно к ней не подходит. Фактическая история русских порождает странное впечатление того, что самое главное, самое сущностное в ней остается за кадром, ускользает от взгляда, обращенного к конкретике, прячется за внешней стороной вещей, бросая лишь странные намеки на внутреннюю великую тайну. Не то чтобы у нас, русских, не было исторических взлетов или трагических испытаний, великих людей или небесных гениев. Напротив, Россия и русский народ создали множество конкретных памятников —Империю, особую Традицию, уникальную культуру. Мы знали безумие победного торжества, триумфальные завоевания, высшее напряжение героической воли, монашеский духовный подвиг, самоотречение и самоутверждение. Мы знали вкус бездны, достигая пределов национального страдания,

страшных смут, тяжелого помешательства. И все же интуиция подсказывает нам, что главное осталось реализованным, что самое важное еще не явлено нам. Наша история как бы предвосхищает “мысль Бога”, доверенную России, она ее не исчерпывает.

Это совершенно ясно осознавали русские мыслители — как патриотической ориентации (славянофилы, Фет и др.), так и критически настроенные нонконформисты, особенно Чаадаев. Быть может, именно Чаадаев (который, кстати, в некоторых своих текстах весьма далек от того образа закоренелого русофоба, с котором он часто ассоциируется у поверхностных исследователей) глубже всех схватил “незаконченность”, странность, особость России, ее резкое отличие от других наций. При том важно не фактическое опровержение его “развеличания” русской истории, но тот факт, что интуиция внутренней, таинственной и парадоксальной стороны национальной истории настолько была для него очевидна, что затмила реальную канву истории. Другое дело, что Чаадаеву, несмотря на его увлечение Жозефом де Мэстром, не хватило интеллектуального аппарата для адекватного и беспристрастного понимания того, что он так точно предчувствовал.

Любопытно в данном контексте и замечание хрестоматийного русофоба маркиза де Кюстена, сказавшего о русских — “это народ, который, стоя на коленях, мечтает о великой Империи”. Точнее трудно определить наш национальный парадокс, хотя мы должны отрешиться от чисто “пежоративного” звучания этих слов. То, что у внешнего наблюдателя вызывает ассоциации со “стоянием на коленях”, на самом деле есть лишь следствие той Великой Мечты, которая занимает в тайне национальное самосознание. Русская Великая Мечта, наш непроявленный, внеразумный ориентир принижает и релятивизирует все конкретные исторические достижения, порождая иллюзию их “незначимости”, их “невеликости”. У других наций даже сотой доли свершений и подвигов, подобных русским, хватило бы для того, чтобы вызвать обоснованную и оправданную историческую гордость, самоудовлетворение, ощущение исполнения своей миссии. У русских же интуиция какой-то более великой цели, всегда более великой, чем все осуществленное, разъедает чувство самодовольства, гасит его, доводя до гротеска то сочетание глубокого смирения и невероятной гордости, которое характеризует наш национальный характер. Мы добровольно и сознательно “встаем на колени”, чествуя тем самым таинственную вертикаль, выходящую за рамки человеческих возможностей, поклоняясь только самому далекому, самому высшему, самому недоступному. Таинственное постижение какой-то небывалой, сверхбытийной истины порождает в русских странную мечтательность, тонкую тоску, текущую сквозь нашу боль и нашу иронию как указание на истинную “мысль”, которую Бог думает сквозь нас, но которая настолько глубока, что выходит далеко за рамки конкретных и внешних свершений.

Славянофилы, угадывающие эту национальную особенность, говорили о “богоносности” русского народа. Но эта “богоносность” парадоксальна — она не сводится ни к исполнению какой-то цивилизационной миссии, ни к чреде великих героических жестов, ни к совокупности культурных и территориальных завоеваний. Она всегда остается латентной, как бы в состоянии сна, отказываясь от воплощений, храня себя, оживая в глубинном и невнятном бодрствующему сознанию намеке.

У России существует как бы две истории — одна фактическая и реальная, прекрасная, но никогда не главная, не полная, не исчерпывающая, не вмещающая до конца нашу Судьбу. Другая —сновиденческая, созерцательная, непроявленная, несущая в себе великое откровение.

Они как две параллельные прямые.

3. На линии Конца Света

Попытаемся угадать контуры Великой Мечты, этой парадоксальной и непроявленной вести, несомой нам. Это — не просто метафизическое утверждение, статичное и полное, как у великих народов Востока. Это — не динамизм формообразующих, рационализаторских свершений, как у наций Запада. Русские предвидят и скрыто утверждают нечто иное, лежащее на грани между рациональной сферой дня (как на Западе) и стихией трансцендентного созерцания (как на Востоке). Именно на этой грани сосредотачиваются энергии эсхатологии, мысли о Конце, весть о скором наступлении которого принес наш Спаситель.

Действительно, линия Конца Света отделяет посюстороннее от потустороннего, рациональное от сверхрационального, обыденное от волшебного, существующее от "более чем существующего". По одну сторону от нее подытоживается история народов и наций, оканчивается мозаика осуществившегося Промысла Божьего. По другую сторону — обнажается от материальных завес и масок само Царство Света, неразбавленная и тотальная благодать Нового Иерусалима, последняя реальность без времени и смерти.

Вкус эсхатологического созерцания скрещивает целый веер духовных тенденций. С одной стороны, взгляд из кончающегося мира на грядущую "парусию", "финальное богоявление" (на сей раз "в силах", во всем ослепительном и славном метафизическом объеме); это порождает экстатический предвкушающий восторг. С другой стороны, взгляд, возвращающийся назад после "восхищения" на "новые небеса и новую землю" эту ветхую, все еще не кончившуюся реальность, как нечто отвратительное, исполненное мерзости запустения, как "вотчину Антихриста"; отсюда глубочайший скепсис к бытоустроению и радостям земным. Иногда, лишь простое дуновение эсхатологического чувства, без интуирования всей эсхатологической структуры, порождает невыносимый трагизм от пронзительного понимания скорого исчезновения привычного мира, вместе с его ставшим привычным и близким человеческим и природным антуражем. Четкое чувство глобальной грани Конца Мира (где бытие балансирует над бездной "сверхбытия") привносит и иную, более конкретную грань — между "своими" и "чужими", и противоречия при этом склонны приобретать тотальный, онтологический характер, вырастать до гигантских пропорций под давлением серьезности предвкушаемого эсхатологического момента.

Весь этот эсхатологический комплекс, сложный, подчас противоречивый, легко подверженный деформациям и отклонениям от ортодоксальных православных норм, как нельзя точнее описывает сферу нашего национального бессознательного, нашего потенциального мира, наше параллельной истории, протекающей сквозь внешнюю канву национально-государственной жизни.

Определяя русскую Великую Мечту как мечту эсхатологическую, мы получаем возможность объяснить почему нам "внятен острый галльский смысл и сумрачный германский гений". Мечтая о конце, мы имеем в виду Конец не только себя — как нации, народа, государства, но Конец Всего, завершение цикла, где откроется промыслительная роль не только нашего собственного народа, но всех народов земли. Именно эсхатологизм позволяет определить русского как "всечеловека", как "общий знаменатель" человеческой истории, способный отомкнуть лабиринты материальных иллюзий, скрывающих ангелическую истину национального бытия человеческих наций. Тот же настрой и та же логика заставляют нас проникаться мессианским чувством, ощущать в нашем народе сотериологическую ("спасительную") и интегрирующую функцию.

Линия Конца Времен проходит сквозь нас. Именно она “девальвирует” уже свершившуюся национальную историю как нечто ничтожное и незначимое по сравнению с тем, что составляет нашу национальную сущность, по сравнению с великим и единственным мигом Второго Пришествия, царями и слугами которого наша избранная нация станет пройдя сквозь апокалиптический огонь.

Но Конец Времен — не просто один из моментов будущего. В этой точки время соприкасается с Вечностью, пространство — с отсутствием пространства. Значит эсхатологическая Мечта русских не обязательно направлена вперед, в будущее. Вектор Вечности проходит перпендикулярно к линии времени; он означает разрыв длительности, мгновенное исчезновение времени. Значит русская мечта о Конце Мира не может иметь ничего общего с идеями “прогресса”, “эволюции” и т.д. Или точнее, “прогресс” и “эволюция” суть те концепции, в которых наше национальное бессознательное нашло себе весьма неадекватное, грубо приближенное выражение в ту эпоху, когда церковно-монархические формы эсхатологического чувства почти полностью потеряли жизненность и перестали соответствовать национальным чаяниям. Интуиция эсхатологии носит вневременной характер, и русские очень ясно предчувствуют это. Поэтому на грядущее наступление нового Золотого Века заботит Россию, но прямое и внезапное откровение полноты Истины, обнажение всей тайны Небес, даже если ценой за этой преображающее видение будет прекращение истории, конец человечества (а не его “улучшение”, “развитие”, “усовершенствование” и т.д.). Конец присутствует “здесь и сейчас”. От этого так интенсивно и отвлеченно одновременно переживают русские реальность — то буйно вмешиваясь, врываясь в нее, то неожиданно застывая во внутреннем невыразимом созерцании.

4. Эсхатологический сценарий в русской истории

Православное сознание в полной гармонией с национальным бессознательным русских, видит Конец Времен на трех уровнях:

1) Как апокалиптическую катастрофу, предчувствие которой так глубинно переживается русскими начиная со второй половины XVI века;

2) как битву между слугами Антихриста (как правило воплощенными для русских в фигуре “пришельца”) и верными Церкви;

3) и наконец, как финальное Преображение мира в лучах Второго Страшного Пришествия Господа нашего Исуса Христа.

При этом на всех этих трех уровнях русские воспринимают эсхатологические события — как нечто глубоко национальное, имеющее отношение прежде всего и в первую очередь именно к судьбе России и русского народа.

Как катастрофу переживаем мы нашу историю практически с самого начала возникновения России. Два первых русских святых —Борис и Глеб — мученики не только за Церковь, но и за православное, христианское государство, за Святую Империю. Они — князья, и их мученический венец определяет парадигму нашей национально-государственной истории. С одной стороны, они залог общенациональной верности Небесной Церкви, соединенной с русским народом именно через его вождей и правителей. С другой стороны, житие их наполнено мрачными эсхатологическими предчувствиями, и убийца Ярополк предстает не столько закосневшим приверженцем

дохристианского, “еще непросвещенного” национального прошлого, сколько предтечей грядущих эсхатологических потрясений, как прообраз Антихриста.

С конца XV века Антихриста ждут на Руси уже все, и дальнейшие катаклизмы истории воспринимаются нацией исключительно в катастрофическом ключе, что достигает своего апогея в расколе. Петр, Октябрьская революция и, наконец, перестройка — самые сильные потрясения, в которых все с новой силой вспыхивает исконный русский эсхатологизм, прорывающийся сквозь внешние псевдо-рациональные и заимствованные с Запада учения, формулы, клише. Постоянное чувство линии Конца давит на народ всем своим онтологическим весом, заставляя его метаться между жаждой мученичества, восторгом пакибытия и тоской о наличествующем. Национальную катастрофу мы переживаем в течении в с е й нашей истории, и это не случайно, но вполне логично для нации, центрированной на эсхатологической проблематике.

Второй аспект эсхатологии — финальная Битва — тоже окрашивает собой нашу историю. Враги “богоносного народа”, русских, являются врагами той эсхатологической миссии, которая ему доверена. Следовательно, в персоне национального врага обязательно должны проступать “черты Антихриста”. Однако восприятие чисто внешнего врага как воплощение эсхатологического противника у русских никогда принимало таких радикальных форм как у многих других народов. Даже в самых жестоких войнах, которые русские вели, враг России прямо не отождествлялся с воплощением чистого Зла. В этом странной для мессианского народа сдержанности проявилась глубинная интуиция собственной сакральной значимости, собственной “всечеловечности”, которая даже для воплощения Зла предполагала сугубо национальный, русский контекст. Эсхатологическая Битва носит для русских сугубо внутренний и шире внутринациональный характер, где негативный эсхатологический полюс ощущается как тоже имеющее отношение в России. Извне в русском мифологическом осознании истории приходит только в л и я н и е, т е н д е н ц и я, обретающая свое полное и законченное воплощение в каком-нибудь сугубо национальном персонаже. В этом реализуется на национальном уровне христианская идея Иуды, парадигмы предателя, который принадлежит к самому внутреннему кругу учеников Спасителя, а не приходит из вне. Линия разделения осознается как нечто слишком сакральное для того, чтобы совпадать с простыми географическими или культурными границами континента-России. Мессианский русский народ для сакральной полноты должен нести в себе самом о б а эсхатологических полюса, иначе речь шла бы не “всечеловечности”, но о возведенном в сакральный ранг национальном эгоизме.

И наконец, тема конечного Преображения также имеет у русских сугубо национальный смысл. Это Преображение относится в первую очередь к России, и уже ч е р е з Россию преобразится вся остальная реальность. Образ чистой преображенной России и лег в основание концепции Святой Руси, но важно, что и здесь речь шла об эсхатологической перспективе, о Великой Мечте, сбывающейся лишь в точке Конца, а не о удовлетворенности своим имманентным наличествующим национальным бытием. Преображенная Россия существует как таинственная параллель России катастрофической, страждущей и ведущей страшную битву с Антихристом. Она дрожит в тонком сне национальных предчувствий, обнаруживая себя сполохами безумного национального счастья, счастья просто быть русским, родиться русским, умереть русским. Потом снова исчезает в океане ветхих пейзажей, где обустроенные островки культуры размываются проступающими стихиями живой и бесформенной русской материи.

Вся наша национальная история, осененная таинственным и ускользающим знаком Великой Мечты, протекает ради последнего жеста, последнего действия, последнего мига. Тогда две параллельные сомкнутся. Внутреннее содержание нашей национальной

сущности раз и навсегда вытеснит темные маски материальности. Разверзнется Последняя Катастрофа, состоится Последняя Битва и грядет Последнее Преображение.

Это может произойти только как “всечеловеческое”, всекосмическое событие. Всякие относительные, даже самые страстные порывы к реализации Великой Мечты прежде достижения точки Конца Времен окажутся лишь очередным разочарованием, и новое поколение обнаружит “внешние”, “темные” влияния за формой, которая предстанет поначалу как истинный русский Триумф. Любые компромиссы с нашим национальным идеалом невозможны, они будут отвергнуты и разоблачены рано или поздно под давлением глубинных сакральных интуиций народа. Наша историческая цель — Второе Пришествие. Мы понимаем его как благой, национальный, русский исход Истории вопреки антихристовой пародии, которую готовит планете современный мир через чахлую рациональную утопию “нового мирового порядка”.

Только тотальное свершение Великой Мечты оправдает все наши страдания и что, быть может, еще важнее, объяснит все нелепости нашего пути сквозь века и земли.

Смысл России в том, что сквозь русский народ осуществится самая последняя мысль Бога, мысль о Конце Света.

О пределенные знаки указывают на то, что “близ есть при дверех”. Скоро исполнится обещание Господа нашего, скоро коронована будет русская нация в чертогах Небесной России—Нового Иерусалима.

ВРАЗИЙСКАЯ ПОЛЕМИКА В ОППОЗИЦИИ

ОППОЗИЦИЯ И СИСТЕМА

В последнее время хрупкое равновесие в стане политической и идеологической оппозиции стало нарушаться нарастающей полемикой между между “этноцентристами” и “евразийцами”, “красными “ и “белыми” и т. д. С одной стороны, в этой полемике проясняются доктринальные принципы различных направлений, движений и партий, ранее бывшие зачастую смутными и бессознательными, и это — позитивный аспект. С другой стороны, этот процесс является признаком вхождения оппозиции в рамки, предложенные Системой, а значит, ее “конвенционализации”, ее укрощения, ее “оскопления” в стерильных парламентско-партийных “играх”. Надо заметить, что в странах мондиалистского Запада этот ход по уничтожению оппозиции не через ее подавление, а через ее приручение, постепенное коррумпирование и “стерилизацию” блестяще отработан. По выражение Жана Тириара “существует два способа уничтожить революционную идеологию (в частности, коммунизм): бюрократия и парламентаризм”. Показательно, что в развитых мондиалистских обществах фактически нет оппозиции, оспаривающей сами принципы Системы. — И правые и левые там — лишь элементы продуманной и хитрой пьесы. Наша оппозиция, сложившаяся после августа 1991, была подлинной оппозицией, воплощавшей в себе глубинное несогласие определенных слоев общества не только с конкретными действиями правящей группы, но с основополагающими принципами мировоззрения, восторжествовавшего в расколотой стране после поражения ГКЧП. Начало же обширной полемики внутри оппозиции может привести к ее дроблению и интеграции в специально приготовленные режимом политические ниши. Очень важно именно сейчас выяснить нарождающиеся различия в мировоззрении оппозиции и понять логику их возможного развития.

НАЧАЛО ПОЛЕМИКИ: ЕВРАЗИЙЦЫ И ЭТНОЦЕНТРИСТЫ

Основная линия начинающегося разделения оппозиции проходит между “евразийцами”, “государственниками” и “национал-коммунистами” с одной стороны и “националистами”, “панславистами”, “монархистами” с другой стороны. Основным критерием и центральным мотивом в полемике является вопрос об об отношении государства и этноса. Именно понимание этой проблемы делит сегодня ряды оппозиции, а отнюдь не отношение к коммунизму, религии, марксизму и т.д. На обеих флангах есть и крайне правые (анти-марксисты, православные, фашисты) и крайне левые (бывшие члены партаппарата, коммунисты, социалисты). “Евразийцы”-”государственники” утверждают ”превосходство Государства над Этносом”. Их национализм носит откровенно имперский, супра-этнический, геополитический характер, часто сопряженный с традиционным русским государственно-религиозным православным мессианизмом народа-богоносца. Для этого фланга расчленение СССР является Абсолютным Злом, а совершившие это злодеяние правители однозначно квалифицируются как национальные преступники, с которыми не возможны никакой конструктивный диалог, никакое соглашательство или компромисс. Это собственно и есть “непримиримая, радикальная оппозиция”, обладающая непреклонной политической решимостью сражаться с Системой до конца. В этой борьбе “евразийцы” готовы вступать союз с любыми религиозными, национальными и геополитическими силами на Востоке и Западе, которые могли бы помочь им в борьбе против мондиализма и способствовать воссозданию Империи. Рассуждающие в геополитических терминах “государственники” главным врагом считают мондиализм и талассократические США. “Националисты”-”славянофилы” со своей стороны утверждают “первичность этнического фактора”. Такой национализм ограничен либо великоросским этносом, либо ратует за всеславянское объединение. Этот лагерь имеет в самом себе два полюса — полюс “этнического минимализма”, воплощенный в проектах санкт-петербургского объединения РОД, которое предлагает создать моноэтническое великорусское государство, и полюс “этнического максимализма”, предполагающий подчас даже восстановление СССР, но в ходе национальной русской военно-экономической экспансии в отделившиеся республики (к примеру, под предлогом защиты русского населения). “Националисты”-”славянофилы” не исключают возможности диалога и сотрудничества с правительством при том условие, если будет ограничено влияние откровенных и одиозных русофобов и представителей нерусских народов. Во всех случаях главными врагами для них являются инородцы, иудеи и т.д. Геополитические факторы для них имеют второстепенное и чисто прикладное значение.

ВЗАИМНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ

Оба полюса оппозиции имеют друг к другу ряд принципиальных претензий, которые легко можно вычленить. “Этноцентристы” упрекают “евразийцев” в том, что они

— предают интересы “русского этноса”, соглашаясь на сотрудничество с инородцами (особенно с тюрками, а иногда и с европейцами),
— предают интересы Православия, сотрудничая с антимондиалистским Исламом, европейскими католическими, протестантскими или языческими движениями национал-революционеров,
— предают Русскую Монархию, протягивая руку сотрудничества национал-коммунистам (ответственным за октябрьский переворот и уничтожение царского режима),
— предают Народность, апеллируя к эзотерическим учениям и инициатическим практикам (ассоциирующимся однозначно с “масонством”),
— допускают элементы социализма в экономическом устройстве грядущей Империи (что говорит о преемственности коммунистическим теориям),

— претендуют на главенство своей идеологии в рамках всей оппозиции, на основании ее открытости, универсальности и глобализма (что ущемляет позиции чистых “националистов”),
— и наконец, предают Консерватизм, принимая идеологию технологического развития, социального строительства, государственного футуризма (что противоречит тенденциям национальной архаики).

“Евразийцы” в свою очередь также имеют ряд претензий к “этноцентристам”. Они упрекают их в том, что они

— способствовали развалу СССР, требуя суверенитета для России и создания основ государственности в рамках РСФСР (что сыграло только на руку демократам и мондиалистам),
— провоцируют напряженность в отношении русского населения в республиках (так как ограничение русской нации узко-этническими рамками не может не привести к отчуждению от имперских инородцев),
— лишают патриотическое движение геополитической алертности по отношению к американской стратегии покорения Евразии (чем американцы пользуются, прибирая к рукам те регионы, которые оставляют без внимания русские, решившие сосредоточиться на своих собственных проблемах),
— принижают “всечеловеческий”, “имперский”, “мессианский” национализм русских до узко этнических границ (делая его бессильным, пассивным и не способным осуществить свою государственную миссию),
— конформистски вступают в диалог с анти-национальным мондиалистским и проамериканским российским правительством, всякий раз как только оно делает лицемерные жесты в сторону русских традиций (понятых как архаический и безобидный национально-религиозный фольклор),
— идиотизируют русские традиции, ратуя за восстановление архаических и лубочных аспектов дореволюционной России и отказываясь от технологических, стратегических и индустриальных достижений советского периода,
— зачастую ратуют за частную собственность (национальный капитализм), противоречащую социальным традициям России,
— и наконец, являются главными инициаторами раскола оппозиции, так как отказываются от союза, постоянно предлагаемого им самими “евразийцами” в соответствии с открытостью и прагматизмом их идеологии, ставящей своей главной целью “отвоевание Государства” и “восстановление Империи”.

КТО “БОЛЬШЕВИК” — КТО “МЕНЬШЕВИК”?

Таковы принципиальные мотивы нарастающих споров в оппозиции, которые вряд ли смогут быть остановлены на уровне авторитетов лидеров, призывов к согласию и единению, увещеваний или личных симпатий. В данном вопросе противоречия имеют принципиальный характер, который условно можно сравнить со спором “большевиков” и “меньшевиков”. “Евразийцы” — это “большевики”, отказывающиеся от компромисса с коррумпированной мондиалистской властью, от парламентской демагогии, от соглашательства с Системой, готовой пойти на ограниченные и двусмысленные компромиссы. “Этноцентристы” — “меньшевики”, согласные ограничиться малым, пойти путем постепенных реформ в национальном ключе, отказаться от планетарной “Национальной Революции” ради мелких уступок мондиалистов, готовых предоставить русским фольклорное “национальное бытие” в евразийских резервациях. Кроме того крайне важен тот факт, что в стане “евразийцев” полным ходом идет процесс

идеологического творчества, в результате которого складывается новая концепция “славянофильского футуризма”, великая идея “Евразийской Империи”, которая способна в будущем не только восстановить потерянное Россией геополитическое могущество, но и стать центром антимондиалистской доктрины, пригодной для провоцирования планетарного процесса идеологического и геополитического освобождения от американского банкократического господства. Эта идеология наступательна, агрессивна, универсально применима как в Европе, так и в Третьем мире. “Националисты” ориентированы только на пассивное, защитное сопротивление. Они смотрят назад, увлеченные ностальгией, сентиментальным чувством тоски по прошлому. Они верны не столько духу и сути Русской Традиции, сколько ее внешним формам, хотя в то же время моноэтническая модель России является, безусловно, совершенно “модернистической” идеей, так как ничего подобного в России за всю ее историю никогда не существовало. В целом было бы неверно соотнести “большевиков” оппозиции (“евразийцев”) с “модернизмом”, а “меньшевиков” —с “архаизмом”. На самом деле, оба полюса имеют и современные и традиционные элементы, только они сочетаются по разному. Имперская ориентация, открытость к нерусским этносам, элитарность, традиции общинной экономики — эти аспекты у евразийцев являются глубоко традиционными. Но они модернисты в том, что касается индустриальных, технологических, военно-промышленных проектов, создания глобальных информативных систем и современных комплексов коммуникаций. Чистые “националисты” модернисты в своем “моно-этнизме”, в своей неприязни к элите (что свидетельствет об индивидуализме и эгалитаризме), в своих симпатиях к национальному капиталу. И напротив, их отказ от индустриализма и технологического развития является чисто архаической чертой.

ТАК ЛИ УЖ МЫ РАЗЛИЧНЫ?

Надо подчеркнуть одну особенность такого разделения. Евразийское крыло оппозиции потенциально готово к диалогу и сотрудничеству с “этноцентристами”. “Евразийцы” в большинстве своем разделяют на эмоциональном уровне чувства “этнических националистов”, но при этом отказываются возводить их в доктринальный, идеологический принцип. Национальная реакция “евразийцев” опосредована и отсрочена. К примеру, испытывая точно такую же неприязнь к мафиозным столичным кавказцам как и “этноцентристы”, они в то же время отказываются делать из этой неприязни политическую категорию. Сочувствуя и сопереживая русским, оказавшимся внезапно за границей, они не взваливают вину за коренное нерусское население этих республик, но, всегда помня о причине такого положения дел, обвиняют в предательстве американских марионеток, захвативших власть в самой России. Будучи в подавляющем большинстве случаев православными, евразийцы не настаивают при этом на “прозелитизме” (совершенно чуждом, впрочем, Русской Церкви), ища стратегического союза со всеми анти-мондиалистскими силами Евразии независимо от их религиозной принадлежности (учитывая при этом и метафизическую специфику религий, в соответствии с которой к примеру, фаталистичный и антииндивидуалистический Ислам оказывается типологически ближе Русскому Православию, нежели англо-саксонское, индивидуалистическое и подрывное протестантское псевдо-христианство бесноватых проповедников-шоумэнов). Итак, “евразийцы”-”большевики” сторонники единства оппозиции. Они изнутри понимают своих “этноцентрических” оппонентов, но при этом остаются убежденными в безысходности и неэффективности “этноцентрических” проектов. “Евразийцам” не свойственная также “патриотическая шпиономания”, видящая по всюду “агентов иудео-масонского влияния”. Лишь самые радикальные представители “этноцентризма”, отказывающиеся от всякого диалога с “евразийцами”-”государственниками” и конформирующие с антинародной, анти-русской властью вызывают у них подозрение в принадлежности к “атлантистскому” лобби, так как радикальный отказ от основ евразийской геополитики выгоден только и исключительно “агентам влияния” США, чьей

главной задачей является любой ценой ослабить и подчинить себе континентальные евразийские державы.

РАСКОЛЫ ВЫГОДНЫ ВРАГУ

Подводя итог нашим замечаниям нужно указать на следующий момент: в случае окончательного раскола оппозиции на “большевиков” и “меньшевиков” нарушится ее внутренний строй, утратится ее “непримиримость”, ее “радикальность”. При этом “этноцентрический” фланг скорее всего будет интегрирован в Систему в качестве безобидной фольклорной “партии резерваций”, чтобы лозунгом “Россия для русских” продолжать разрушать остатки государственности, отчуждая инородцев и провоцируя дальнейший сепаратизм в границах РФ. “Евразийцы” же, оставшись одни, в значительной степени маргинализируются, и Системе будет намного легче покончить с ними вообще. К окончательному ослаблению “большевицкого” фланга оппозиции может привести новое выяснение отношений —например, между “коммунистами” и “правыми” или “социалистами” и “фашистами” и т.д. Как бы то ни было, надо предвидеть заранее грядущие перспективы идеологических и политических споров. Вряд ли удастся вообще избежать этой полемики, которая, впрочем, уже набирает силу. Однако необходимо сознавать уже сейчас к чему она неизбежно приведет и искать не просто партийного компромисса, но подлинного идеологического синтеза. При этом совершенно очевидно, что открытость “евразийцев”, их органическая солидарность с “этноцентристами” дает для это все основания. Коль скоро некоторое выяснение отношений неизбежно, надо постараться превратить его в созидательный, творческий процесс, в результате которого оппозиция, все патриоты должны укрепить свои ряды и постараться изолировать лишь идеологические элементы, заинтересованные в раздорах, склоках и ослабления всего нашего лагеря, подталкивающие его либо к конформизму либо самоубийству через экстремизм.

ИДЕОЛОГИЯ ПОБЕДЫ

Уже сейчас просматриваются возможность истинного идеологического синтеза, который прекрасно смог бы объединить и “большевиков” и “меньшевиков”, и “националистов” и “евразийцев”, и “национал-коммунистов”, и “национал-демократов” и “этноцентристов”. На уровне геополитики идеалом оппозиции должна быть

мощная и “сверхнациональная” континентальная Империя, суверенная на политическом, стратегическом и экономическом уровне. На уровне внутренней национальной политики это должно быть

полное восстановление национальной справедливости по отношению к русскому народу, угнетаемому и попираемому в течении долгих десятилетий торжества анти-русской идеологии. Это, в частности, означает ражикальная борьба до последнего вздоха с руссофобским отребьем, захватившем сегодня власть в нашей стране. На уровне социальной политики оппозиция должна настаивать на восстановлении социальной справедливости, на заботе государства и общества о каждом его члене, предоставление экономических гарантий каждому гражданину Великой Державы. При этом в будущем экономическое устройство страны сможет удовлетворить как национал-коммунистов (общественная и государственная собственность в ключевых отраслях промышленности), так и сторонников национального капитализма (частная собственность на мелкие и средние производства, поощрение частной производительной инициативы в промышленности и сельском хозяйстве и т.д.). Конец произволу международного финансового капитала будет положен немедленно после прихода к власти оппозиции, хотя выгодные для государства и нации сферы сотрудничества с заграничными производственными предприятиями будут развиваться. В этом идеологическом синтезе идей оппозиции должны участвовать все ее представители. Исключены же из этого процесса будут лишь те, которые сами хотя исключить остальных из этого

общенационального процесса, претендуя на единственное обладание истиной в последней инстанции. Серьезность положения, в котором находится сегодня оппозиция, историческая важность нашего времени настолько велика, что упорство в критицизме, отрицании, эксклюзивизме, псевдо-профетизме, сектанстве, одним словом “меньшевизме” должны рассматриваться как ”подрывная деятельность”, направленная против России, против Государства и Нации. Не следует себя обманывать. — То, что мы проживаем сегодня, это — РЕВОЛЮЦИЯ. А значит, в действие вступают “законы революционного времени”, “военного времени”. Наши слова, наши высказывания, наши статьи — это больше не частные, индивидуальные мнения и не литературно-публицистическая полемика. За каждую написанную или опубликованную фразу теперь придется отвечать всерьез.

АПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

Политическая аритмия, евразийство и национализм

В актуальной политической жизни России все яснее прослеживается одна закономерность — идеологические концепции находятся в полной дисгармонии с политической жизнью. В одних случаях в сфере идеологии совершается авангардный скачок вперед, но при этом политические реальности остаются далеко позади. В других случаях, напротив, политические события, лозунги, трансформации намного опережают соответствующие идеологические разработки. Эта аритмия порождает постоянную путаницу в терминологии, языке, программах и полемиках. Дело усугубляется еще и тем, что многие политики часто просто не понимают разницу между идеологией и политикой либо вообще не представляют, что такое идеология и с какими реальностями она оперирует.

Одним из самых ярких примеров этой политико-идеологической аритмии является судьба “евразийской идеологии”, которая, будучи возрожденной совсем недавно, уже пережила ряд парадоксальных трансформаций, изменений, превращений и искажений в зависимости от политических сил, пытавшихся применить ее для своих нужд. Исторически возникшая как авангард патриотической, консервативно-революционной, геополитически ориентированной и глубоко национальной мысли в среде русской эмиграции в 20-е годы и в перестроечную эпоху возрожденная уже новым национальным, антизападническим, оппозиционным авангардом, евразийская идеология почти сразу была перехвачена совершенно чуждыми ее сути космополитическими, западническими, мондиалистскими силами — начиная с Горбачева, через ельциниста Станкевича и кончая Движением Демократических Реформ. Одновременно с этим возрождающийся архаический русский национализм также не разглядел в евразийстве ярко выраженной традиционалистской, национальной ориентации, и его теоретики начали угрюмо бурчать про “масонов” и “агентов влияния Турана”. Политических форм выражения евразийской идеологии среди патриотов также не доставало, и поэтому в оппозиции эта плодотворная идея осталась в развоплощенном состоянии.

В данном случае аритмия проявилась в том, что перспективная, модернистическая, глубоко антимондиалистская и национальная идеология была налицо, а ее политического воплощения не было и в помине. Разным мондиалистским “системным аналитикам”, убогим “просвещенным патриотам” и откровенным жуликам-ельцинистам в такой ситуации было очень легко позаимствовать элементы этой идеологии, снабдив ими свои интеллектуально немощные политические структуры и механически отбросив все революционные, оппозиционные, антимондиалистские, националистические и аристократические аспекты, изначально составлявшие весь смысл евразийства. Конечно, нельзя без боя отдавать на откуп врагам свое собственное идеологическое оружие. Но и

защищаться лишь теоретическими средствами от практической политики более расторопного противника тоже трудно. Тем более, что в этом вопросе есть и еще один нюанс.

Патриоты выдвинули концепцию евразийства, которая логически должна венчать собой свод многочисленных и разнообразных “национализмов” народов евразийского континента, до того, как эти “национализмы” окончательно сформировались и заявили о себе. Конечно, патриотами двигало желание сохранить единство этнического многообразия Великой Империи еще до того, как волна сепаратизма, почти всегда сопровождающая, увы, национальное пробуждение, разрушит органическую целостность государства. Поэтому подчас евразийство выглядело не как последняя и высшая стадия национализма, и в первую очередь, национализма русского, имперского, интегрирующего (каким оно, в сущности, и является), но как компромисс, как слишком поспешная уступка антинациональным, сепаратистским тенденциям. Быть может, евразийство возродилось слишком рано... Но несмотря на все ухищрения врагов час его политической реализации когда-нибудь придет. Однако это должно случиться после того, как прояснится идеология русского национализма, и после того, как она получит свое политическое воплощение.

Именно поэтому сегодня так важно обратиться к теоретическим обоснованиям национализма. Сразу заметим, что в этом вопросе аритмия сказывается в обратном смысле. Здесь налицо политическое выражение — множество партий, движений, групп, исповедующих русский национализм, но серьезных идеологических разработок почти нет. В лучшем случае все заканчивается эмоциями, раздраженной ксенофобией или женскими всхлипами поэтесс. Могут заметить, что русский народ вообще женственен, и поэтому его национальные проявления с необходимостью имеют женственный отпечаток. Это верно, но все же “женственность” русской нации не исчерпывает всех ее проявлений. Россия знала и солнечных, мужественных героев, гордо и отчаянно бросающих вызов судьбе, пространству и языкам. В русской нации всегда было мощное мужское начало, способное к ясной и четкой мысли, к убийственно точным определениям, к смелому и опасному творчеству в наиболее мужской сфере человеческой активности — в сфере духа, в сфере интеллекта, в сфере идеологического творчества.

Быть может, пришло время начать разработку идеологии национализма. А когда это будет сделано, и евразийская, сверхнациональная, авангардная идеология будет адекватно понята, оценена и реализована национальной элитой.

Определение русского национализма

С термином “национализм” сегодня связываются самые разные идеи. Никаких однозначных определений не существует, каждое политическое или идеологическое направление не только по-разному относится к понятию национализм, но и по-разному его трактует. Немецкий консервативный революционер Артур Мюллер ван ден Брук однажды удивительно точно заметил: “каждый народ имеет свой собственный социализм”. Перефразируя его, можно сказать: “каждый народ имеет свой собственный национализм”.

В какой-то мере каждый народ в чем-то является националистом. Но американец понимает это как гордость тем типом либерально-рыночной цивилизации, которая сложилась в США, и совершенно не принимает в расчет ни этнические, ни расовые, ни государственные критерии. Французский националист всегда немного якобинец, сторонник “единой и неделимой Франции”, его в первую очередь волнует принадлежность к французской культуре и лояльность к государству, а потом уже

этнический компонент. Немецкий национализм, напротив, носит чисто этнический, даже расовый характер. Национализм сербов и румын — подчеркнуто православный. Национализм испанцев — католический. Национализм португальцев и галисийцев (“саудаде”) —мистико-трагический. Национализм евреев — религиозный и мессианский.

К какому типу относится русский национализм? Каковы его основополагающие характеристики?

Попытаемся выделить его характерные черты.

1) Русский национализм является, безусловно, религиозным — а точнее, православным, мессианским и эсхатологическми. Россия рассматривалась самими русскими как последний оплот Византийской империи, хранительницы традиций “Православного Царствия”, отождествлявшегося с “катехоном”, “удерживающим” в святоотеческом предании(1) . Появление доктрины Филофея — “Москва — Третий Рим” — было последним выражением эсхатологического византизма, сохранившегося после падения Константинополя, вопреки появлению в мире “первых признаков Антихриста”. Православие было и остается для русских не просто “одной из ветвей христианства” (как могли сказать протестанты), и не универсальной “вселенской церковью” (на что претендуют римские католики), но “последним пристанищем Христовой истины в мире апостасии, отступничества”. Русское Православие видело и переживало себя как последний “неиспорченный” бастион Веры, Сакральности в мире зла, где царит либо “языческое нечестие”, либо “римское лицемерие, подменившее дух Церкви”. Русский народ — последний носитель “Православного Царствия”, “катехона”, того “тысячелетнего царствия”, которое, по мнению православной доктрины, лежит не в будущем, но в прошлом — “в византийском православном тысячелетии”, воспринимался как эсхатологически “избранный” христианский народ, чьему попечению доверена в последние времена “тайна благодати”. При этом русский православный мессианизм был не “прозелитическим”, не “пропагандистским” и “экспансионистским”, но сугубо “консервативным”. Интуитивное национальное понимание величайшей ценности Православия заставляло русских сосредоточиться на созерцательном, бережном хранении великого сокровища Традиции, открытого для всех, кого Провидение приведет к нему, но не навязываемого никому из тех, кто духовно его не жаждет. Такое эсхатологическое мессианство — это “мессианство стояния”, неподвижной вертикали духа, а не экспансивного горизонтального продвижения вширь (как это имело место в случае католичества и отчасти протестантизма). Церковь в России фактически слилась с русским народом, с русской нацией после падения Константинополя. После этого исторического момента Русь из “одной из православных держав” превратилась в “последнее православное царство”, а русский народ стал “эсхатологическим богоносцем”.

2) Русский национализм неразрывно связан с
пространством. Не кровь, не этнос, не фенотип, и даже не культура являются для русских фактором, по которому они узнают “своих”. Русские, как ни один другой народ, чувствительны к пространству. Пространство, необъятность, безграничность, протяженность, простор — вкус и дух этого является неотъемлемой частью русской души. При этом у русских существует какое-то особое понимание природы. Именно природа, а не культура, является для русских отличительным национальным признаком. Поля, леса, холмы, степи, горы, моря и реки России обладают качеством национальности, почти правом “гражданства”, являются живой составной частью национального организма. Трудно сказать, каково происхождение этого “национального опьянения” русским пространством — быть может, славянская чувствительность в сочетании с

кочевническими инстинктами тюрков степи создали эту беспрецедентную черту, или религиозное осмысление Руси как “последнего Царства” породило ощущение “страны как мира в себе”, как “ковчега Спасения”, огромного и священного, как вся Вселенная... Как бы то ни было, отношение к пространству у русских особое, подчеркнуто священное и даже антиутилитарное —русские никогда не стремились эксплуатировать свои земли, извлекать из них максимальную выгоду. Русские — хранители пространства, посвященные в его тайну, а не расчетливые колонизаторы или добытчики. Часто принадлежность к единому русскому пространству делает для русских внутренние неславянские народы более близкими, чем славяне других государств. Можно утверждать, что русский национализм является в значительной степени национализмом геополитическим.

3) Русский национализм является глубоко имперским, интегрирующим, всеохватывающим и универсальным. Русский этнос является этносом открытым, вбирающим в себя всех, кто хочет в него вступить. Русские — в своем роде “евразийские римляне”, объединяющие различные народы и языки своим особым религиозно-пространственным миропониманием и мировосприятием. “Имперскость” русского национализма ответственна за то, что у русских практически начисто отсутствует этническая солидарность, столь характерная для всех “национализмов” малого типа. Русский народ — большой народ, великий народ. Это не просто статистическая, количественная констатация, это — глубинная качественная характеристика. А будучи большим народом, он не скареден даже в вопросе жизни своих соплеменников. Это иногда приводило к ужасающим и кровавым эксцессам в русской истории, но, тем не менее, именно такое имперское, “сверх-этническое” отношение к своей нации давало русским возможность осуществлять небывалые подвиги, выдерживать невыносимые страдания, выносить нечеловеческие муки и ... побеждать. Интегрирующий характер такой имперской наклонности русских сочетался с уважением этно-религиозных традиций тех народов, которые входили (или вводились) в состав России, не желая при этом до конца отождествляться с русской нацией. Такая терпимость не признак какой-то особой “гуманности” или “доброты” русских. Скорее, в этом проявлялись
безразличие русских к тем народам, которые попадали в сферу их влияния, и одновременно, чувство глубокой национальной “избранности”, слишком ценимой для того, чтобы насильно навязывать ее тем, кто к ней не стремится или просто колеблется. Империя несет свои границы, пока не встретит непреодолимой преграды, и утверждает на своих рубежах сакральную формулу — “здесь кончается земля людей, земля духа, земля спасения”.

4) И наконец, русский национализм является традиционно
общинным, т.е. предполагающим необходимость социального объединения, соборности нации в ее коллективном “домостроительстве” (как традиционно переводили на Руси греческий термин “экономика”). Русский национализм всегда обращается в своем видении мира именно к общинному субъекту. Он с трудом даже теоретически может разбить нацию на индивидуальные составляющие. Русский, оторванный от русских, от России, как бы стирается из сферы интересов русского национализма — вот почему во всем мире никогда не существовало русской диаспоры (в отличие от немецкой или армянской, к примеру), хотя русские разъезжали по миру не меньше других народов. Выпадая из социального поля русского народа, русский человек прекращается, стирается как носитель национального духа. Его национальная принадлежность полноценна и эффективна только в общем соборном национальном контексте; вне его, на чисто индивидуальном уровне она не сохраняется, как бы это парадоксально ни казалось на первый взгляд. Русскими можно быть только всем вместе и только в России. По отдельности и вне Родины это почти невозможно.

“Скажи мне, кто твой враг”

Национализм — явление политическое, а всякий политический феномен, согласно знаменитому юристу Карлу Шмитту, с необходимостью предполагает наличие пары “враг—друг” (amicus—hostis), лежащей в основании политического выбора и делающей этот выбор жизненно важной, рискованной, экзистенциальной категорией. И даже в более широкой сфере — всякая вещь вообще имеет два вида самоопределения: позитивный (то, чем эта вещь является) и негативный, “от противного”(то, чем эта вещь не является). Точно так же дело обстоит с определением национализма и конкретно русского национализма. Русский национализм имеет своих врагов, иногда просто отличных, инаковых, нетождественных ему, а иногда и прямо противоположных ему, врагов заклятых. Причем дело не только в ксенофобии, в той или иной мере всегда свойственной любым народам на уровне масс (как инстинктивное негативное, “от противного”, но вполне естественное самоопределение нации “мы — не они”). Идеологический национализм основан не на простом национальном инстинкте, а на глубоком и ясном осознании своей национальной специфики, что предполагает также знание специфики других наций и народов, так как только при глубоком знании “иных национализмов” можно дать ясное определение своему собственному (хотя бы и путем отрицания). Часто именно этот отрицательный аспект национализма ставится ему в вину его противниками, сторонниками космополитизма, универсализма, нивелирования всего человечества. Более того, национализм в обычном сознании отождествляется именно с “исключающей”, “отрицающей”, “ксенофобской” стороной. Безусловно, здесь мы имеем дело с грубой и бесчестной пропагандистской фальшивкой, ничего общего не имеющей с объективным анализом такого сложного идеологического феномена, как национализм. Столь же безумно было бы укорять воду в аморальности лишь на том основании, что она отлична от огня и что она этот огонь тушит. Так и национализм любого народа: если он не принимает национальных ценностей другого народа или даже активно им противостоит, то этим лишь проявляет свою идентичность, внутреннее качество, которое делает его тем, что он есть, а не чем-то другим. Вода, которая не гасит огонь — это уже не вода. Нация, которая никак не утверждает себя, свою самобытность перед лицом другой нации уже не нация.
Кто же является “экзистенциальным врагом” русского национализма?

Во-первых, русский национализм однозначно утверждает свою инаковость по отношению к своим восточным и западным соседям. Русские, безусловно, не азиаты и не европейцы. Русь является совершенно уникальной страной, а русские — совершенно уникальным народом, и отнести их к восточной или западной цивилизации никак невозможно. При этом отрицание Востока и Запада в русском национализме неравнозначно. Когда русские говорят, что “они не азиаты”, они имеют в виду довольно пассивную и незлобивую констатацию культурно-исторического факта, которая сама по себе не требует ни акцентировки, ни пояснения. Это объясняется тем, что с Востока на Русь никогда не было культурно-идеологической экспансии (формы административно-политического татарского завоевания принадлежат к иной сфере). Восток Евразии сам довольно схож с русским имперским самоутверждением — для него совсем не характерен религиозный, этический или эстетический прозелитизм. Завоеватели с Востока лишь обносят завоеванные народы и земли линией административных границ, предоставляя решение духовных проблем народам, завоеванным материально. Но как бы то ни было, русские националисты живо ощущают свое отличие от азиатов, чей жизненный и психологический ритм ощутимо медлительней, чем пульс русской национальной жизни. Обладая азиатской аскетичностью в вопросах плоти, русские (как типичные индоевропейцы, и особенно как славяне) все же гораздо чувствительней к вопросам души.

Что же касается Запада, то в этом вопросе русский национализм более резок. Запад культурно агрессивен, его политическое давление всегда сопровождается духовным принуждением, его прозелитизм не делает исключений, а его ценностная система претендует на универсальность и единственность. Запад отождествляет свою цивилизацию с цивилизацией вообще, а значит, потенциально отказывает Руси в праве ее культурного выбора. Православие католико-протестантский мир считает "ересью", Русскую Империю — варварским, деспотическим, азиатским пережитком, а русское пространство — досадным конкурентом в планетарной борьбе за ресурсы и рынки сбыта. Естественно, что в таких условиях русский национализм имеет не только незападную, но антизападную ориентацию, так как здесь ставится под удар его самая сущностная характеристика — стремление к сохранению своей культурно-политической, геополитической и мистической независимости. Чем больше Запад напирает на Россию, тем жестче отвечает ему неприязнью, раздражением и подчас ненавистью русский национализм. Сам будучи неагрессивным, русский народ не любит агрессии по отношению к себе, считая ее не просто историческим материальным несчастьем, но покушением на свою духовную самость, одной из черт которой является миролюбие. Вообще Запад раздражает русского человека, и чем больше русский сталкивается с западной цивилизацией, тем больше он начинает ее тихо ненавидеть. И в то же время, русские, как индоевропейцы, легко могут понять и усвоить основные линии западной мысли, и более того, легко могут продолжить, развить и закончить их (причем с большим успехом и с большей легкостью, чем сами европейцы). Но при всем том нельзя считать Запад — прямым антиподом России. У нас с европейцами есть и много сходных черт. Запад иной, нежели Россия. Быть может, он, однако, самый отличный от нас среди всех наших соседей, самый далекий.

Русский национализм имеет еще одного противника. Этим противником исторически является иудейская диаспора России и Восточной Европы. Все, что касается евреев, особенно после Третьего Райха, представляется чрезвычайно деликатной темой, способной вызвать бурные эмоции. Впрочем, эта тема сегодня стала скандально центральной. С одной стороны, идут нескончаемые поиски явных и скрытых "антисемитов" (насколько же этот термин неточен и абсурден!), с другой стороны, неприязнь к евреям находит все новые и новые формы самопроявления — как прямые, так и изощренные, иносказательные. Но при этом никем не делается попыток объективно объяснить причины такого древнего, постоянного и сверх-живучего явления как "иудеофобия". Сами евреи, не без скрытого расизма, говорят о природных, низменных чувствах "гоев" из социальных низов, а их противники, руководствуясь больше инстинктом, возводят свою неприязнь в самостоятельный мировоззренческий принцип — "евреи плохи, потому что они плохи во всем". Самые нейтральные объяснения доходят лишь до того, что приравнивают "иудеофобию" к одной из многих форм "общей ксенофобии", ничем по сути не отличающейся от неприязни к другим инородцам. Такой взгляд, однако, совершенно не верен и ничего по сути не объясняет. Почему, в таком случае, именно евреи становятся с таким постоянством "козлом отпущения" для разных народов, тогда как другие этнические конфликты относительно быстро затихают и забываются?

В любом случае, русский национализм, действительно, выделяет евреев* (*Сноска: Здесь и далее мы говорим только о "традиционных евреях", "иудеях", т.е. евреях религиозных и укорененных в своей мистической, теологической, национальной традиции. Этнические евреи, порвавшие со своей религиозно-культурной средой, а значит, утратившие свое древнее специфическое национально-религиозное мировоззрение, выносятся за скобки нашего исследования, и к ним приведенные рассуждения никак не относятся) среди других окружающих соседних народов. В "еврее"

русские националисты видят своего мистического антипода, а не просто одного из инородцев. Дело в том, что еврейское национальное самосознание, еврейское национальное мировоззрение расставляет акценты в обратном порядке сравнительно с русским национализмом, с русским национальным мировоззрением. Так же осознавая себя мессианским, эсхатологическим, “избранным” народом, как и русские, евреи отрицают спасительную сущность жертвы Воплощения Сына, на которой основана Церковь Христова, Православная Византийская Империя и Третий Рим. То, что было для православных христиан обещанным “Тысячелетним Царством”, воплотившимся в Византии, “удерживающем”, то в контексте еврейского осознания истории явилось худшим этапом диаспоры, унижения, страдания, безнадежного скитания среди наций и рас, напрочь отрицающих и еврейскую “избранность”, и основы их национальной библейской миссии. “Тысячелетнее Царство”, как и приход машиаха, были для евреев не позади, а впереди, в будущем, и поэтому еврейское эсхатологическое мессианство было прямо противоположным самим корневым основам русского христианского мировоззрения. Канонический православный тезис о “богоубийстве”, совершенном иудеями, в исторической перспективе осуществлялся и подтверждался упорством синагоги в неприятии Церкви и ее сакральной истории. Распяв Сына Божьего один раз в Иерусалиме, иудеи продолжали распинать его постоянно, отказываясь признавать сакральную природу Византии, а позже Москвы — Третьего Рима. Естественно поэтому, что на мистическом уровне идеология русского национализма категорически противопоставляла себя иудейскому видению мира, и если бы даже к евреям у русских не было никаких иных претензий, уже одного этого теологического соображения было бы достаточно для того, чтобы русский национализм видел в иудействе своего “врага”.

С другой стороны, евреи — народ, который в течение двух тысячелетий не имел собственной земли, своего национального пространства. Это, безусловно, сказалось и на его этнической психологии, привыкшей воспринимать окружающий мир как нечто чужеродное, постороннее, а значит, чисто функциональное, безжизненное, декоративное. Евреи не понимают и не любят пространства. Царства, в которых им выпала судьба жить, все без исключения являлись для них, согласно их религиозной доктрине, “трефными” т.е. “десакрализированными”, “нечистыми”, “испорченными”. Естественно, что русские, угадывая эту черту в евреях, видели в ней прямую противоположность своему собственному пониманию пространства и природы как живых и полноценных “граждан” русской нации, как “окрещенных стихий”, пронизанных преображающей силой Православного Царства. Для русских фундаментальным ощущением было ощущение “исправленности” бытия искупительной жертвой Сына, и эта “исправленность” проявлялась для них с максимальной силой в границах христианской империи.

Тема империи также обнаруживает полную полярность русского национализма и религиозно-этнического мировоззрения иудаизма. Еврейская государственность имеет мистическую связь с иерусалимским Храмом. Первый Храм был построен Соломоном. Это — Золотой век еврейской государственности. Второй Храм воздвиг Ездра, вернувшись из Вавилонского плена. В 70-м году его разрушил Тит Ливий. После неудачной попытки его восстановления при Юлиане Отступнике (предание гласит, что начатое строительство было прервано появлением из-под земли языков пламени, пожравших приготовленные материалы и самих строителей) евреи, согласно их традиции, принуждены оставаться без храма и без своего государства вплоть до прихода машиаха. Только тогда будет воздвигнут Третий Храм и восстановлен Израиль. Русская империя была основана на прямо противоположной теологической традиции. Третьим Храмом христиане считают пречистое Тело Господа нашего Иисуса Христа, и в расширительном смысле — живую православную Церковь, огражденную от “мира сего” христианской империей. Очевидно, что русские, принявшие теологическую эстафету Византии, Нового

Рима, ощущали присутствие Третьего Храма здесь и сейчас, тогда, как иудеи, занесенные на Русь, живо и ярко переживали в той же (но “трефной” для них) империи как раз отсутствие этого Третьего Храма. И разве могли они относится к имперским русским, православным “евразийским римлянам”, как-то иначе, кроме как к злостным узурпаторам их национальной традиции, “святотатствующим” над “трагедией избранного народа” своим “теологическим самодовольством”!?

И наконец, именно соборность русских вызывала у иудеев особенный протест, так как их мистическая самоидентификация проходила как раз через изолированность, партикуляризм, отстраненность от жизни тех народов, среди которых они “временно” (всегда “временно”!) находились. Русский без России, без соборного единства с другими русскими исчезал. Евреи диаспоры, напротив, именно в отсутствии царства, в отказе от вовлеченности в соборное единение с другими нациями видели свое собственное религиозное “Я”.

Все эти соображения показывают, что, определяя иудейство как одного из своих “мистических соперников”, русский национализм не просто поддается неким “примитивным” и необоснованным инстинктам, но, напротив, утверждает наличие строгой логики, уходящей корнями в глубины его собственной национальной самоидентификации, в истоки его самоутверждения. Особенности быта и говора евреев, их специфическая внешность, и даже историческая склонность к “субверсивным”, иллегальным и разрушительным для нации формам “гешефта” — все это лишь внешние предлоги для выражения гораздо более сакрального и гораздо более обоснованного мистического и теологического неприятия русским национализмом еврейства во всех его проявлениях. Если бы евреи, исповедуя ту же самую религиозно-мистическую идеологию, обладали при этом совершенно иным фенотипом и психологическим и этическим складом, все равно последовательные русские националисты обязательно нашли бы эти иные (к примеру, несемитические) черты отвратительными и неприемлемыми, поскольку национализм — это идеология, и основывается она подчас на скрытых, полузабытых, полустершихся, но все же чисто интеллектуальных, религиозно-мистических принципах.

Парадоксы советского национализма

Возрождающийся сегодня русский национализм по инерции (или по каким-то другим причинам) воспроизводит архаические упреки в адрес всего советского периода, обвиняя его в забвении и предательстве русских национальных интересов, в космополитизме, интернационализме и т.д. Советизм в таком видении становится противоположностью всей русской истории, периодом, прервавшим всякую континуальность исторического существования русского народа. Эта радикально антикоммунистическая точка зрения была характерна для значительной части первой русской иммиграции. Такое отношение, отчасти справедливое постольку, поскольку оно основывается на анализе марксистских коммунистических доктрин, главенствующих в советской идеологии, активно используется у нас теми политическими силами, которые стремятся полностью переориентировать страну на западный мир, разрушают ее целостность, опрокидывают многовековые коллективные традиции. Уже одно это использование ельцинистами антисоветских теорий, едва прикрытых внешним псевдонационализмом, должно было бы навести настоящих последовательных русских националистов (не могущих не осознавать того, какой вред наносят русским и России омерзительные проамериканские реформаторы) на мысль о том, что не все в советском периоде русской истории было так однозначно, и что этот вопрос нуждается в дополнительном и углубленном исследовании.

На самом деле, советский патриотизм (национализм) был отнюдь не пустым лозунгом и не бессодержательным штампом. За ним стояла особая культурно-политическая и геополитическая реальность, в значительной мере преемствующая логику досоветского, исторического русского национализма. Разберем это несколько подробнее.

1) Советский национализм обладал той же эсхатологической, мессианской, идеалистической направленностью, что и православный русский национализм. Конечно, эта эсхатологическая ориентация не выражалась, не осознавалась более в богословских, церковных, христианских терминах. Она секуляризировалась, облеклась в совершенно чуждые русской истории экономические доктрины, но все же именно извращенно эсхатологический характер коммунизма (извещавшего мир о наступлении золотого века справедливости, равенства и счастья) сделал возможным его распространение у русских, традиционно пребывающих в апокалиптических чаяниях. В коммунизме нация почувствовала вкус Великой Идеи, чье утверждение, логически, должно было доверено именно "Избранному" народу, русскому народу, окруженному миром "апостасии". Так появилась теория "построения социализма в одной отдельно взятой стране", т.е. в России, волюнтаристически опрокинувшая сложную схоластику марксистских экономико-космополитических расчетов. Русские восприняли учение о коммунизме совершенно иначе, нежели западные коммунисты. Они увидели в нем, в первую очередь, "идеалистический" порыв к "волшебному бытию", испокон века живший в русском национализме, и отнюдь не сложную экономически-социальную материалистическую и атеистическую доктрину. Русский коммунизм был в гораздо большей степени религиозной, эсхатологической ересью, чем рациональным и расчетливым атеизмом. Конечно, отказ от Православия исказил во многом глубинный религиозный импульс русского национализма, придал ему двусмысленный характер, заставил изъясняться неадекватным, чужеродным языком, но все же этот национализм отнюдь не исчез, и более того, сохранил свою фундаментальную, традиционную, эсхатологическую ориентацию.

2) Советский национализм сохранил верность пространству, любовь к безграничным территориям, к просторам и русской природе. В этом состояла подлинная, неподдельная героика строительства железных дорог, плотин, новых городов. После краткого послереволюционного замешательства почти все на время потерянные части Российской Империи были заново воссоединены в пределах СССР, очерчивающих и охраняющих новое советское Большое Пространство, единое и неделимое, живое и бесценное. Конечно, и здесь по сравнению с обычным русским национализмом произошло значительное смещение. Внимательная созерцательность русских сменилась активным, деловым, преобразующим советским пафосом нового конструирования, переделки, технического созидания. Пространство так же, как и весь народ, поменяло свое "гражданство" с русского на советское, став полноправным участником гигантских территориальных, а позже даже космических эпопей.

3) СССР был на самом деле "последней Империей", так как здесь сохранялся в модернизированном виде древний традиционный принцип административно-политического, стратегического централизма с довольно мягкой этнической политикой, проводимой в отношении окраинных национальных областей. Даже тот факт, что после краха СССР во многих уголках бывшего могучего государства вспыхнули суровые, жестокие национальные конфликты говорит о том, что за интернационалистской советской идеологией скрывалась чисто имперская логика. В советской империи с особой силой, хотя и в несколько странной форме, проявился интегрирующий, открытый

характер русского национализма, трансформировавшийся в имперский культурно-политический тип “советизма”.

4) И наконец, социалистический строй стал в новых, небывалых советских условиях проявлением общинности, свойственной русской нации, осуществлением ее соборной, коллективной домостроительной тенденции. Советский социализм был глубоко национален и даже националистичен, так как общинность являлась фундаментальным качеством именно русской нации, русского мировоззрения. Национальная составляющая социализма не нашла и не могла найти своего логичного и откровенного проявления в марксистской схоластике, но, тем не менее, она была совершенно очевидна как всему народу, так и русским иммигрантам, наблюдавшим советское государство извне и поэтому обладавшим большей свободой в формулировках. Советский человек — прямое историческое продолжение русского человека, хотя, безусловно, такое положение дел существовало только де-факто, а не де-юре.

Суммируя все пункты, мы видим, что советский национализм повторяет во всех основных характеристиках классический и нормальный русский национализм, хотя повсюду эти характеристики перенесены как бы на иной план, существуют в иных формах и проявлениях, и, что самое главное, русский национализм в советском обличии теряет право голоса, право называть, осмыслять и обдумывать самого себя и свою специфику в прямых и ясных выражениях, в откровенных формулировках. С одной стороны, он проявляется на всех этапах советской истории без исключения — от революции, гражданской войны, Отечественной войны вплоть до русского космоса и русского атома. С другой стороны, всегда он вынужден существовать за кулисами марксистской, атеистической, материалистической, интернационалистской догматики, искажающей, извращающей его внутреннюю жизненную стихию. Сразу после революции именно русский национализм напитал великими энергиями общенародный порыв государственного строительства, и тогда его активное, бурное присутствие было так очевидно, что его идеологическое выражение было делом второстепенным. Но к 60-м — 70-м годам этот порыв несколько иссяк, и противоречие между официальной советской демагогией и сущностью национализма стало крайне опасным, мешающим национальным энергиям сконцентрироваться, собраться, восстановиться для нового национального русского исторического броска, для нового созидания и самоутверждения великого народа.

Из бездны к Русскому Небу

Если сравнить все вскрытые нами критерии русского национализма с той идеологией, которая стала доминировать в русском обществе после краха советской системы, мы увидим, что практически во всех своих пунктах она не только разнится с основами русского национализма, но практически прямо противоречит им. Либеральные доктрины, сформированные в англо-саксонском историческом контексте еще в XVIII-XIX веках, уже в изначальном виде были прямым отрицанием тех социально-политических традиций, на которых зиждилось русское общество. В либерализме категорически отрицаются такие понятия, как “мессианское, эсхатологическое предназначение нации”, как “священность почвы”, как “имперский иерархизм и централизм” и, наконец, как “общинность”. Нации в либеральном понимании — лишь условные конгломераты индивидуумов, объединенных меркантильными интересами; государство — гарант свободы торговли; национальные территории — безжизненные объекты утилитарной эксплуатации и т.д. Неолибералы эпохи ельцинизма тщательно повторяют те же самые

классические принципы англо-саксонского либерализма, радикально отрицая все исторические традиции русского народа как досоветского, так и советского периода. Ельцинизм радикально ориентирован на полный разрыв со всем тем, что составляло непрерывную сущность национальной истории нашего народа, которая оставалась нетронутой несмотря на самые страшные катаклизмы. Даже материалистические и атеистические догматы марксизма нация переправила в своем традиционном ключе (хотя для этого все же было необходимо наличие определенных доктринальных компонентов в самом марксизме, позволявших трансформировать это учение подобным образом). Но в теориях либерализма вообще нет ничего, что могло бы быть перетолковано (пускай с определенной натяжкой!) в национальном ключе. Мало того, что эти теории носят на себе глубокий отпечаток всех тех исторических идеологий, которые составляли основу политической и социальной практики народов и наций, являющихся радикальными и последовательными врагами России на протяжении всей политической истории нашего государства; мало того, что они в отечественном исполнении пропитаны ядом откровенной и агрессивной русофобии и презрением к русскому народу, — сам дух этих теорий пункт за пунктом разбивает основания национального самосознания — отвергая эсхатологический мессианизм русских, разрушая однородность русского пространства, сметая империю и громя последние следы социальной общинной ориентации русского общества, сохранявшиеся в советском социализме.

При этом показной и внешний псевдонационализм некоторых демагогических заявлений нынешних ельцинистов (на который, увы, иногда поддаются конформистские элементы патриотической оппозиции) — тех, которые нагловато называют себя "просвещенными патриотами" — столь разительно противоречит и букве и духу естественного и достоверного, подлинного русского национализма, что всерьез рассматривать эти претензии просто нелепо. Русским националистом может быть только тот, кто разделяет базовые установки традиционного русского политического самосознания, а значит, таковым не может быть не только западник, но и антиимпериалист, и сторонник чисто этнического "русского государства" ("национальной резервации"), и скептик, отрицающий миссию народа-богоносца, и либеральный сторонник "свободного рынка", где каждый представляет лишь самого себя. Даже если такие деятели прикрываются "национальными" фразами, элементарная проверка их высказываний на соответствие выделенным нами базовым критериям русского национализма мгновенно вскроет их несостоятельность и фиктивность. Именно поэтому часто повторяющиеся сегодня выражения типа "национальный капитализм" или "Россия, но не империя", или тот же "просвещенный патриотизм" ("просвещенный" — потому, что он высокомерно отрицает "мистический", "религиозный", "эсхатологический" компонент русской идеи) являются прямой идеологической подменой, призванной усыпить национальную бдительность, направить усилия русских в противоестественное русло и, в конце концов, обеспечить нынешним либеральным и радикально русофобским реформам необратимость и законченность.

Национальный кризис, который мы переживаем сегодня, имеет не только стратегический, политический и экономический характер, но и характер идеологический. Совершенно очевидно, что "советская" оболочка русского национализма более неадекватна, она изжила себя. (Если бы это было не так, никакого либерализма и никакого ельцинизма в России не было бы и в помине). Но также очевидно, что неуклюжие попытки возродить дореволюционные, монархические формы национальной идеологии еще более несостоятельны, чем неокоммунистические проекты. В этом случае как то забывается то фундаментальное соображение, что сама революция возникла как ответ на тотальное вырождение национальной сущности русского государства, на полную потерю духовных связей государственной и политической власти со стихией национальной

истории, с ее константами. Таким образом, возрождение русского национализма в наше время должно обрести новый и предельно актуальный язык, на котором этот национализм, сохраняя верность своим неизменным тысячелетним принципам, смог бы выразить себя, свою мощь, свою идею, свой взрыв в терминах, соответствующих вызову истории. В этом отношении следует резко выделить и отбросить в предшествующих социально-идеологических формациях русской истории то, что было случайным, наносным, необязательным, а подчас и вредным для последовательной и ясной верности основам русского национализма. Это касается как национальной критики дореволюционного строя, так и национальной критики советского периода.

Но кроме этих факторов современный русский национализм имеет и нечто более полезное. — Он имеет явного, яркого и откровенного врага, в котором, как в магическом кристалле, сосредоточено все то, что было и остается противоположностью этому национализму. Мы имеем в виду либеральную идеологию ельцинистов, которая на современном политико-экономическом и социальном языке, с использованием актуальных и эффективных методов провозглашает и строит в стране такой порядок, отвержение, отрицание и радикальное уничтожение которого будет строго тождественно победе русского национализма. Поэтому даже если русские где-то потеряют логическую нить в поиске своей национальной идеологии, нам "помогут" ельцинисты, тотальная, не на жизнь, а на смерть борьба с которыми и поправит нас в случае необходимости или нашей ошибки. Если ельцинисты берут власовское знамя, — это предупреждение против увлечения патриотов "антикоммунистическими" и "демократическими" тезисами генерала-предателя. Если ельцинисты носятся с семьей Романовых, значит и в самом романовском режиме надо усердно искать червей антинациональной диверсии. Если ельцинисты обрушиваются на советский период, значит именно в нем мы обретем определенные действенные формулы социальной ориентации для будущего национального устройства России. Если ельцинисты попускают определенным формам "фольклорной русскости" (балалайки, казацкие пляски, этнографические циклы о глубинке по телевизору и т.д.), значит истинные националисты должны подальше держаться от этих "подачек для этнической резервации" и, напротив, стремиться к выражению своих программ современным, концептуально адекватным языком. Строго говоря, еще никогда в истории русской нации мы не имели столь выразительного и содержательного врага, который сочетал бы в себе не только некоторые, но все черты последовательной, по-своему логичной, продуманной и радикальной русофобии. Остается только сожалеть, что эти враги находятся не где-то в стороне от нашего народа, но диктаторски правят им, говорят от его имени, распоряжаются его богатством, грабят и разоряют его земли, расхищают великое государство, организуют национальный геноцид, калечат юношество...

Хотя, кто знает, может быть именно такая бездна падения нации провиденциально должна предшествовать новому великому взлету русских к недосягаемым высотам Национального Неба.

Часть V. ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ЭРА СЕРБИИ

Вчера там царил конформизм...

Когда в последние десятилетия речь заходила о Югославии, сразу в сознании всплывала картина довольно обеспеченной европейской страны, чья политика представляла собой череду постыдных и малодушных компромиссов между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком. Система Тито сочетала в себе

типичный советский тяжеловесный конформизм и типичную западную обывательско-утилитарную психологию “рынка”. Классический югослав представлял собой идеальный тип фарцовщика par exellence, а югославская экономика основывалась на мелком и паразитарном шантаже Запада “советской угрозой”. Ведущая роль Белграда в Третьем мире также являлась лишь опосредущей инстанцией, лишь смягчающей западное и восточное давление. Наложение друг на друга идеологических, экономических и политических элементов “коммунистической” и “капиталистической” идеологий порождало лишь смешение и всеобъемлющий конформизм. Югославы в Европе и Америке приравнивались к слегка улучшенному варианту “турков-эммигрантов”. Одним словом, эта страна была стандартным и типовым образчиком “мондиалистского” общества, составленного из элементов как восточной, так и западной мондиалистской модели. Нонконформистские силы и течения, национальные и традиционалистские тенденции практически не давали о себе знать — все выходящее за рамки общепринятых клише либо воспринималось с западным безразличием, либо подавлялось с советской жестокостью. Казалось, Югославия — идеальная платформа для опыта конвергенции между капитализмом и социализмом, задуманной идеолагами мондиализма Киссенджером, Бжезинским и другими членами Бильдерберга и Трехсторонней комиссии в начале 70-х. Нации мирно спали. Дух и религия отождествлялись с формами профанической, чисто академической культуры. Казалось, ничто не предвещает взрыва или пробуждения. Казалось, Балканы прочно присоединились к фукуямовскому миру “Конца Истории” и не испытывают в нем никаких проблем. Качественные товары, красивые и аккуратные здания, американские инвестиции...

Сегодня — Национальная Революция

Разрушение Горбачевым Восточного лагеря разом взорвало исскуственный балканский “заповедник конвергенции”. Рухнула Восточная опора “Ялтинского мира”. И в этот момент здесь произошло нечто неожиданное. Вместо мирного и плавного вхождения в капиталистическую Европу, вместо окончательного сращивания с космополитической западной рыночной моделью —прививки которой югославы получили раньше других экс-социалистических стран — вместо уютного, хотя и второсортного места, в европейском содружестве ... буря национальной воли, взрыв этнический памяти, духовная революция, священная война, невероятный немыслимый подъем народного самосознания, наконец, прямой вызов, брошенный “Концу Истории”, Новому Мировому Порядку, всесильным властителям мировых финансов, грозному космически оснащенному Пентагону. За какие-нибудь два-три года пассивность сменяется активностью, сон — пробуждением, трусость — героизмом, глупость — пронзительным осознанием, бледная “культурность” — пожаром Духа. Как же это могло произойти? У истоков пробуждения Югославии или, точнее, народов экс-Югославии стоят три идеи — Нация, Религия, Свобода. Когда Словения заявила о своем отделении и присоединении к “благополучной Европе”, Белград (тогда еще отождествлявшийся с Югославией) прореагировал с типично “титовской” нелепой жестокостью. Но это еще ничего не значило. Далее, началось пробуждение Хорватии. Хорваты вспомнили о своей Нациальности, о своей Религии (католичестве) и потребовали Свободы. Жесткость и радикальность хорватов заставили сербов, проживавших в Краинах на территории Хорватии вспомнить о своей собственной Нации, Религии (православие) и потребовать свободы для себя и своего народа. Поспешное признание независимости Хорватии Западом и анти-русским правительством России означало начало сербско-хорватской войны — за Нацию, Религию, Свободу. Это было началом Сербской Национальной Революции, которая была Консервативной Революцией в полном смысле этого слова, так как ее конечнойц целью было возвращение к историческим национальным константам — к духу народа, к его Вере, к его героическому прошлому, к его особой кровавой и ослепительной Славянской Христианской Судьбе.

Если в отделяющуюся Словению были посланы еще югославские войска, то в Хорватии к войне пробудилсь сербы, сербский народ, сыны Великой Сербии, не имеющей никакого отношения ни к Тито, ни к коммунистам, ни к “капиталистическим” гастарбайтерам. Хорваты, созидая свою Национальную Революцию, геноцидом и чудовищными преступлениями над сербами, над сербскими женщинами и детьми затронули в сербской нации то, что лежит глубже всяких политических и экономических наслоений, что составляет сущность народной воли, национальной истории. Они коснулись сербского сердца и ... Народ восстал. Так на территории Хорватии появилось Сербское национальное государство, состоящее из Кринской Краины и Сербской Республикии Барании, Славонии и Западного Срема. Это была Война. Потом Вуковар. Потом Победа. Несколько позже тот же сценарий повторился в Боснии и Герцеговине. Боснийские мусульмане (49% всего населения республики) сделали свою революцию. Они выступили за этническую доминацию в республике “мусульманской нации” (сербов-богомилов, принявших ислам 500 лет назад во время турецкого завоевания), за ислам, как правящую религию, за свободу от “якобинской Югославии”. Боснийцы пробудили сербов, живущих в республике. Заставили их вспомнить об их национальном и религиозном “я”. И сербы поднялись на свою Революцию, на свою Священную Войну.

“Мы благодарны врагам”

Сегодня именно на Сербию и на сербов легла вся тяжесть мондиалистского террора, весь груз международных санкций, вся полнота карательного эмбарго и морального давления. Мондиалисты Запада и Востока видят именно в сербах врагов Нового Мирового Порядка, для которого все органичное, все духовное, все укорененное, имеющее свое лицо, свою историю, свою Волю и свою Силу, преставляет величайшую опасность, смертельный риск. И это не удивительно, так как современная Сербия воплощает в себе три компонента, которые прямо противоположны основополагающей идеологии НМП: Православие, верное чистоте христианской Веры, ориентация на Восток (на традиционную Россию, на вечную и надвременную Святую Русь) и социально-экономическая система, сохранившая в определенной мере приоретет социальной справедливости, здорового, национального социализма. Но при этом сами сербы прекрасно понимают, чем они обязаны своим врагам. Как это не парадаксально и трагично, но именно анти-сербский геноцид — жестокий, беспощадный, отчаянный — вывел нацию из состояния исторической амнезии, пробудил ее к Действию, к самоутверждению, к защите, к подвигу, а затем и к триумфу. Быть может особенно глубокий сон требует особо жестокого пробуждения. Сербские генералы и даже сербские епископы в Боснии на удивление часто повторяют эту трудную, но исполненную чистотой истинного Духа фразу: “мы благодарны своим врагам, за их бессердечие, за их фанатизм, за их ненависть. Так мы обретаем себя.” Это настоящее глубинное политическое ставновление или восстановление народа, как самостоятельного духовного организма. Знаменитый немецкий юрист и теретик права Карл Шмитт писал, что “истинная политика начинается с определения врагов и друзей, причем серьезность она приобретает только тогда, когда в отношении к врагам ставкой является жизнь”. Сербия входит в истинную политику, в с в о ю политику. И доказав свое право на Свободу и Волю в войне против врагов, “которым они благодарны”, все с большей ясностью видится вершителям сербской Национальной Революции их настоящий и абсолютный враг — Новый Мировой Порядок, циничные и жестокие планетарные инженеры мондиализма, передвигающие народы и государства как шашки на клетках пареллелей и меридианов. И к этому врагу — к США с их технотронным, космополитическим, рыночно-материалистическим Pax Americana — никто в Сербии благодарности не испытывает. И все больше и больше сербы начинают понимать, что этот абсолютный враг остался за кадром, скрылся за спиной хорватов и боснийских мусульман, увлеченных своей Консервативной Революцией. ... Один генерал в Сербской Республике Боснии и Герцеговины заявил недавно: “Мы готовы

к настоящей войне. Мусульмане и хорваты — это не серьезно. Мы ждем, когда сюда придут американцы. Мы маленький народы, но мы —православный, славянский народ. И мы умрем здесь все до единого, но этой священной земли творцам Нового Мирового Порядка не отдадим”.

Национальная Революция открывает истинное видение не только правителям, но и простым людям, воинам, созидателям, священникам, даже детям. Детям военной Сербии, одетым в защитные униформы и идущие в бой с отцами — за Веру, Нацию, Свободу и ... за Россию. Каждый ребенок в Сербии и Черногории знает поговорку: “Нас и русских 200 миллионов”. Говорят также, что в лунные и звездные ночи с вершин Черногии видно Москву...

Белый Ангел и Белые Орлы

Религиозный символ Сербии — Белый Ангел. Вечно у гроба Господня указует он мироносицам — “Гробница пуста”. Белый Ангел на фресках соборов, на иконах, на календарях и открытках. Белый Ангел — в сербских сердцах. Таинственно соединен он с сербской судьбой. Смысл его молчаливого жеста — “гробница пуста”! — вплетен в историю этого народа, которого “смерть” ведет к “истинной жизни”, который страдая, обретает силу, который, кажется, соткан не из плотной земной материи, а из полета огненных ангелов, из чистоты балканских потоков, из упругой вертикали горных стволов. Именно такими сербы открываются в момент национального пробуждения, в миг возврата к своей вечной национальной сузности, к Великой Сербии, лежащей империей по ту сторону времени. Белый Ангел проводит границу плоти, за которой начинается реальность Воскресения. Усташский геноцид Второй Мировой войны скрыл останки тысяч замученных сербов и сербок в глубоких шахтах. Конформист Тито предпочел не акцентировать подобные темы. Перед хорватско-сербской войной сербы отыскали останки жертв и захоронили их по православному обряду. Но хорватские нео-усташи Туджмана повторно уничтожили мертвых, взорвав могилы и надругавшись над сербским прахом. Сами сербы мрачно шутят: “Они боятся нас не только живых, но и мертвых”. “Гробница пуста”. Пустые гробницы, останки, жертвы, пытки, башни черепов, распятые младенцы, обесчещенные и садистски замученные женщины — грозные знаки, разбросанные по всему полотну сербского пути.

Часть VI. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

ЭКОНОМИКА ПРОТИВ ЭКОНОМИКИ

Ничто, пожалуй, не обсуждается в нашем обществе с такой страстностью и с таким пылом, как экономические проекты. В дискуссии различные стороны употребляют целые блоки экономических терминов, ссылаются на различные концепции, намекают на те или иные школы экономической мысли. Но если внимательно приглядеться к ходу этой полемики, сразу станет очевидно, что почти никто и никогда не говорит всерьез об экономических первопринципах, никто и никогда не удосуживается показать более или менее ясно весь спектр существующих альтернатив. За доминацией марксистского подхода во вчерашнем обществе, последовала доминация либерального подхода, хотя, на самом деле, либеральная, рыночная экономика является далеко не единственной альтернативой марксизму. Поэтому нам представляется совершенно необходимым сделать краткий обзор экономических проектов без всякой предвзятости, не стараясь никого убедить в своей правоте. Объективность в определенных обстоятельствах бывает красноречивее пропаганды.

Сразу оговорим, что в нашем исследовании мы будем в основном опираться на курс лекций по экономике, прочитанный в летнем университете ГРЕСЕ во Франции бельгийским социологом, политологом и экономистом Робером Стойкерсом. Это, однако,

отнюдь не означает, что мы не будем привлекать других источников, избегая при этом подробных цитат, чтобы не утяжелять и так довольно концентрированного текста.

“Метафора Часов”

Первые чисто экономические доктрины стали складываться в 18-ом веке, причем это происходило в интеллектуальном контексте философии “рационализма”. Заметим, что в это время “рациональным” считалось только то, что можно было описать в терминологии механических законов — “рациональное” и “объяснимое механическим образом” просто совпадало. Формулой, точнее всего определявшей эту эпоху, была знаменитая “метафора часов”, согласно которой вся Вселенная и все ее части, включая и человеческое общество, могут быть уподоблены часовому механизму. Особенно популярна эта метафора была в приложении к государству. Все части “механизма” были принципиально заменимы, их общее число строго известно, принцип и цель функционирования не вызывали никаких сомнений. Единственной проблемой, которая стояла перед “рационалистами”-”часовщиками”, была проблема наиболее эффективного и четкого функционирования “общества часового типа”. В постоянном усовершенствовании “социального механизма” состояла задача людей прогресса, оптимистов и инженеров.
Социальный рационализм нашел свое наиболее полное выражение в трудах таких философов, как Джон Локк и Бернар де Мандевилль. Два этих мыслителя фактически сформулировали такое представление о человеке, в котором он представляет собой тип чистого эгоиста, лишенного качественной традиционной, исторической и национальной памяти, не связанного никакими органическими и естественнами узами с общественной стихией и действующего лишь для удовлетворения своих индивидуалистических и чисто меркантильных запросов. Индивидуум Локка и Мандевиля был некоей “вещью в себе”, центральной и основной фигурой социальной реальности, не имеющей ни над собой, ни рядом с собой никаких высших сверхиндивидуальных или просто внеиндивидуальных ценностей. Общество мыслилось этими философами как простое и механическое суммирование “эгоистических индивидуумов”, не имеющее поэтому никаких особых качественных и самостоятельных характеристик. “Метафора часов” применима к обществу в полной мере. Общество мыслится как составной механизм, как агрегат, как искусственная конструкция, состоящая из атомарных, автономных и дискретных частей — “эгоистических индивидуумов” в погоне за личным благосостоянием.

Как бы далеко современные западные либеральные теоретики ни ушли от примитивной откровенности Локка и Мандевиля, за всеми утонченными построениями скрывается именно эта убежденность, именно такое понимание природы общества и индивидуума, именно этот “инженерский оптимизм”, составляющие совокупно основы либерального миовоззрения, либеральной идеологии.

Отец классической либеральной экономической теории Адам Смит был учеником именно этих философов, и практически все его чисто экономические построения основываются на “механическом” понимании общества, на “метафоре часов”, на убежденности в совершенной автономности индивидуума и уверенности, что главным мотивом всех его социальных действий является стремление к удовлетворению своих личных потребностей, стремление к потреблению.

Когда сторонники либеральной модели экономики утверждают, будто они стоят вне идеологии, что их интересуют только чисто экономические аспекты, они сознательно или бессознательно скрывают тот факт, что теориям либеральной экономики с необходимостью предшествуют теории философии либерализма, утверждающие в центре своей сугубо философской системы тот или иной тип человека, то или иное понимание человеческих мотивов в социальной и экономической сфере. “Метафора часов” лежит в основе экономического либерализма как ее философское, идейное и почти “метафизическое” обоснование. Для всякого серьезного обсуждения той или иной

экономической модели просто необходимо учитывать философскую и идеологическую подоплеку, формирующую в дальнейшем логику сугубо экономических утверждений.

“Метафора дерева”

Уже в эпоху рационализма, однако, возникла интеллектуальная и философская оппозиция “метафоре часов”, т.е. представлению о человеке и обществе как сугубо механических, автономных и чисто количественных категориях. Ярче всего противоположная тенденция проявилась у Канта, Гете (в “Учении о красках”), Кольриджа и немецких романтиков. “Метафоре часов” они противоставляли “метафору дерева”, утверждая, что и человек и общество суть явления органические, а не механические, что они отнюдь не полностью описываются с помощью эгоистических, материальных параметров, что существует множество других “трансцендентных”, сверхиндивидуальных и сверхэгоистических факторов, которые не только оказывают огромное воздействие на субъекта, но подчас становятся решающими даже в вопросе экономического выбора. Романтики исходили из убежденности в невозможности произвольно менять общественные и государственные формы и структуры, как детали неживого механизма. Они полагали, что общество и индивидуум обусловлены множеством исторических, национальных, культурных, географических и т.д. факторов, которые являются качественными параметрами и заменить которые так же невозможно, как променять листья дерева или его кору.

“Метафора дерева” как общее выражение особой органической идеологии легла в основу всех экономических проектов, противоположных либеральным моделям. Поэтому можно утверждать, что за экономическими спорами почти всегда стоят сугубо идеологические противоречия, смысл которых в самом общем приближении можно свести к противостоянию “метафоры часов” “метафоре дерева”. Как это ни странно, но и в сегодняшнем мире, определяя пути нашего экономического развития, мы, в сущности, сталкиваемся с тем же самым выбором, что и философы, жившие двести лет назад.

Ортодоксы и еретики

Линия экономической науки, намеченная Адамом Смитом, линия экономического либерализма стала основной и доминирующей экономической моделью западного общества в последние двести лет. Таким образом, на практике “метафора часов” фактически одержала полную побуду и стала неоспоримой догмой капиталистической Системы. Однако современные либеральные экономисты признают еще две “ортодоксальные” модели, несколько отличные, но основывающиеся на той же самой идеологической базе — на “метафоре часов”. Этими двумя другими признанными направлениями экономической науки либералы считают марксизм и доктрину Кейнса, синтетически обобщающую классический либерализм и классический марксизм. Итак, “метафора часов” породила три основных течения в экономической теории, которые принято называть “ортодоксальными”:

1) классический либерализм (Адам Смит) 2) марксизм 3)”кейнсианство”, доктрину Кейнса

Какими бы различными ни были подходы этих трех ортодоксальных школ, имеющих, кроме того, множество частных вариаций, все они исходят из редукционистского, механистического отношения к индивидууму и обществу, все они оперируют с социально-экономическими абстракциями, лишенными качества, вынесенными за рамки конкретного контекста. Именно упрощенность и механический редукционизм классических экономических схем делает их столь популярными — ведь для того, чтобы понять их логику и разобраться в функционировании экономики рыночного типа, в либеральной экономике, не следует изучать никаких особых исторических, традиционных или национальных контекстов. Все здесь предельно упрощенно и стандартизировано. Все части “общества потребления” принципиально заменимы, все мотивы действий его членов кристалльно ясны, все нюансы поведения

заведомо исчислены, предопределены и очевидны. Общество, основанное на "ортодоксальных" экономических моделях — не важно либеральных, марксистских или "кейнесианских", — является наиболее простым в управлении и наиболее приспособленным для экспорта. А тот факт, что установление либеральной системы кладет конец особой неповторимой Истории народов, этносов, государств, наций или отдельных людей, не заботит экономических "ортодоксов". Для них Истории не существует, "часы" не имеют личности, они имеют только различные модели, существование или несуществование которых определяется только их эффективностью и техническим совершенством (а также простотой в обращении).

"Метафора дерева" была не только философской оппозицией рационализму. Она предопределила и альтернативные экономические теории, которые совокупно называют сегодня "неортодоксальными экономическими проектами", а иногда презрительно — "еретическими доктринами". Несмотря на то, что эти экономические доктрины представляют собой как бы "экономическую оппозицию", противостоящую в целом "ортодоксальному" подходу, они отнюдь не являются несостоятельными или химерическими проектами. Напротив, "неортодксальные" экономические теории составляют целую науку, обоснованную и полноценную, имеющую свои догмы, свои доктрины, свои интеллектуальные разработки, и даже различные конкурирующие между собой школы. Строго говоря, "неортодоксальная" экономика представляет собой фланг идеологической борьбы, которая намного превосходит чисто экономический уровень и является отражением высших идеологических сфер.

Этапы развития либеральной доктрины

В 19-ом веке после Рикардо, чья доктрина — как и доктрина Дж. Сэя — стоит несколько в стороне от магистрального курса экономического либерализма, линия Адама Смита была продолжена, в первую очередь, теоретиками Венской школы, которые развили классические теории в гипер-индивидуалистическом ключе, выступая за ничем не ограниченный рынок, вплоть до отрицания целесообразности всех социально-политических институтов вообще. Некоторые предельные выводы теоретиков Венской школы — в частности, отрицание государства — поразительно напоминают идеи Маркса и его последователей, хотя пути, по которым либералы и коммунисты пришли к одинаковым результатам, весьма различны. Это совпадение, однако, не случайно, оставаясь в рамках "ортодоксальной" экономики, и либералы и Маркс с необходимостью имели дело с различными вариациями "метафоры часов", т.е. сугубо материалистического, индивидуалистического и эгоистического понимания общества как чисто экономической реальности. Критика капитализма Марксом, несмотря на всю ее суровость, не ставила под сомнение превосходство чисто материальных аспектов жизни надо всеми остальными, и отношение Маркса к человеку было таким же количественным, механистическим и "техническим," как и у классических либералов. — Маркс, так же как и последние, отрицал историческую, национальную, государственную, духовную специфику народов и наций; его коммунистический идеал отрицал всякие качественные различия, предполагал отмирание расовой и этнической специфики, наставивал на полной гомогенизацуии, космополитизации общества. Именно в силу принципиального согласия с основными экономическими постулатами либеральной идеологии, теоретики экономического либерализма и включают концепции Маркса в число "ортодоксальных".

От Венской школы магистральная линия либеральной мысли идет к таким экономистам, как Бем-Баверк и Менгер. Эту линию можно определить как "методологический индивидуализм". Представители этого направления стремились доказать, что индивидуум в своей социальной роли не должен руководствоваться ничем, кроме личной "воли к потреблению", а все остальные мотивы деятельности они стремились вынести за скобки. Учениками Бем-Баверка были такие экономисты, как фон

Мизес и Хайек. Несколько отличной от них была Лозанская школа Валраса и Парето, разработавшая, в частности, важную для современной либеральной теории концепцию “экономического равновесия” рынка. И наконец, наиболее современной версией либеральной теории являются разработки американца Фридманна и его группы Чикаго бойз, а также макро-концепции француза Жака Аттали.

Современное западное общество — особенно США и северно-европейские страны — почти полностью воплотили в жизнь классические экономические модели, основанные на теориях либерализма, но, одновременно, с учетом концепций Маркса, и особенно английского экономиста Кейнса. Намеченное на ближайшее время объединение Европы должно окончательно реализовать либеральную идею единого и гомогенного экономического пространства, лишенного государственных и национальных границ. Не так далека эта либеральная идиллия и от некоторых сторон коммунизма Маркса.

История альтернативной экономической теории

Основателями альтернативной, “неортодоксальной” экономики были Фридрих Лист и Жан Сисмонди. Особенно показателен в нашем контексте именно немецкий теоретик Лист, разработавший концепцию “протекционизма” и обосновавший необходимость участия государства в экономической деятельности. Лист в философском контексте был прямым последователем немецкого философа-идеалиста Фихте, и поэтому можно сказать, что доктрина Фридриха Листа была экономическим воплощением идеального, “трансцендентного”, сверх-индивидуалистического понимания человека и общества. Лист был антиподом Адама Смита, который являлся выразителем философского “индивидуализма” и “механического рационализма” Локка.

Концепции Листа и Сисмонди в значительной степени предопределили концепции Немецкой Исторической Школы, которая в 19-ом веке была синонимом всей “неортодоксальной” альтернативной экономической теории, так как в ней нашли свое выражение почти все аспекты органического, исторического, качественного, идеального и традиционного подхода к человеку и обществу. Немецкая Историческая Школа началась с публикации в 1843 году “Очерка” Вильгельма Рошера, в котором содержалась развернутая и аргументированная критика либерального подхода. Рошер, а позднее его последователи, отказывались считать индивидуума главной и центральной фигурой экономической реальности. Они настаивали на главенстве исторических, национальных, государственных и религиозных факторов при рассмотрении экономической структуры общества, и считали, что общество, будучи определенным скорее историческими, чем материально-потребительскими характеристиками, должно рассматриваться как органическое единство, как организм, как динамическое и живое существо, а не как механическая конструкция, созданная из автономных и самодостаточных индивидуумов-потребителей. Немецкая Историческая Школа считала, что “народ”, Volk, является самостоятельной и недробимой социальной и даже экономической величиной, и что государство должно считаться, в первую очередь, не с волей индивидуума, а с волей народа.

За публикациями Рошера следуют книги Бруно Хильдербрандта и Карла Книса, которые развивают темы органической экономики и еще более радикализируют важность национального и народного фактора. Но самой яркой фигурой 19-го века в сфере альтерантивной экономики был, без сомнения, Густав Шмоллер, глава Младо-Исторической Школы, возникшей в 1870 году. Шмоллер подверг резкой критике сами принципы экономического либерализма, особенно подчеркивая при этом несостоятельность механицистских упрощений в концепциях Локка и Адама Смита. Шмоллер разоблачал подмену, заключенную в утверждении либералов о том, что основным мотивом человеческой деятельности является эгоизм. Шмоллер прекрасно показал, что в случае либеральных экономических теорий мы имеем дело не только с

отдельной наукой — экономикой — но и с особой идеологией, которую он назвал “экономизмом”. Фактически Шмоллер впервые ясно показал, что экономические теории суть не что иное, как приложение “метафоры часов” или “метафоры дерева” к экономической сфере, и что, следовательно, экономическая наука не может претендовать на статус автономной и изолированной дисциплины, совершенно не зависимой от других политических, философских и религиозных доктрин.

Теории Шмоллера были развиты позднее знаменитыми немецкими философами, экономистами и социологами Максом Вебером и Вернером Зомбартом. Вебер, в частности, аргументированно и подробно показал логику происхождения капиталистической экономики из “духа” протестантизма как религиозно-мистического феномена, окончательно доказав тем самым “неэкономическую” природу экономического мировоззрения, “экономизма. Идеи Вебера и Зомбарта были восприняты позже австрийским “неортодоксальным” экономистом Иозефом Шумпетером, который разработал особую синтетическую модель, в которой использовал определенные прикладные элементы либеральных теорий. Шумпетер, однако, оставался стороннком именно “еретиком”, так как его задачей было поставить элементы либеральных моделей Венской и Лозанской школ на службу “альтернативной”, нелиберальной экономике. После Вебера и Зомбарта, — развивших собственно социологический подход, который рассматривал экономические проблемы в глобальном контексте общества, понятого как некое органическое, историческое и духовное единство, не поддающееся анатомическому расчленению, — “альтернативная” экономика отличалась от “ортодоксального” классического либерального подхода еще и тем, что обязательно применяла социологический метод наряду с чисто экономическим анализом.

Социологический подход к экономическим проблемам был характерен также для Торстейна Веблена, который вообще предложил отказаться от концепции “homo economicus”(“человека экономического”), — центральной концепции всех либеральных и марксистских экономических доктрин — и начать использовать исключительно концепцию “homo sociologicus”(“человека социологического”).

Теории Веблена в значительной степени повлияли на известного экономиста Джона Кеннета Гэлбрейта, который, хотя и не может быть до конца причислен к “неортодоксальной” линии экономистов, все же предельно далек и от классических школ. Доктрина Гэлбрейта находится на границе между “кейнесианством” и социо-экономическими теориями Веблена. Гэлбрейт разоблачил различные формы мистификации, используемые в современном капиталистическом обществе, показал, что за иллюзией верховенства потребительских интересов стоит на самом деле жесткая и отчужденная воля “техноструктуры”, диктующая индивидуумам, что и сколько потреблять. Концепции Гэлбрейта были использованы многими критиками современного капиталистического общества — Роже Гароди, Анри Лефевром, Гийомом Файем и т.д.

Наконец, наиболее выдающимся представителем альтерантивной экономической мысли можно назвать ученика Шумпетера француза Франсуа Перру, который провел титаническую работу по исследованию динамики социальных систем с учетом комплексных экономических, политических и исторических факторов. Концепция Перру получила название “теории динамики структур”. Перру блестяще показал, что в реальной жизни примат политики над экономикой не только полезен, но и неизбежен, а кроме того, что он всегда существует, независимо от того признает ли это данная власть или нет. Перру детально разобрал аргументацию неолибералов, вскрыв ее несостоятельность и нелогичность на чисто логическом и теоретическом уровне. Франсуа Перру не только проанализировал современную экономическую ситуацию, отбросив упрощенческую оптику “метафоры часов”, но и наметил с позиций альтернативной экономики перспективы нелиберального развития, предсказал скорый и катастрофический кризис всей либеральной экономической системы. В работах Перру много места отведено экологическим и биологическим факторам, а также гео-политическим и этническим

категориям, чье влияние, согласно "неортодоксальной" экономической теории, подчас является не только чрезвычайнго важным, но и решающим.

Выбор Дерева

Мы в самых общих чертах обрисовали контуры двух экономических подходов, каждый из которых имеет множество вариантов, ньюансов, разновидностей, типов и т.д. Нам хотелось подчеркнуть две вещи:

1) Во-первых, экономические доктрины являются отражением философских теорий, приложением некоторых общих интеллектуальных и духовных принципов к экономическому уровню общества, а не являются самостоятельными и автономными дисциплинами, наделенными автономной логикой. Поэтому за выбором той или иной экономической модели неявно скрыт более глубокий, чисто метафизический выбор — выбор между "метафорой часов" и "метафорой дерева", между "живым" и "неживым" космосом, между пониманием "человека" как цели всех вещей и пониманием человека как средства для чего-то более великого, более духовного и более возвышенного чем он сам.

2) Во-вторых, альтернативная "неортодоксальная" экономика не является анархическим и нигилистическим, отвлеченно романтическим утопизмом, чья критика либерализма безответственна и чьи теории заведомо маргинальны. Нет, традиция альтернативной экономики является интеллектуально полноценной, она имеет множество исторических школ и среди ее представителей есть гениальные и в высшей степени серьезные ученые, социологи, экономисты, философы и т.д., чей авторитет не смеют оспаривать даже их либеральные и "ортодоксальные" противники.

Сегодня мы все чаще слышим высказывание: "к экономике надо подходить только с экономическими мерками". Это казалось бы очевидное, даже тавтологическое высказывание, на самом деле является абсолютной ложью. Экономика — это продолжение политики, идеологии, даже в том случае, если это на словах отрицается. И более того, те, кто выбирают "метафору часов" очень не любят признавать это и во всеуслышание заявлять о своем выборе. Это особенно характерно для тех обществ, где индивидуализм является довольно случайным и исключительным явлением (а именно так обстоит дело с русским обществом), и поэтому откровенность либералов вполне вероятно может окончиться их полным неприятием и отторжением. Но все же это не дает им никакого права на ложь. К экономике надо подходить только с политическими и идеологическими мерками. Экономика — это сфера глобального противостояния, равно как и все другие уровни общественной и политической жизни. Здесь, как и везде, выбор конечной цели определяется с чисто духовных или анти-духовных позиций.

В заключение хочется сказать всем тем, кто интуитивно или сознательно выбирает "метафору дерева", — всем "нашим": у нас есть стройная и продуманная экономическая доктрина свободная как от марксистской, так и либерально-капиталистической догматики. Альтернативная, "неортодоксальная" экономика — это прекарсно работающая модель, как показали те исключительные периоды европейской истории — и особенно истории Германии, Италии, Испании, Португалии и т.д. — когда элементы альтернативной экономики удавалось хотя бы частично реализовывать на практике. Пора ясно сказать нашим противаникам — мы не мечтатели, наши доктрины реалистичны и продуманны, а если они все ориентированы, в первую очередь, на дух, на жизнь, на великие идеалы церкви, народа, нации, государства и справедливости, то это отнюдь не означает, что это химеры или несбыточные фантазии. Каждый, кто выбирает Дерево, символически выбирает Древо Жизни, Ось Мира, Сакральный Полюс Бытия.

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТОЛОГИЮ

(Кратчайший курс)

В настоящее время наше общество вступило в особый период острого политического противостояния, когда необходимо прийти, наконец, к более или менее однозначным определениям относительно таких фундаментальных понятий, как "правые", "левые", "демократия", "либерализм" и т.д. Путаница в политических определениях сегодня столь велика, что постоянно складываются парадоксальные ситуации, когда коммунисты попадают в число "правых", а "демократы" - в число "фашистов" и т.д. Какими бы специфическими ни были наши политические условия, все же в этих определениях существует довольно однозначная логика, являющаяся универсальной как для зарубежных государств, так и для нашей страны. Попытаемся прояснить некоторые аспекты "идеальной" политической картины и найти им соответствия в нашей политической жизни.

"Правые" и "левые"

В отношении деления политических сил на "правые" и "левые" путаница существует не только у нас, но и в западном мире. Причина этой путаницы в том, что "правых" и "левых" можно определять в двух довольно различных сферах - в сфере политико-культурной и в сфере экономической. Часто "правые" и "левые " в экономическом смысле отнюдь не совпадают с "правыми" и "левыми" в политико-культурном смысле. Это и ведет подчас к парадоксальным ситуациям и вульгарной путанице.

На культурно-политическом уровне "правыми" являются те силы и партии, которые настаивают на сохранении национальных, политических и государственных традиций, свойственных конкретному народу, конкретному обществу. " Правые", таким образом, совпадают с консерваторами в культурно-политическом смысле. "Правые" отстаивают преемственность прошлому, считают необходимым любой ценой сохранить самобытность и идентичность той исторической общины, от лица которой они выступают - будь то государство, нация, этнос или политическая система. Перед Октябрьской революцией классическими "правыми" были монархисты, сторонники православного государства и противники привнесения в Россию чуждых ее истории западных культурно-политических ценностей. В этом смысле "правыми " можно было бы назвать и коммунистов-консерваторов периода перестройки, которые настаивали на сохранении советских государственно-политических традиций вопреки " западнической" ориентации радикальных реформаторов.

"Левыми" на том же культурно-политическом уровне будут те движения и их идеологи, которые, напротив, стремятся уйти от национальных, политических и государственных традиций, чтобы организовать общественно-культурный строй на совершенно новых, небывалых основаниях, скопированных где-то в другом месте или просто придуманных. Причем, эти "левые" политико-культурные проекты преобразований часто строятся на отрицании правых традиционных принципов. Если у "правых" во главе угла стоит сохранение старого, то "левые" стремятся это старое уничтожить, сломать; если "правые" хотят обеспечить своей нации самобытность и историческую преемственность с поколениями предков, то "левые" настаивают на отказе от этой самобытности, на смешении и переделке всех национальных, социальных, религиозных и идеологических устоев и т.д. В этой сфере "левые" - всегда ориентированы на снятие, размывание или даже разрушение тех естественных исторических границ, которые

составляют неповторимость каждого народа и каждого государства. У истоков "левых" политических учений всегда лежит желание "универсализма", желание уравнять все политико-социальные проявления наций, привести их к общему знаменателю.

Если мы перейдем к чисто экономическому уровню, мы увидим, что здесь существуют совершенно иные определения. "Правыми" в сфере экономики называют те партии, которые стоят за полное превосходство частной собственности и принципа частного владения над собственностью коллективной - государственной, национальной, общинной, профсоюзной, семейной и т.д. Самым полным выражением "правой" экономической доктрины является лозунг "абсолютно свободного планетарного рынка", законы которого не знали бы ни государственных, ни национальных, ни религиозных границ. Именно такое социальное устройство виделось как идеал для отцов-основателей "либерализма" от Адама Смита до фон Хайека и Милтона Фридмана. Лозунгом всех экономических "правых" всегда было слово "приватизация".

Экономические "левые" прямо противоположны экономическим "правым". Здесь "левые" ратуют за превосходство различных коллективных форм собственности над частными. Причем, формы эти могут весьма различаться - от анархистских проектов примата сельско-общинной и профсоюзной собственности до общенациональной или государственной собственности некоторых тоталитарных режимов социалистического типа. Как бы то ни было, "левые" всегда стоят за "обобществление", "национализацию", "коллективизацию" и т.д.

Итак, мы получили не двухполюсную схему -"правые"- "левые", а четырехполюсную, где определение специфики каждой идеологии происходит в соответствии с ее предпочтением отдельно в сфере политико-культурной и в сфере экономической. Таким образом, теоретически мы можем себе представить все четыре варианта сочетания терминов "правые" и "левые" на политико-культурном и экономическом уровнях. Именно такое положение дел мы встречаем и в реальной политической картине обществ. Приведем несколько примеров.

Национальный Фронт Ле Пена Франции и крайний фланг американских республиканцев представляют собой классическое сочетание "правых" на культурно-политическом уровне с "правыми" на экономическом уровне. Эти политические партии стоят, с одной стороны, за укрепление национальных, культурных и государственных традиций своих народов, а с другой - настаивают на максимальной степени приватизации всех сфер экономической деятельности вплоть до военно-промышленного комплекса. Такие "дважды правые" существовали и в предреволюционной России.
Сочетание "правых" политико-культурных тенденций с "левыми" экономическими тезисами мы находим у итальянских фашистов и германских национал-социалистов. По меньшей мере, так обстояло дело в их программных документах, где подчеркивалось, что эти движения стоят за сохранение политических и национальных традиций, с одной стороны, но за радикальные экономические перемены, включающие в себя национализацию и огосударствление многих экономических секторов, с другой. В фашизме "коллективизация" проходила на "корпоративном", "профсоюзном" уровне, а в национал-социализме - на государственном.

"Левые" ценности в культуре и "правые" ("рыночные", "частнособственнические") в экономике сочетаются в доктринах классического либерализма. Умеренные республиканцы США и право -центристы Франции являются классическим примером этой идеологии. Русские предреволюционные либералы и либерал-демократы принадлежали именно к этой категории - они настаивали на отмене православно-

монархических и национальных традиций русского государства и на принятии "общечеловеческих", ценностей "цивилизованного мира" (т.е. "либерально-демократического Запада"), но одновременно, были радикальными сторонниками частной собственности и, более того, ратовали за развитие ничем не ограниченного рынка.

И наконец, сочетание "левых" экономических тенденций с "левой" политико-культурной ориентаций мы находим у ортодоксальных марксистов, а в еще большей степени у левых анархистов. И те и другие предполагали отмену всех традиционных национально-политических институтов с одновременной "социализацией" и "коллективизацией" всех форм частной собственности. Классическим в этом смысле может являться тип "коммуниста-интернационалиста".

Если мы внимательно проанализируем эту четверичную схему, все видимые противоречия в позициях и самоопределениях политических сил нашего общества станут вполне объяснимыми и кристально ясными.

"Правые" и "левые" в период "ельцинизма" в России

К какой идеологической категории отнести правящую сегодня в России политическую группу? Какое место в идеологическом раскладе отводится объединенной оппозиции? Попытаемся в самых общих чертах обрисовать эту картину.

Совершенно очевидно, что те силы, которые пришли к власти в России после августа 1991 года, и которые условно (и неправомочно, как мы покажем в дальнейшем) принято называть "демократами", идеологически принадлежат к "правым" в экономической сфере и к "левым" в сфере культурно-политической. В соответствии с вышеприведенными определениями, очевидно, что "ельцинисты" выступают однозначно против того политического, социального и культурного устройства которое, существовало в России последние 70 лет. Но не только "традиции" социалистического периода отвергают " ельцинисты", им также совершенно чужды те монархо-православные тенденции, которые доминировали в предреволюционной России. "Западничество" сегодняшних реформаторов противоположно национальной ориентированности как советского, так и царского периодов русской истории. (Здесь следует сделать оговорку: национальная ориентация Советской России выражалась не столько этнически, сколько геополитически и идеологически - в форме противостояния восточного социалистического блока западному капиталистическому.) С другой стороны, они ратуют за немедленную "приватизацию", "частную собственность", "свободный рынок" и т.д., что подчеркивает их принадлежность к экономическим "правым". Именно сходство экономических воззрений лежит в основе бытовавшего в свое время во Франции определения Ельцина как "русского Ле Пена", а также в основе странной, на первый взгляд, поддержке крайнеправым Дмитрием Васильевым Ельцина на референдуме. Безусловно, здесь возможны и нюансы. Наиболее "правые" в культурно-политической области (а точнее, наименее "левые") "ельцинисты" (Станкевич, Румянцев и т.д.) не столь резки в космополитических выражениях и подчас допускают определенные умеренные "национальные" мотивы в своих выступлениях и программах. С другой стороны, некоторые "ельцинисты", экономически тяготеющие "влево" (до недавнего времени к таким принадлежали Вольский, Руцкой, Хасбулатов и т. д.), настаивали на ограничении "рынка" и процесса "приватизации", т.е. были менее "правыми" в сфере экономики, чем остальные. И наконец, крайний и наиболее последовательный "ельцинизм" (Шахрай, Бурбулис, Попов, Гайдар, Шумейко и т.д.) идеологически означает сочетание радикального западничества и предельной русофобии с ненавистью ко всем проявлениям социализма или коллективизма в экономике.

В оппозиции дело обстоит несколько сложнее. В нее по логике отрицания попали все три оставшиеся идеологические возможности сочетания "правых" и "левых" на экономическом и культурно-политическом уровнях. Во-первых, одна часть оппозиции строго и жестко придерживается "левой" экономической и "левой" же политико-культурной ориентации. Это проявляется в крайних коммунистических организациях типа РКРП, ВКП(б), Союза Коммунистов и т.д. Однако и здесь есть определенный нюанс: выступая за "социалистический интернационализм", эти партии и движения отстаивают не абстрактную утопическую догму, но тот конкретный тип социалистического советского общества, который исторически возник и развился в конкретной стране на конкретной национальной основе. Кроме того, эти силы являются политически не совсем "левыми" хотя бы уже потому, что они защищают такую государственную структуру, которая имеет за собой определенный исторический период, что позволяет рассмотреть ее хотя бы отчасти как "традиционную". Значит, в культурно-политической сфере неокоммунисты имеют определенный "консервативный" компонент. Именно поэтому их иногда относят к числу "национал-большевиков". В отношении "сталинистов" это еще более верно, так как имя Сталина ассоциируется не столько с новаторской марксистской доктриной, сколько с построением гигантского централистского государства и созданием мощного автаркийного геополитического блока. Естественно, что эту часть оппозиции более всего не устраивает "правая", "антисоциалистическая" тенденция в экономических взглядах ельцинистов.

Другая часть оппозиции представляет собой сочетание "правых" воззрений в культурно-политическом смысле и "правых" же экономических теорий. Это - классические православно-монархические элементы оппозиции, представленные в Христианско-патриотическом Союзе Владимира Осипова, в Русской Партии, во многочисленных "крайне правых" группах и кружках. Справедливости ради надо заметить, что для этой категории "правые" тенденции в экономике не являются чем-то особенно важным и проработанным. Основной акцент здесь делается на культурно-политической и национально-религиозной сферах. Лишь в идеях Игоря Шафаревича, безусловно принадлежащего к этой части оппозиции, проявляются последовательный "антисоциализм" и позитивная оценка некоторых (ранних) стадий капитализма. Ельцинизм не приемлем для таких движений за счет его русофобской, "левой", "западнической" ориентации.

И наконец, третья часть оппозиции (быть может, наиболее многочисленная) сочетает "правые" культурно-политические концепции с "левыми" экономическими воззрениями. Именно эта категория является идеологически самой непримиримой по отношению к ельцинизму, так как здесь сочетание "правых" и "левых" элементов идеологии прямо противоположно по отношению к правящей идеологии. Именно этот сектор оппозиции обозленные ельцинисты окрестили "красно-коричневыми", хотя совершенно очевидно, что этот термин вполне применим и к самим "либерал-демократам", которые являются "красными" в культурно-политической области и "коричневыми" в области экономики. У радикальной оппозиции "красный" и "коричневый" цвета лишь распределяются обратным образом. Несмотря на типологическую близость подобного сочетания к историческим прецедентам "фашистского" типа эта часть оппозиции не приемлет подобного отождествления в силу еще свежего в памяти кровавого противостояния России государствам "фашистского" типа во Второй мировой войне. А если сами люди не называют себя "фашистами", и, тем более, если они с негодованием отвергают такое название, то его использование является неприемлемым и кощунственным, особенно со стороны их противников. (Даже такой видный сионист, как Жаботинский, основатель Бейтара, однажды сказал: "Евреи, бросьте

повсюду искать антисемитов! Антисемитом является только тот, кто сам об этом заявляет во всеуслышание. Но и таких, увы, предостаточно. Тот, кто отказывается от такого самоназвания, антисемитом не является.") Те же, кто заявляют о своей приверженности к "русскому фашизму" среди этого блока оппозиции, составляют сегодня незначительное меньшинство.

Именно среди третьей категории оппозиции -"левой" экономически и "правой" политически - ненависть к ельцинизму проявляется ярче всего, так как в данном случае между властью и оппозицией нет точек соприкосновения ни в одной из идеологических сфер.

Итак, четырехполюсная схема политических и экономических тенденций позволила нам обрисовать ясную картину расклада политических сил в нашем обществе и объяснить некоторые парадоксы и неясности. В такой перспективе становится совершенно понятными проельцинистские симпатии "Памяти" (близость экономически "правых" концепций) и соглашательская позиция социал-демократического крыла Компартии (близость культурно-политических "левых" тенденций). С другой стороны, случайное, на первый взгляд, сочетание "правых" и "левых" элементов у самых радикальных и непримиримых антиельцинистов из право-левой оппозиции, ФНС и "Дня", становится вполне логичным, оправданным и закономерным.

"Либералы" и "демократы"

Теперь обратимся к концепциям "демократии" и "либерализма", которые наделены сегодня не менее двусмысленным значением, нежели термины "правые" и "левые". В принципе, эти термины не только не являются синонимами, но, напротив, в тех обществах, где политические нюансы более выявлены и акцентированы, "либералы" и "демократы" определяют две противоположные социально-политические позиции.

Термин "либерал" (от латинского "liber" - свободный) почти точно соответствует той идеологии, которая является сочетанием "левых" культурно-политических воззрений и "правых" экономических концепций. "Либерализм" как политическое учение объемлет сразу два этих уровня - политический и экономический. "Либерал" в экономике - это радикальный сторонник рынка, защитник принципа "экономической свободы", принципа "laissez faire" (по-французски - "предоставьте свободу делать все, что угодно"). Эта "свобода" понимается либеральной идеологией именно как "свобода частного, индивидуального предпринимательства", как "свобода индивидуума в стихии рынка". При этом все формы социального, национального или государственного контроля за "свободой индивидуума" считаются злом, которое рано или поздно следует преодолеть. В политике "либерал" также стоит за "свободу индивидуума", которая не должна ограничиваться никакими внеиндивидуальными или сверхиндивидуальными принципами - ни интересами нации, ни общества, ни религиозной или государственной организации. Центральная фигура всех "либеральных" доктрин и концепций - это "человек", "индивидуум", "человеческий факт" и "человеческий фактор", причем этот "индивидуум" рассматривается как нечто универсальное, не зависящее ни от исторических, ни от расовых, ни от религиозных особенностей. Для "либерального" взгляда все люди, в сущности, как и их мотивы, одинаковы, а если на практике это и не так, то за это ответственны "архаические", "реакционные" стороны общественного бытия, досадно ограничивающие "свободу индивидуума".

"Демократия" означает, в принципе, нечто совершенно отличное от "либерализма". Сам термин предполагает обращение не к "индивидууму", но к "народу" ("демос"), а

значит, речь здесь идет о некотором коллективном начале. "Народ" и "народовластие" могут предполагать самые различные идеологические и политические формы социального устройства - это во многом зависит от истории, склада, характера, темперамента и традиций данного конкретного народа. В определенном случае "демократия" предполагает иерархию и даже единоначалие, в других случаях речь идет о коллективном руководстве. Иногда "демократическим" может быть такое устройство общества, при котором преобладает частная собственность, иногда - коллективная или даже общегосударственная. "Демократические" учения не являются столь универсалистскими и однозначными, как "либеральные" доктрины, так как само понятие "народ" гораздо сложнее понятия "индивидуум".

В американской политической реальности "демократы" (Кеннеди, Картер, Клинтон), к примеру, ассоциируются, в первую очередь, с "левыми" экономическими тенденциями - с идеей "социальной защищенности", "ограничения приватизации и частного сектора" и т.д. "Либералы", как правило, напротив, отождествляются с "республиканцами" (Рейган, Буш), экономическими "правыми", сторонниками "приватизации", "свободного рынка" и т.д. Для нюансированного политического пейзажа США "демократы" - это почти "коммунисты", а "либерал"-"республиканцы" - почти "фашисты". Это, конечно, экстремальные ярлыки, так как общая атмосфера американской политики выдержана в духе именно "либеральных" (но не "демократических"!) догм, но как бы то ни было именно в "демократическом" лагере подчас встречаются наиболее далекие отступления от "либеральной" идеологии американского общества.

В целом те западные общества, которые принято называть " демократиями" или "демократическими" странами, на самом деле, точнее определяются как "либеральные" общества или как общества, где правящей является "демократия либерального, индивидуалистического типа". Причем эти общества подчас категорически противостоят другим, "нелиберальным", формам демократии, - "национальной демократии", "народной демократии", "государственной демократии", "этнической демократии", "религиозной демократии" и т.д. - что еще раз подчеркивает именно доминацию "либеральных" и отнюдь не "демократических" критериев как основополагающих для определения этих обществ.

"Либералы" и "демократы" в сегодняшней России

Совершенно очевидно, что ельцинизм является выражением именно "либеральной" идеологии, и именно термин "либерализм", а отнюдь не "демократия", подходит к нему более всего. Обращение к "народу" в "демократических" концепциях с необходимостью предполагает уважение его качественной целостности, качественной особости. "Демократию" определяют не количественные критерии голосований и референдумов, но " факт соучастия народа в своей собственной судьбе"(по точному выражению Артура Мюллера ван ден Брука). Поэтому произвольное членение государства, дробление единого народного организма, навязывание чуждых социально-политических моделей, взятых из совершенно иной исторической социальной среды (а именно этим и характерен более всего ельцинизм) никак не может являться признаком действительной демократии. С точки зрения "демократии", агрессивная психическая атака на избирателей перед референдумом, безжалостное оттеснение оппозиции, полное игнорирование социальных, национальных и государственных традиций, волюнтаризм произвольных единоличных решений - все это представляется грубой аномалией и полностью противоречит демократическим нормам. Но с точки зрения "либерализма", напротив, все эти особенности ельцинизма приобретают смысл и оправдание. " Либерализм" имеет двух заклятых, смертельных врагов - вмешательство социально-государственных структур в

частное предпринимательство и национально-государственные традиции, подчиняющие индивидуальную свободу общественным интересам. Именно по этим двум врагам Ельцин и нанес свой сокрушительный удар, полностью соответствующий духу и букве либеральной доктрины. То, что в жертву были принесены демократические нормы, в данном случае не так важно, если мы поймем, что "демократия" является здесь лишь прикрытием иной идеологии - идеологии "либерализма". Точно так же, как социалдемократическая риторика перестройки скрывала ее изначальную антисоциалистическую ориентацию, "демократия " ельцинистов маскирует "абсолютный либерализм".

Все происходящее в последние полгода в парламенте России не является чем-то случайным. Просто из-под "демократической" демагогии ельцинизма проступает ее чисто "либеральная" сущность. "Абсолютный либерализм" радикально "республиканского" типа - вот что является последней целью ельцинистских демаршей в идеологии. Парламент мешает Ельцину не потому, что он слишком "социалистичен", но потому что он слишком "демократичен", а именно "демократия" на этом завершающем этапе становится последним препятствием для "либерализма".

Все эти теоретические соображения ясно показывают, что для оппозиции наступило время не только принять в свои ряды все "демократические" политические силы и партии, но и взять как свое самоопределение термин "демократы", ставший среди патриотов ругательным. Здесь прослеживается следующая аналогия. После путча определенная часть Компартии, преданная социал-демократом Горбачевым, присоединилась к национальной оппозиции. Позже сюда же примкнули национал-демократы. При этом к стану ельцинистов прибивались поочередно социал-демократы, интернационал-демократы и т.д. Сегодня все демократы без исключения логически принадлежат к сфере оппозиции, так как "либерализм" настоящих ельцинистов никак с этой идеологией сочетаться не может.

Контрас в России

Рональд Рэйган в свое время выработал концепцию "бойца либерализма" ("liberty fighter"), т.е. американского наймита, борющегося с теми режимами в Третьем мире, где устанавливались "нелиберальные", не "проамериканские" формы демократии. Эти "бойцы либерализма", поддерживаемые позднее Бушем, сражались в Анголе в УНИТА под коммандованием бандита и мародера Савимби, среди мозамбикских саботажников РЕНАМО, в Никарагуа в рядах "контрас" (сами никарагуанцы произносят "Контра", как в эпоху русской революции) и т.д. Отличительной чертой этих мародеров и террористов было то, что на отвоеванных территориях они немедленно проводили "приватизацию" (т.е. забирали предприятия, фирмы и т.д. в свое личное владение). В этих "бойцах либерализма " воплотился для стран Третьего мира отвратительный лик "либеральной демократии". Совершенно очевидно, что подобные "бойцы либерализма" действуют уже долгое время и в нашей стране. Это - "либеральная Контра", реализующая свою рыночную утопию ценой наций, государств, народов, стран, континентов. Они знают, что они выполняют социальный заказ могущественных и богатых хозяев, зловещих "либералов"-строителей Нового Мирового Порядка. При этом "демократия" будет также безжалостно принесена в жертву, как некогда социализм.

Выделив идеологические контуры "либеральной" позиции, теперь легко просчитать наперед политические шаги ельцинистов, подготовиться к дальнейшим тактическим виражам. А с другой стороны, если кто-то в оппозиции не готов идти до конца, до смерти и жертвы в тотальной борьбе с "бойцами либерализма", с "Контрой", если кто-то не узнает

своих идеалов в сочетании "правой" политической и "левой" экономической доктрин, то лучше сразу встать в сторону, так как политическая история учит нас тому, что для свержения одной идеологической группы, захватившей власть в обществе, другой, противоположной, группой необходима как минимум Революция. В нашем случае речь идет о социальной, национальной и демократической Революции против "либерализма" и его "бойцов", "наймитов Нового Мирового Порядка".

Часть VIII. СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ.

СТИХИИ, РАКЕТЫ И ПАРТИЗАНЫ

Шмитт о типах цивилизаций

Знаменитый немецкий юрист, политолог и геополитик Карл Шмитт сформулировал типологию человеческих цивилизаций на основе их отношения к качеству пространства, систематизировав данные по четырем характеристикам, которые древнегреческие космологи называли "элементами" или стихиями. Этих стихий было 4 - Земля, Вода, Воздух и Огонь (или Эфир). Обращение к такому видению этапов технического освоения пространства поможет нам понять некоторые актуальные геостратегические проблемы, имеющие для России и всего мира решающее значение.

Шмитт утверждает, что наиболее традиционные общества были связаны более всего с элементом Земля. Это - теллурократия (власть Суши). Суша представляет собой тип наиболее фиксированного пространства, что предопределяет, согласно Шмитту наибольшую степень упорядоченности - т.е. наличие довольно строгих норм, отделяющих территорию одного государства от территории другого, устанавливающих границы и формирующих основу международного права, действующего как в периоды мира, так и в периоды войны. Столкновения на суше между двумя противоборствующими сторонами всегда подчинены определенным правилам, Jus Belli, некому закону войны. Это вызвано тем, что сухопутная цивилизация всегда оценивает завоеванные территории как потенциально свои и поэтому руководствуется принципом избирательного поражения противника, где главной мишенью становятся лишь регулярные военные формирования противоположной стороны. Сами же земли и мирное население сухопутный завоеватель стремиться не столько опустошить или разорить, сколько освоить, сделать своими, интегрировать. Карл Шмитт считает, что именно сухопутные цивилизации имеют наиболее строгие моральные нормы, отражающие на социально-этическом плане фиксированность элемента Земля.

Следующим, уже более жидким (и менее фиксированным) элементом является Вода. Цивилизации, основанные на водной стихии, принято называть талассократиями (морскими державами). Шмитт пишет, что "разжижение" господствующей стихии, влечет за собой и размывание юридических норм, связанных с упорядочиванием пространства. Действительно, водные границы и морские владения гораздо хуже поддаются делению на "свои" и "чужие", нежели границы земные. Параллельно этому изменяется и логика боевых действий. В противовес сухопутной экспансии-интеграции морские державы практикуют чаще всего колонизацию и пиратство, т.е. грабительские и малоэтичные (с сухопутной точки зрения) набеги на территорию, которая рассматривается лишь как временный источник обогащения и эксплуатации, так как между морской колонией и метрополией в условиях талассократии лежит жидкая стихия, вода, прерывающая однородность пространства. Шмитт утверждает, что цивилизация Воды имеет и свое этическое отличие - для нее свойственна большая подвижность в вопросах морали, ее нормы менее строги и более расплывчаты.

Традиционное для всех геополитиков - от Макиндера до Лохаузена - противопоставление теллурократии и талассократии, будучи совершенно обоснованным, оставляет без внимания два других элемента - Воздух и Огонь (Эфир). Карл Шмитт указывает перспективы восполнения этого недостатка, который все более очевиден при развитии авиации, ракетостроения и космического оружия.

Появление воздухоплавания, освоение цивилизациями воздушной стихии усложняет двуполюсную геостратегическую картину. Если уже талассократия действует разрушительно на территориальные нормативы цивилизации суши, привнося "разжижающий" юридически-этический компонент, то переход к элементу Воздух логически должен еще более "размывать",
"развеивать" традиционные нормы - как с точки зрения пространственного разграничения, так и с точки зрения типа цивилизации. И действительно, именно воздушные виды вооружений характеризуются своей максимальной разрушительностью. На смену сухопутному освоению-покорению и водному ограблению-разорению приходит воздушное чистое разрушение. Самые ужасные страницы современных войн связаны именно с оружием воздушной стихии - Герника, Дрезден, Хиросима и Нагасаки, вплоть до ковровых бомбардировок Ирака в кувейтской войне. Переход техносферы к стихии воздуха еще более, чем воды морей, отрывает человечество от его земных, традиционных корней, отсекает его от исторической, культурной и этической почвы. Освоение воздушного пространства сопровождается еще большим расслаблением нравственных критериев в цивилизации. Шмитт указывает, что "аэрократия" (власть посредством Воздуха) во многом затушевывает противостояние Суши и Воды, отчасти уравнивая их перед лицом целиком деструктивной стихии. Любопытно заметить, что ядерное оружие теснейшим образом связано именно с воздухом, так как перемещение ядерного боезаряда в военных целях возможно только с помощью ракет или стратегических бомбардировщиков.

Важно отметить также следующую деталь: цивилизация каждого из этих элементов - Земли, Воды и Воздуха - имеет свою особенность с точки зрения интеграции планетарного пространства в целом. Шмитт замечает, что теллурократия предполагает многополярный уклад, "цветущую сложность", по выражению К.Леонтьева. Различные сухопутные цивилизации развиваются параллельно друг другу, под охраной этики границ, этнических и государственных нормативов, позволяющих наилучшим образом сохранить своеобразие религиозных и национальных культур. Талассократия знаменует собой уменьшение цивилизационной полярности - удачливый Остров, действующий вопреки сухопутным, традиционным правилам, стремится охватить своим колонизаторским влиянием как можно большее количество "берегов". И наконец, аэрократия, сложившаяся в ядерно-ракетный век, породила двуполярный мир, поделенный на два лагеря, обладающие сокрушительной разрушающей силой бомб и боеголовок.

Самая зловещая стихия

Но существует и четвертый элемент - Огонь (или Эфир), который, по мнению древних греков, находится над элементом Воздуха. Этому элементу соответствует космическое пространство, которое можно назвать "эфирным", а космическая цивилизация, в таком случае, будет "эфирократией". Закономерность, выделенная Шмиттом, чисто логически должна привести к тому, что "эфирократия ", т.е. перевод техносферы в космическое пространство, должна быть еще более аморальной, беззаконной, бесчеловечной и устрашающей, нежели ядерная "аэрократия". С другой стороны, такой "космический" тип цивилизации должен тяготеть к однополярному миру, так как все различия в качестве планетарных стихий у предшествующих цивилизаций при

переходе к космосу стираются. Этот логический вывод целиком и полностью подтверждается актуальными геополитическими и геостратегическими потрясениями.

Действительно, с военной точки зрения, распад СССР как суверенной державы (одной из двух колонн двуполярного аэрократического мира, которых можно было назвать суверенными) явился результатом того, что мы не смогли дать адекватного ответа на американскую СОИ, которая посредством космических вооружений блокировала воздушно-ядерную, стратегическую мощь СССР. Кроме того, эфирократия принципиально не могла быть двуполярной, и сознающие это американские эксперты изначально ориентировались либо на конвергенцию либо на свою победу в аэрократическом противостоянии с СССР. По логике Шмитта можно заключить, что СССР не смогла стать эфирократией еще и в силу морально-этической связанности советской цивилизации с почвенными, органическими нормативами, которые необходимо преодолеть и разрушить в наиболее аморальной и бесчеловечной в истории эфирократической цивилизации.

Эфирократия и космическое оружие ориентировано не только на разрушение, но на уничтожение, и не просто врага, а всего Человечества как целого. Человеческое в звездных войнах должно исчезнуть не только в результате возможного грядущего конфликта, но и сама роботронная стихия звездных войн уже оставляет человеку весьма мало места. Оружие эфирократии - это "умное оружие" (по выражению американских военных экспертов). Начиная с "думающей" ракеты "Томагавк" (умной пока лишь, как амеба - иронизируют специалисты), военная мысль, развиваясь в логике СОИ, предвидит все более и более совершенные типы вооружений, которые в пределе будут "независимы" от человека и человечества, действуя на основании своей более "совершенной" и не подверженной "архаическим комплексам земли" логики. В эфирократии путь цивилизации по ступеням качественного, "элементного" пространства завершается. Корни вырываются окончательно, и "устаревшего" человека сменяют "космические" мутанты - роботы и киборги.

Звездные войны, кладущие конец последним отголоскам цивилизационного Закона, всякой регулярности, упорядоченности, всякой Этике, являются военно-стратегическим выражением того явления, которое на политическом уровне называют "мондиализмом", концепцией "One World". Для взгляда из космоса (особенно если смотрит робот) разница между сушей и морем, между народами и расами, между государствами и религиями стирается. Человеческие существа организуются наиболее рациональным образом (лишние убираются). Вся власть от " неразумных" и "нерациональных" правителей, руководствующихся такими пережитками, как "история нации
", "независимость государства", "религиозная истина" и т.д., переходит к Мировому Правительству, только и способному в такой сложной ситуации обуздать "неразумное скопище архаиков". Наступает "Конец Истории", провозглашенный Фрэнсисом Фукуямой, "последним человеком".

Ядерная война партизан

Объективная логика смены стратегических типов цивилизации обрисовывает довольно устрашающую картину, чья реальность затрагивает каждое государство, каждый народ в тот момент, когда он становится жертвой нового элемента. СССР являлся последней державой, которая была заклана в жертву Новому Мировому Порядку, Порядку Эфира. Конец холодной войны означает конец последней "регулярной" войны в истории, так как несмотря на предельную деструктивность аэрократии, в ней все же сохраняется некое последнее подобие нормы и правил. Победа мондиализма уравнивает СССР и с голодными и нищими рабами Третьего Мира и с сытыми и комфортными

мондиалистскими лакеями Европы. В принципе, форма рабства в условиях эфирократии не так уж и важна, так как царство мондиализма всегда возмещает физическое благополучие духовными пытками, и напротив, бедствия бедных стран несколько уравновешиваются их верностью животворной Традиции, верностью Земле.

Примириться с тихой катастрофой поражения в аэрократической дуэли с США для России очень трудно, так как видимые знаки разгрома наших, оккупации и т.д. отсутствуют. Но все же на стратегическом уровне - это свершившийся факт, а имевшийся заговор и предательство в верхних эшелонах власти не столько объясняет, сколько выражает это страшное обстоятельство. Мы проиграли холодную войну не по злому умыслу "агентов", но по тайной логике Провидения. Но как бы то ни было, перед нашим великим народом стоит сегодня мучительный вопрос: как быть?

Показательно, что одной из последних работ Карла Шмитта была книга "Теория Партизана". В ней Шмитт с мистической любовью описал феномен "партизанской войны" - иррегулярной войны Народа, который не складывает оружия даже тогда, когда армия сдает свои позиции и власть переходит к врагу. Партизан стоит вне Закона Войны, вне Jus Belli, но, тем не менее, в нем дышит и живет особый Закон, невыразимый, священный Закон Земли, своей Земли, Родной Земли, которую он не хочет отдать ни оккупанту, ни колонизатору, ни ядерному шантажисту, ни "космическим роботам". Партизан и его функция не запланирована стратегией элементов. Точнее, в них воплощена древнейшая мистическая вечная Сила, не подвластная неумолимому Року. Партизан, маленький защитник Великой Суши воюет против логики техносферы, против Времени, против трагической Энтропии цивилизации.

Партизан, обреченный герой, балансирующий между мистическим патриотизмом и криминальным терроризмом, - это единственный возможный ответ на вызов роботронной Эфирократии, на диктатуру СОИ, на репрессии технотронного мондиализма. Если в двуполярном, аэрократическом мире оставалась хоть какая-то возможность свободы выбора - США или СССР, и концепции Третьего Пути были не более, чем идеалистическими чаяниями, сегодня выбор только один: либо признание Эфирократии (на стратегическом уровне это означает совместное участие в СОИ, как это стоит на повестке дня сегодня), либо планетарная партизанская война против мондиализма с использованием всех видов вооружений, всех средств, всех разрешенных и запрещенных приемов.

История показывает нам, что Россия всегда так или иначе противостояла антитрадиционным процессам в цивилизации, храня Верность Земле, Верность Истоку. Многовековая стратегическая дуэль с талассократической Англией сменилась аэрократическим противостоянием с США. Даже принимая стратегический вызов техносферы, Россия умудрялась обратить
"яд в лекарство" ценой невероятных, немыслимых страданий и жертв. Сегодня же верность русской истории означает прямой и страшный выбор Партизана, выбор
"народной войны" без правил и приличий, "войны" против Эфирократии, в которой на военно-технологическом уровне запечатлелась та "Тайна Беззакония", о которой говорит Евангелие.

Малая партизанская война против СОИ уже идет - она на Балканах, в Ливии, в Ираке. Там "верные Земле", верные Почве отстаивают свою Национальную Вечность против жестоких абстракций Нового Мирового Порядка. Но начать Большую Партизанскую Войну зависит только от России. Только наш еще пока не уничтоженный аэрократический, а также талассократический и теллурократический потенциал может

остановить мондиалистскую диктатуру на планете. Наш Партизан вооружен ядерными боеголовками и мощными ракетами, и даже в сфере космических вооружений у нас есть кое-что для того, чтобы заставить творцов СОИ нервничать. Мы проиграли "регулярную" дуэль. Да, гонка вооружений имеет свои законы. Но сейчас военная стратегия как никогда напрямую сопряжена с величайшей духовной исторической и даже религиозной, эсхатологической Проблемой, что делает подписание некоторых договоров о сокращении тех или иных видов вооружений не только политико-дипломатической, но мистической, метафизической проблемой. В вопросе о совместной американо-русской СОИ речь идет не о выгоде или расчете - речь идет о продаже Национальной Души надвигающейся цивилизации Сына Погибели, Сателлита Мрака.

Суровый выбор эфирократической, мондиалистской эпохи таков: либо планетарный коллаборационизм, либо планетарная герилья, партизанская война, "народная война", мировое движение Сопротивления, во главе которого по логике истории должна стать самая святая и самая могущественная из наций - великий русский народ и великое русское государство.

Только тогда воля Земли, Сила Истока свернет неумолимую технотронную логику Энтропии и разрушит темную власть Космоса. И тогда мы увидим Новую Землю.

Часть IX. МЕТАФИЗИКА СЕКСА

ЭРОТИЗМ И ИМПЕРИЯ

Секс как поле идеологической борьбы

Актуальное положение вещей в нашей стране характеризуется не только противостоянием различных политических или экономических позиций, не только различием этнических, социальных и культурных ориентиров тех или иных сил, но и глубинным противостоянием двух принципиальных идеологий, двух картин мира, каждая из которых охватывает целый спектр оттенков и цветов. Речь идет не просто об окончательно сформулированных и получивших ясное интеллектуальное выражение доктринах, как это имеет место в случае конкретного политического учения, речь идет о неких”метафизических корнях”, которые предопределяют сами основы тех или иных человеческих типов. Если раньше говорили о “противостоянии классов” (или о “классовой борьбе”), то сегодня, скорее, уместно говорить о “противостоянии типов”, о борьбе двух глобальных архетипических моделей, делящих общество на “наших” и “ненаших”. Это противостояние существует не только у нас, оно наличествует повсюду в современном мире, но особенность нашей страны и нашего общества в том, что здесь многие аспекты в настоящее время вскрыты и обнажены до предела, идеологический спор имеет глобальный характер и противостоящие “типы” вынуждены выдвигать и открывать сами глубинные основания своих позиций. Такой откровенности в других странах мы, естественно, не наблюдаем. Тем, быть может, и ценно наше время, что Россия снова стала полем борьбы глобальных сил. Мы вернулись в Историю, и более того, в ту точку, где фокусируются ее наиболее судьбоносные токи.

Эта борьба “типов”, чаще всего проявляющаяся в противостоянии “патриотов” и “космополитов”, “почвенников “ и “западников”, “традиционалистов”-”фундаменталистов” и “прогрессистов”-”демократов”, “евразийцев” и “атлантистов” и т.д., превращает в поле боевых действий не только сферу политики, экономики, парламентских дебатов или манифестаций, но и всю культуру, весь быт, всю человеческую и общественную жизнь. И тот факт, что даже наиболее интимные сферы внутреннего мира человека также становятся реальностями идеологического

противостояния, говорит нам о том, что в данном случае речь идет о глубиннейшем духовном конфликте, по своей значимости намного превышающем узко политические или социальные противоречия. Более всего показательна в данном контексте та полемика, которая ведется между "почвенниками" и "западниками" в области секса, полемика в отношении "полового вопроса" во всех его модификациях.

В этой сфере роли распределились ясно и однозначно. "Патриоты" символизируют собой "закомплексованность", "стыдливость", "морализаторство" (подчас, "фарисейское лицемерие"). "Западники" -"раскрепощенность", "бесстыдство", "распущенность", "порнографичность", "сексуальный либерализм". В таком противопоставлении нет ничего случайного, так как те же самые принципы практически всегда в культурных спорах "правых" и "левых" разделяются именно таким образом. В некотором смысле подобная "эротическая спецификация" соответствует глубинным протоидеологическим импульсам, которые органично входят в конституцию идеологического типа как такового, в конституцию полноценного и законченного мировоззрения.

Анализируя обсуждение "полового вопроса" в нашем обществе, легко заметить, что часто сам факт разоблачения скрытой "закомплексованности" патриотов или скрытого "порнографизма" демократов служит решающим аргументом, достаточным, по мнению полемистов, для того, чтобы дискредитировать идеологического противника. На наш взгляд, такое отношение совершенно неправомочно с обеих сторон. Этот вопрос является слишком серьезным, чтобы ограничиваться в нем категориями "закомплексованности" ("стыдливости") и "развращенности" ("раскрепощенности"). Не ставя под сомнения правдоподобие этих определений, мы лишь настаиваем на том, что они не могут служить ответом. Это, скорее, вопросы, нуждающиеся в углубленном исследовании. Что стоит за "патриотической закомплексованностью" в "половом вопросе"? Каков истинный смысл теоретической сексуальной "раскрепощенности демократов"? Не скрываются ли за этими констатациями особые таинственные силы, намного более серьезные и могущественные, нежели чисто индивидуальные наклонности тех или иных личностей и случайности их человеческой эротической судьбы? Выяснению именно этих вопросов посвящена данная статья.

Эротика против эротики

Вначале приведем некоторые соображения, показывающие неоднозначность того эротизма и той "либерализации секса ", которые отстаивают "левые". В данном вопросе мы будем опираться на великолепное исследование Юлиуса Эволы под названием "Метафизика Секса", где собрано огромное количество статистического, мифологического, медицинского материала, а кроме того, сама проблема поставлена в широкой подлинно метафизической перспективе. Эта книга в Европе стала центральным и классическим исследованием по "половому вопросу", взятому в его тотальном, "космическом" объеме.

Один из основных тезисов "Метафизики Секса" Эволы состоит в том, что "сексуальная открытость" современного западного общества, его эротический либерализм и "порнографизм" являются проявлением "полового декаданса", признаком "десексуализации" общества, его эротического "дряхления", а не проявлением его повышенной и свежей эротичности. Перевод эротических образов и эротических импульсов из внутреннего во внешнее, из сферы конкретики полового акта в сферу ментальных образов, в сферу культуры, рекламы, декораций и т.д. свидетельствует, по мнению Эволы, о "половой энтропии". Статистика, на примере США и Франции однозначно показывает, что терпимость общества к "порнографизации" культуры

однозначно ведет к сокращению действительных половых актов, к демографическому спаду, к прямой “асексуализации” конкретных людей. В “сексуальной революции” Эвола видит не “спасение секса”, но “спасение от секса”, поскольку в основе “экстериоризации” сексуального импульса лежит именно стремление избавиться от внутреннего напряжения, но не через “разрыв уровня”, не через оргазмическую “травму” нормального полового акта, а через медленную и постепенную энтропию, перманентное расходование половых энергий.

Эвола точно подмечает, что психоанализ Фрейда ставит своей основной целью не реальное урегулирование эротической системы человека, но “церебрализацию” секса, снятие внутренней напряженности. При этом отсутствие во фрейдизме апелляции к метафизическим основаниям эротики логически приводит его к отрицанию самой возможности “эротической нормы”. Согласно учению Фрейда сексуально здоровых людей нет и не может быть. Эвола приходит к выводу, что тенденция “сексуальной либерализации” не только не указывает пути к позитивному решению той великой метафизической и мистической проблемы, которая дана человеку в форме пола, но, напротив, закрывает возможность ее решения, обрекает эротические импульсы людей на дурную бесконечность сексуальной энтропии.

Вывод Эволы из тщательного анализа современной западной эротики можно сформулировать следующим образом: “сексуальная либерализация представляет собой не столько раз-вращенность, сколько из-вращенность, не столько избыточность секса, сколько его недостаточность, не столько освобождение, сколько новое, еще более страшное рабство”.

С другой стороны, в книге “Метафизика Секса” разбирается и иной аспект западной “сексуальной либерализации”. Эвола замечает, что общий тонус эротического напряжения на Западе становится все более и более “феминистическим” и даже “матриархальным”. Обнаженное женское тело, возведенное в статус некоего культурного символа, во многом повторяет атмосферу матриархальных цивилизаций древности. Эвола утверждает, что сугубо мужской, “вирильный”, “фаллический” эротизм характеризуется, напротив, “стыдливостью”, стремлением к “интериоризации” секса, к конкретике и завершенности полового акта, который является для него материальной фиксацией личного спиритуального успеха, личной победы, торжеством собственной сакральной миссии. Истинный “фаллицизм” не столько поклоняется женщине, сколько преодолевает, побеждает ее, и через собственное “солнечное” начало магически преображает ее в конкретике мистерии секса. Мужская эротика характеризуется, согласно Эволе, строгой определенностью сексуального импульса, ростом внутреннего напряжения, потребностью в однозначном и “травматическом” завершении, в кульминации. Такой “фаллический” тип характеризует не только всяких нормальных мужчин, но и в целом тип мужской духовности, тип “солнечных”, героических, патриархальных культур. “Матриархальная”, “феминистическая” эротика имеет противоположный характер: для нее свойственны постоянство “ментального эротического опьянения”, отсутствие эротической концентрации, длительность и равномерность внутреннего напряжения, отсутствие стыдливости, абсолютизация “женской тоски”, постоянно остающейся неудовлетворенной. Такой культурный матриархат, существовавший у многих древних народов, отличается тенденциями к ритуальной (или символической) кастрации мужчины, к превращению его в служебную, подсобную фигуру, призванную обеспечивать эротические запросы Великой Матери. Преобладание именно таких “феминистических”, лунных аспектов Эвола констатирует в ключевых темах современной “сексуальной революции” Запада. И он находит этому множество подтверждений: в неуклонном росте гомосексуализма, в проведении эксгибиционистских конкурсов красоты среди мужчин, в

“конституционном” приравнивании женщин к мужчинам, что отражает, по его мнению, наличие откровенного полового извращения у подобных “законодателей”.

И наконец, последним в высшей степени подозрительным аспектом в современном сексуальном либерализме является, по мнению Эволы, “гуманизация секса”. Эротический импульс является наиболее сакральным, наиболее космическим, наиболее оперативным из того, что дано человеку. Поэтому этот импульс во всех сакральных учениях является базовым для эффективного преображения человека либо в сторону “сверхчеловеческого”, духовного (если импульс направляется вертикально), либо в сторону недочеловеческого, животного (если импульс направляется горизонтально). Таким образом, сфера секса это единственный способ преодолеть человеческую ограниченность, выйти за микрокосмический предел, сомкнуться со стихией сакральных космических сил. “Гуманизация секса”, его “микрокосмизация” означает, одновременно, его деонтологизацию, его отрыв от напряженного противостояния великих изначальных сил, называемых принципами Ян и Инь в китайской традиции. Попытка сделать программируемым и безопасным этот потенциально нечеловеческий элемент в человеке, попытка отказаться от того риска, того преодоления, той космической проблематики, которые заключены в эротике, равнозначна его бюрократизации, его умерщвлению, его уничтожению. Эвола считает, что секс не может быть объектом “коллективного договора” - либо это сфера спонтанной сакральности, где действуют свободные и глубинные силы, не считающиеся с профаническими “правовыми актами”, либо секс просто умирает, вырождается, становится “условностью”. Любопытно, что именно это и происходит в скандинавских странах, где порнография получила наиболее легальное право на существование, и где полная “десексуализация” стала сегоднятотальным явлением.

Все приведенные выше соображения показывают, что сторонниками “демократизации секса” движет не столько “повышенный эротизм”, сколько “сексуальный декаданс”, некий “матриархальный”, “феминистический” элемент, который коренится в реальности полового бессилия, извращенности или эротической недостаточности. Пропаганда эротики, поэтому действует, скорее, как “прививка против секса”, а идеологическая позиция “демократов” волей-неволей ассоциируется с той или иной формой “полового вырождения”.

Итак, даже беглого анализа “метафизики секса” достаточно, для того, что показать, насколько двусмысленны определенные позиции “либералов”, и на каких темных архаических принципах покоится предельно ясная, на первый взгляд, идея “полового освобождения”.

Патриоты и эротика

Теперь следует разобрать подоплеку патриотической позиции в сфере секса, и попытаться понять, действительно ли мы имеем дело с “закомплексованными” и “фарисействующими” моралистами, отрицающими естественное влечение в силу своей персональной эротической несостоятельности.

Логика антипорнографической направленности “патриотов-традиционалистов” почти всегда остается одной и той же - они противостоят не эротике как таковой, а ее экстериоризации, ее коллективизации и социализации, ее “обобществлению” и “отчуждению”. И при этом не так уж и важно по “социалистическому” или “капиталистическому” пути идет “сексуальная революция”. “Правые”, верные не столько конкретным историческим и политическим “лозунгам момента”, сколько своему “над-историческому” архетипу, с одинаковой непримиримостью настроены и против чисто большевицкого “ обобществления жен пролетариатом” (или против известной теории

“стакана воды”), и против буржуазной торговли телом и организованной рекламно-конкурсной проституции, основанной не на “примате политики над экономикой” (как в случае большевизма), а на примате “экономики над политикой”. Традиционалисты и фундаменталисты, совершенно независимо от их религиозной, национальной, государственной и доктринальной специфики, в вопросах пола однозначно настаивают на внутренней концентрации эротического импульса и на его сакрализации. В пределе же это означает тотальную переориентацию секса в духовную сферу через аскетические и посвятительные практики. Но важно подчеркнуть, что отнюдь не только религиозно-мистические фундаменталисты настаивают на изъятии эротики из “коллективного обращения”, на ее интимном и чисто внутреннем статусе. Как это ни странно покажется на первый взгляд, с аскетом в данном вопросе вполне солидарен и либертин, Дон Жуан, который реализует свою мужественность и свое “фаллическое” достоинство на горизонтальном уровне, идя путем Солнца не в сфере Духа, но в сфере Тела. Это объяснимо даже психо-физиологически, так как Дон Жуан как эротический тип осознает себя тотальным победителем женского пола, через конкретику побед стяжающим высшую мужскую свободу и подтверждающим свое превосходство. В дон-жуанизме обязательно присутствует элемент “аскезы”, “подавления сентимента”, преодоления человеческого. В порнографическом обществе с его центральным культом отчужденной и “обобществленной” женщины, с его “правовой и договорной” эротикой, с его “феминизмом” и “гуманизмом” Дон Жуан как тип невозможен, такой фигуры здесь не существует. И неудивительно, что этот образ полностью пропал в современной культуре, оттесненный рэмбоподобным инфантильным мускулистым животным из американских боевиков, который, чтобы быть “ гуманным”, должен обязательно преклоняться перед своей “мамой” и быть добрым сыном (к примеру, Сильвестро Сталлоне и его ловкая мама-фарцовщица). Таким образом, “ патриотическая эротика”, с ее центральной идеей интимности секса, его интериоризации и его вертикальности, в конце концов, его “фаллоцентричности”, не только не является синонимом импотенции или сенильной дряхлости, но, напротив, потенциально являет собой единственный путь к полноценному эротическому развитию - как на духовном уровне (религиозный, аскетический эротизм), так и на психо-физическом (дон-жуанизм).

Патриотическая эротика патриархальна. Мужчина в ней является основным и главным сексуальным полюсом. Выполняя функции Светового Начала, Солнца, Духа, он через благодать своей самодостаточности и полноты одухотворяет, преображает и искупает таинством любви женщину, связанную естественными узами с Материей, Луной, Ночью. Все патриархальные древние и современные традиционные структуры отличались духом созидательности, творчества, продуктивности, изобилия в самых различных секторах жизни. В эротической специфике патриархата уже потенциально заложено процветание, так как ничто a priori не препятствует здесь творческой концентрации внутреннего эротического импульса, вырывающегося во вне как упорядочивающая, созидательная сила, побеждающая энтропию материи, организующая пассивную субстанцию в активную форму, освещающая женскую Ночь сиянием мужского Дня, мужского Солнца. И показательно, что наиболее чистые патриархальные культурные формы вообще не знали эротической символики. В них не было не только поклонения женским сексуальным органам, - Великой Матери, - но не было и поклонения Фаллосу, так как сама эта фаллическая экстериоризация свидетельствует об определенной эротической недостаточности той или иной древней культуры, о начале ее упадка (См. труды профессора Германа Вирта “Происхождение человечества”, “Священный праязык человечества” и т.д.). Истинный патриархат состоит в поклонении Духу, чистой Трансцендентальной Силе, и именно обладание этой силой отличало мужчину, делало его носителем особой искупительной сакральной энергии. В этом контексте можно сказать, что фигура аскета в патриархальной системе является не противопоставлением, но

дополнением “Дон Жуана” - первый взыскует духовной силы “снизу вверх”, второй расточает ее “сверху вниз”, что предполагает, помимо всего прочего, обладание ею. Поэтому центром патриархальной сакральности была Иерогамия, Сакральный Брак, в котором Император, Царь, Вождь как высшее воплощение мужского начала соединялся с Женщиной-Империей, с человеческой психеей своих подданных, с Матерью-Землей, наполняя ее светом божественных, небесных энергий, носителем которых он являлся как Первый среди Мужей, как эротический полюс, как центр культуры.

Несмотря на всю бездну времени, отделяющую нас от периодов расцвета героических патриархальных цивилизаций древности, те же самые архетипы продолжают жить в глубине человеческой психики и сегодня, поскольку сфера эротики сопряжена с самым глубинным основанием живых существ. Против “сексуального освобождения” борются те, кто сексуально свободны и без того, что “коллективный договор” признает за ними это право. Легализация эротизма - это первый шаг к кастрации мужчины, к вырождению секса до уровня ментальной энтропии, к снятию великого напряжения, в котором человеческое существо прикасается к великим таинствам Бытия, к высшим проблемам Онтологии. Именно интуитивное или вполне осознанное понимание всех этих связей и соответствий, внутренняя принадлежность к патриархальному, “фаллоцентрическому”, мужскому типу эротики и заставляет всех “правых”, независимо от специфики их позиций, сходится в одном - в борьбе с порнографизацией, сексуальной либерализацией и сексуальной революцией в обществе.

“Правые” борются не против секса, а за секс, но за его интимно агрессивную, интериорную, солнечную, фаллоцентрическую и патриархальную версию. Существам с сексуальностью демократического типа это может не нравиться, так как “матриархальный” тип эротической организации действительно органически не совместим с “патриархальным” типом, как слабость несовместима с силой, недееспособность с творческим и созидательным порывом, а “феминизм” и “педерастизм” с резкостью и жестокостью аскета или “Дон Жуана”.

Империя как эротическая кульминация

Сфера эротической спецификации различных типов сопряжена и с еще одной крайне болезненной и острой сегодня темой - с темой государственности. Совершенно очевидно, что в государстве воплощается созидательный импульс народа и нации - если этот импульс силен и свеж, государство обладает всеми признаками стабильности и процветания. Если он слаб, государство становится неустойчивым и тяготеет к дезинтеграции. Безусловно, в этом отражается и эротическое качество нации.

Высшей формой планетарной эротики, макрокосмической сексуальности является империостроительный импульс, который ведет к объединению гигантских географических, этнических и культурных пространств под эгидой единого правителя, воплощения Единой Идеи, единой Силы. Империя в отличие от обычного государства всегда носила сверхъестественный характер, так как уникальность объединения разнородных и разрозненных конгломератов в единое целое предполагает участие некоторой сакральной энергии, настолько трансцендентальной, что она способна переступить через ограничения и отличия всех внутри-имперских составляющих. Если любое государство как единение и придание формы психо-физической субстанции своих граждан уже отражает в себе эротический импульс, то в случае Империи этот импульс должен быть эротическим в высшей степени, как некое предельное унифицирующее героическое напряжение, выходящее за рамки обычной эротики.

Империя всегда рассматривается Традицией как результат Иерогамии, Священного Брака, произошедшего между Небом и Землей. Небесный принцип воплощается в Правителе, Сыне Неба, Помазаннике. Земной принцип - в самой бескрайней территории, а также в народе, населяющем имперские земли. Специфика сугубо имперского эротизма предопределяет особый имперский тип сознания, для которого характерно, с одной стороны, понимание недосягаемой Высоты Правителя (на портреты Русского Царя простые крестьяне еще в XIX веке молились, как на икону), а с другой стороны, нескончаемой Широты имперских территорий. Все это делает имперскую эротику заведомо макрокосмической, глобальной, континентальной и даже планетарной. Именно в имперской сексуальности более всего проявляются свойственное полу как таковому качество тотальности, глубина его мистерии, конкретность его магии. Мужское самосознание имперостроителей прочно сплавляется с восприятием себя как "Сыновей Неба", "Сыновей Света", как сакральных и избранных установителей духовного порядка. Женская стихия также тотализируется, но, скорее, вширь - женщина становится синонимом великого пространства и великих имперских рас. Так уникальная и особая Иерогамия Царя с его Империей, повторяется на уровне всех имперских этносов в тайне имперской Любви, где каждый мужчина - "Сын Неба", "Император", а каждая женщина - " Великая Земля", персонификация имперской "Расы". Там, где однажды существовала Империя, там эротическая специфика народов с необходимостью будет уникальной, особой и подчеркнуто макрокосмической, сверхчеловеческой. И процесс распада Империи, наносящий удар в самый центр эротической стихии ее жителей, не может не вызвать фундаментальных реакций, которые будут присутствовать, как показывает история, еще в течение долгих веков после гибели Империи как постоянное и настойчивое стремление к Реставрации, как " биологическое" неприятие "сексуальности малых форм".

Россия была одной из последних Империй, которая сохраняла сугубо имперскую эротическую специфику намного дольше других государств. Причем это происходило вопреки внешней десакрализации ее режимов, вопреки главенству антиимперских идей и организаций. Макрокосмическая эротика русских, русских не в национальном, но в имперском смысле, оказалась намного глубже нежели монархический строй или православная концепция Святой Руси, хотя именно сквозь эти формы континентальная эротика проявлялась наиболее полно, логично и органично. Даже совершенно противоимперский, "общественно-сексуальный", антигероический и матриархальный интернационал-большевизм 20-х годов уступил в дальнейшем место гротескному, пародийному, но все же в некоторой степени "почвенному" сталинскому "империализму", который был вынужден прибегать к насилию и абсурду для осуществления тех глубинных эротических позывов имперской нации, которые пробились сквозь совершенно "левый" идеологический пласт, обладавший полнотой террористической и абсолютной власти. Однако уже изначально в подобном альянсе были заложены элементы, которые не могли не привести "советскую империю" к краху. Но если отдать себе отчет в укорененности эротического имперского комплекса, если осознать то, до какой степени имперский макрокосмический Эрос отличается от обычного, чисто "человеческого" секса, станет совершенно очевидным, что с этой реальностью только декретным способом совладать невозможно. Имперскую эротику уничтожить несравнимо более сложно, нежели саму Империю, так как речь здесь идет о самых глубинных пластах бессознательного, мало поддающихся гипнозу рациональных или псевдорациональных убеждений. Тем более, что никаких разумных и внешних причин для подавления имперской сексуальности, строго говоря, просто не может быть, - эти аргументы действительны только в обществе, целиком и полностью основанном на "общественном договоре", на "конвенции", а печальная история коммунистических идей в нашей стране (также стремящихся построить общество "коллективного договора" - Богданов, Плеханов и т.д.) свидетельствует о том,

что у нас это не приживается, мы слишком органичны, спонтанны и одушевлены для этого.

Русские патриоты, таким образом, характеризуются еще и тем, что их эротическая программа, сознают они это или нет, является тотально макрокосмической, планетарной, взывающей к древним, глубинным энергиям великой имперской расы. Эти энергии - не просто привычки или склонности, это идеи-силы, невидимая, но могущественная реальность, спящая в глубине души нашего народа. Идя против нашей имперской эротики, представители альтернативных, антипочвенных сил, затрагивают те уровни, с которыми совершенно не безопасно иметь дело. Как только население бывшей Империи действительно осознает то, как глубоко и интимно поразили его эротику сторонники “сексуальной перестройки”, горе тем, кто будет ассоциироваться в глазах пробудившегося народа с инициаторами всеобщей кастрации. Реакция может быть отсроченной, но она неизбежно даст о себе знать. Тот, кто знает логику действия великих эротических энергий, легко может предвидеть, что чужеземно ориентированные поборники “правовых государств” рано или поздно станут жертвой эротической агрессии имперских этносов, так как их угораздило встать между “Сынами Неба” и “Великой Землей”, их угораздило вмешаться в таинство русской Иерогамии. Судьба их предшественников - более чем красноречива.

Заключение

Мы постарались выделить в нашем кратком изложении несколько наиболее принципиальных моментов, которые становятся с каждым днем все более актуальными, по мере того, как мы начинаем называть вещи своими именами. И если в вопросах политических интриг, социальных преобразований, экономического распада, национальных войн в нашем Отечестве стало трудно разобраться не только обычным людям, но и политикам-профессионалам, то характер эротической специфики того или иного типа является естественной, органической демаркационной линией, отделяющей “наших” от “ненаших”. В такой ситуации гораздо важнее полагаться на внутренние энергии крови, на голос Континента России, который мы слышим в своих глубинах, а значит, эротизм становится для нас почти единственным средством для реального выбора, который решит окончательно судьбу нашей Державы и нашей Имперской Расы. И только из внутреннейших глубин нашей национальной души сможет подняться тот импульс, который объединит нас по ту сторону политических и классовых расхождений, в великом подвиге нового Импеостроительства. Для того, кто действительно “хочет” и “может”, преград не существует.

ЕЛЕВСИНСКИЕ ТОПИ ФРЕЙДИЗМА

Порочная мода на психоанализ

В нашем обществе в последние годы клише современной западной цивилизации агрессивно внедряются не только в сфере экономики, культуры и политики, но и в сфере психологии и психиатрии. Это совершенно не удивительно, так как смена советских социальных парадигм на буржуазные принципы с необходимостью по логике “реформ” охватывает все сферы человеческой деятельности. Меняя советский общественный строй на либерально-протестантскую американистскую модель, “инженеры” посткоммунизма пытаются сконструировать тип “нового русского”, что означает глубинную трансформацию на уровне психологии, сексологии и даже антропологии в широком смысле этого слова. Так вместе с Микки Маусом и “сникерсом” в нашу социальную реальность приходит доктор Фрейд и подозрительная группа его последователей. На уровне психоаналитики осуществляется ломка прежнего бессознательного, причем

процесс здесь проходит столь же брутально, скороспешно и целенаправленно, как и во всех остальных областях.

После механического и грубо материалистического террора советской психиатрии, воспринимавшей человеческую психику в терминах, близких к лексике профессора Павлова, внедряется новая мода на психоанализ, который претендует на большую серьезность и внимательность к сфере человеческой психики. Как бы отвратителен и циничен ни был “психиатрический материализм” советизма, опасность, которой наш народ подвергается через использование фрейдистских методологий, является несомненно более серьезной и страшной. В конце концов, материализм настолько индифферентен ко внутреннему миру человека (само существование которого он, впрочем, практически отрицает), что приспособиться к его прямой агрессии было не так уж и сложно. Но когда дело доходит до психоанализа и его методик, психика подвергается гораздо более изощренному насилию, отразить которое намного труднее.

Именно эти соображения заставляют нас рассмотреть проблему психоанализа с точки зрения Традиции, которая только и может дать адекватное представление о полноценной духовной структуре человеческого существа и вместе с тем разоблачить коварные происки “врага человеческого”.

Разоблачения Рене Генона

Рене Генон в своей работе “Царство количества и знаки времени” сформулировал традиционалистскую базу для критики психоаналитических воззрений. Разберем основные посылки Генона применительно к этой сфере.

Во-первых, Генон отмечает, что у психоаналитиков и вообще современных психологов, “существует странное противоречие, когда они продолжают рассматривать элементы, бесспорно принадлежащие к тонкой сфере (“l’ordre subtil”), с чисто материалистических позиций, что является, без сомнения, следствием прежнего материалистического образования”. Здесь, как и в других вопросах, связанных с человеческой душой, даже самые “авангардные” представители современной науки не способны отделаться от грубейших материалистических предрассудков, свойственных глупому механицистскому оптимизму XVIII-XIX веков. Генон отмечает тот факт, что “сам Фрейд, основатель “психоанализа”, всегда подчеркивал, что остается материалистом”. В данном случае мы имеем дело с “транспозированным материализмом”, т.е. с перенесением на сферу психики закономерностей, свойственных исключительно телесному миру. В других работах Генон указывал на аналогичный подход и в большинстве неоспиритуалистических доктрин, перемешивающих полупонятые данные Традиции с вульгарными технико-научными соображениями. (Апогея эта тенденция достигла в делириумных сочинениях “уфологов” и “экстрасенсов”.)

Далее Генон обращает внимание на устойчивое использование термина “подсознательное” применительно к толкованию психической реальности. В этом он видит “проявление интереса к продолжению психической реальности исключительно в нижние регионы, которые соответствуют как в человеке, так и в космической среде “трещинам”, откуда проникают наиболее “негативные” влияния тонкого мира, с предельной точностью отраженные в термине “инфернальное” (на латыни это слово обозначает одновременно и “низшее” и “адское”).

“Сатанинский характер [психоанализа], - пишет Генон, - ясно обнаруживается в психоаналитическом толковании символизма.” Подлинный символизм, с точки зрения Традиции, имеет сверхчеловеческую природу, открываясь через полноценную сакральную

доктрину или особые пророческие инициатические сны и видения. Если обычная, непсихоаналитическая, психология до Фрейда предлагала искаженное, профаническое толкование символизма, сводя его до чисто человеческого уровня, то после Фрейда символы стали толковаться еще менее адекватным образом - в "подчеловеческом" и "инфернальном" смысле. От простого занижения уровня психоанализ перешел к полному переворачиванию нормальных пропорций. Символ для фрейдистов - это нечто сугубо "инфернальное", гротескно сатанинское. Сам цинично отвратительный характер фрейдистских интерпретаций должен был бы служить указанием на "печать" дьявола, если бы люди не были так слепы и безразличны в наше темное время.

Психоаналитики (как и спириты) часто могут не осознавать подлинной природы того, чем они занимаются. Но и те и другие ведомы определенной разрушительной волей, использующей довольно близкие, если не тождественные силы, как в случае психоаналитиков, так и спиритов. В ком бы конкретно эта воля не воплощалась, по меньшей мере, ее активные носители прекрасно отдают отчет в ее главной задаче, тогда как все остальные служат лишь бессознательными инструментами, даже не представляющими себе, какой цели они служат".

Генон предупреждает, что "использование психоанализа в лечебных целях является крайне опасным и для тех, кто выступает в роли пациентов, и для, кто берет на себя функцию врачей, так как с подобными силами нельзя вступать в контакт безнаказанно." Так как человек, обращающийся к психоаналитику, по определению должен быть слабым существом, для него будет практически невозможно сопротивляться тому "психическому разрушению", которое провоцируют в человеческой душе последователи Фрейда. "Такой человек имеет отныне все шансы безнадежно погибнуть в хаосе тех темных сил, которые неосторожно были выпущены на поверхность. Даже если кому-то и удастся преодолеть этот хаос, на нем все равно до конца жизни будет сохраняться некоторый отпечаток, подобный несмываемому пятну," - пишет Генон.

Генон возражает тем авторам, которые уподобляли психоанализ традиционным инициатическим ритуалам, в которых обязательно используется символическое "снисхождение в ад". "Здесь можно говорить только о профанической пародии на это "снисхождение в ад" - и потому что, цель и субъект этих действий совершенно различны, а кроме того, в психоанализе нет ни малейшего намека на последующее восхождение, которое составляет вторую фазу инициации. Напротив, психоанализ соответствует "падению в топи". Известно, что эти "топи" находились в древности на дороге в Елевсин, и в них попадали профаны, претендовавшие на инициацию, не имея на то должной квалификации и становясь жертвами своей собственной неосторожности. Такие "топи" существуют как на макрокосмическом, так и на микрокосмическом уровнях, и на языке Евангелия называются "тьмой кромешной". Если инициатическое "нисхождение в ад" означает исчерпание активным существом некоторых низших возможностей для последующего восхождения к высшим сферам, то "падение в топи" является полной победой этих низших возможностей над существом, их доминацией над ним и, в конце концов, его полным поглощением." И наконец, последнее важнейшее соображение, высказанное Геноном, касается специфики "психоаналитической передачи", так как известно, что всякий психоаналитик, прежде чем практиковать на других, должен сам подвергнуться психоанализу. Этот факт подтверждает, что "человек, подвергшийся психоанализу, никогда не остается тем, кем он был до этого". "Испытание этого метода оставляет на человеке несмываемую отметину, как инициация, с той лишь разницей, что инициация ориентирована вверх, на развитие духовных возможностей, а психоанализ, напротив, открывает дорогу развитию низших подчеловеческих сил. Здесь мы имеем дело

с имитацией инициатической трансмиссии, причем более всего это напоминает трансмиссии, практикуемые в магии и колдовстве.” Генон указывает на то, что в этом вопросе нет никакой ясности, поскольку для того, чтобы передать другим нечто, основатели психоанализа должны были сами откуда-то это получить. Кто “посвятил” доктора Фрейда в эту темную сферу, до сих пор не ясно. Но как бы то ни было, Генон указывает на тот факт, что все содержание психоанализа являет собой почти полную аналогию темным ритуалам, связанным с “почитанием дьявола”. Следовательно, искать надо где-то в этой сфере.

Доктор Фрейд и демоница Лилит

Теперь обратимся к иному аспекту фрейдистского учения, связанного не просто с извращением традиции, но с акцентом, которое оно ставит на вопросе пола. Здесь тоже мы сталкиваемся с весьма сомнительными тенденциями, которые не просто экзальтируют секс, как основу интерпретации психо-физической деятельности человека, но подспудно навязывают весьма специфическое понимание эротики, возведенное в норму.

Описывая структуру подсознательного, Фрейд выделяет как его базовые тенденции две категории - эрос и танатос. Под “эросом”, однако, он понимает смутное постоянное напряженное влечение, не имеющее ни конкретного объекта, ни ясной ориентации, ни даже субъекта, его переживающего. Подобное описание “эроса” отнюдь не является чем-то универсальным, но характеризует совершенно особый тип сексуальности, свойственный сугубо женскому эротизму, симптомы которого подробно описаны Бахофеном, а позже Вайненгером и Эволой. “Эрос” у Фрейда является калькой с психологического фона древних матриархальных культур, психические пережитки которых действительно сохранились у человечества в виде “резидуальных”, “остаточных” элементов бессознательного. Исследуя сексуальность человека, Фрейд настойчиво проводит идею, что матриархальный эрос является угнетенным, подавленным патриархальным комплексом, связанным с сознанием и этическими императивами. Иными словами, он как бы отказывает патриархальной, сугубо мужской сексуальности в том, что она является вообще какой-либо сексуальностью, описывая ее в терминах “подавление”, “комплекс”, “насилие” и т.д.

Карта бессознательного, выработанная Фрейдом, помимо матриархальной сексуальности, отождествленной им с “эросом” как таковым, имеет и другой полюс - “танатос”, т.е. “смерть”. Весьма характерно, что смерть Фрейд понимает как самый радикальный материалист, т.е. как полное и окончательное уничтожение, как тотальную гибель временного психо-физического человеческого организма. Взаимоотношения между “эросом” и “танатосом” у самого Фрейда описаны довольно туманно, но все же можно увидеть между этими полюсами как диалектическое единство, так и противоположность. Представляется, что в его понимании “эрос” есть динамическая экзальтации подсознательного рассеянного влечения, максимум его напряженности, тогда как “танатос” представляет собой, напротив, стремление к покою, к расслаблению “эротического” напряжения, к стагнации и замораживанию сексуальных энергий. Единство же и того и другого можно усмотреть в общности их природы, коренящейся в донном фоне подсознания, в низших вегетативных регионах психики, где грань между движением и неподвижностью является размытой, неопределенной и “плавающей”, где “существование” и “несуществование” мягко переходят друг в друга.

И все же у Фрейда в двух этих терминах заключается некоторая неакцентированная аксиология, ценностная “иерархия”. “Эрос”, напряженность матриархально-эротических рассеянных импульсов, выдается за нечто потенциально “позитивное”, тогда как “танатос”, полный штиль подсознания, рассматривается как нечто “негативное”. Но

“позитивное” начало, матриархальный “эрос” Фрейда находится в постоянной борьбе с более высокими уровнями психики, с сознанием, ощущением “я” и т.д. Эти уровни как бы угнетают стихию “желания”, разлагают и дробят ее, отбрасывая постоянно нарождающийся эротический фон подсознания к статическим регионам “танатоса”. Перипетии этой борьбы Фрейд угадывает и в снах, и в оговорках, и в психических заболеваниях, и в культуре, и даже в религии и мифологии. По ходу дела он выделяет множество нюансов, вводит ряд специфических терминов, формулирует некоторые терапевтические принципы психоанализа. Но сущность его картины мира остается связанной с утверждением центральности сугубо “женской” сексуальности, (женской по своему внутреннему качеству, а не потому, что он особое внимание уделял этому полу в своих концепциях), которую надо “освободить” от холодного гнета “сознания”, “субъектности”, “пережитков патриархальности”, чреватой, по мнению Фрейда, “танатофилией”.

Эта ценностная нагрузка фрейдисткой доктрины, встающей на сторону “матриархальной сексуальности”, совершенно точно соответствует главному тезису Генона в критике психоанализа. - Действительно, мир “тьмы кромешной”, субтильные психические регионы, близкие к нижней границе ада, всегда описывались в Традиции как “царство матерей”, как регионы “Великой Матери”, как миры “женских демонов”, “амазонок”, “подземных цариц” и т. д. Доктрины гностиков описывали “миры матерей”, как регионы “Ахамот”, женского эона, который, пребывая на дне творения, пытается по примеру Неба породить путем партеногенеза оформленные миры. Но у “женского эона” имитация творения не получается: Ахамот удается создать только монстров и уродов, так как ее творческая, пластическая потенция не оплодотворена божественной, небесной силой Мужчины, Светового Антропоса. В иудейской традиции реальность, описанная Фрейдом как “эрос”, однозначно соотносится с демоницей Лилит, первой “женой Адама”, которая оказалась “неудачной” и была вытеснена из дневного мира в регионы снов, кошмаров и злых видений. Заметим, что мифология, связанная с Лилит в талмуде и каббале, имеет множество параллелей с основными сюжетами фрейдизма.

Здесь следует обратиться к одному замечанию Генона, которое он сделал в сноске к тексту, посвященному критике психоанализа. Генон указывает на тот факт, что главные теоретики современного интеллектуального извращения принадлежат к еврейской нации (кроме Фрейда он упоминает также Бергсона и Энштейна). С точки зрения Генона, это объясняется тем, что “иудейство” как тенденция “кочевнической цивилизации”, будучи оторванной от своей ортодоксальной традиции, в современном мире выражает сугубо негативные, разлагающие, темные импульсы, призванные окончательно размыть остатки традиционной структуры цивилизации, по инерции сохранившиеся со времен Средневековья. Генон называет эти импульсы термином “nomadisme devie”, т.е. “извращенное кочевничество”. Таким образом, возможно соотнести “матриархальный” эротизм Фрейда со спецификой его национальной принадлежности, вынесенной за рамки ортодоксальных религиозных форм.

Эта точка зрения в другом контексте полностью подтверждается в исследованиях Отто Вайнингера, который в книге “Пол и характер” однозначно отождествляет психологический тип “еврея” и “еврейства” в целом с сугубо женской психологией. Вайнингер дает несколько предельно радикальных формул - “у еврея, как и у женщин, личность совершенно отсутствует” или “истинный еврей, как и женщина, лишен собственного “я” или даже “у абсолютного еврея души нет”. Вайнингер, отталкиваясь от психологических наблюдений за проявлениями евреев в быту, политике, искусстве и т.д. (необходимо заметить, что сам он был евреем и поэтому его свидетельство не может быть отнесено к вульгарному антисемитизму), подводит к пониманию специфики

фрейдовского психоанализа как учения, канонизирующего сугубо женскую эротическую специфику, что дополняет и подтверждает тезис о “матриархальной” ориентации “эроса” в понимании Фрейда. Любопытно также, что Карл Густав Юнг, ученик Фрейда, также пришел к выводу о национальной специфике фрейдизма и отличал его от психоанализа, основывающегося на исследовании нееврейского “бессознательного”. В комментариях к тибетской “Книге Мертвых” Юнг намекает на то, что фрейдизм апеллирует только к самым плоским регионам “бессознательного”, связанным с примарным вегетативным влечением к коитусу, оставляя всю полноту психической жизни, все архетипы, образы и структуры “бессознательного” за кадром. До Второй мировой войны Юнг даже писал о двух типах “коллективного бессознательного” - “арийском” и “еврейском” (позже, возможно, по политическим соображениям, он этой темы не затрагивал). Как бы то ни было, мнение Юнга точно соответствует максиме Вайнингера о том, что “у еврея нет души”, и даже что “еврей в глубочайшей основе своей есть ничто”.

Остается добавить в качестве гипотезы о таинственном происхождении психоанализа, на которое указывал Генон, что, по сведениям биографов, Зигмунд Фрейд входил в масонские инициатические круги, известные как ложа “Бнай Брит”, и именно там, видимо, ему был дан изначальный опыт, запечатленный им в эпиграфе из Вергилия (“Энеада”) к “Толкованию снов” - “Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo” (“Не имея возможности направиться в высшие сферы, я двинулся к Ахеронту”). Ахеронт - это подземная река в греческой мифологии, отделяющая мир живых от мира теней, мира мертвых. Ее “пересечение” означает в прямом смысле спуск в ад. Речь идет о своеобразной “контринициатической” практике, которая устанавливает связь между человеком и миром “тьмы кромешной”, “миром Лилит или левой стороны”, как называется соответствующая реальность в “Зохаре”, основной книге каббалы.

Сексуальная революция мужчин

Беспристрастный взгляд на психоанализ Фрейда приводит нас к выводу, что даже малейший шаг, сделанный в направлении этой зловещей реальности, чреват не оздоровлением личной сексуальности, но окончательным погружением в опасные регионы “низшего психизма”, в подземный мир “матерей”, откуда нет возврата. Но вместе с тем нельзя отрицать и самой проблемы, заключающейся в прогрессивной дестабилизации человеческой сексуальности, в возрастании фрустраций и комплексов, коренящихся в сфере эротики. Путь психоанализа заключается в освобождении донных, матриархальных, сугубо женских энергий, хаотически вибрирующих в нижайших регионах психики. Очевидно, что такое освобождение не может излечить даже женщину, подобно тому, как в гностическом мифе об Ахамот, “женский эон” не мог создать без участия мужского начала ничего, кроме монстров и уродов. Также и раскрепощение “матриархального эротизма” не может привести ни к чему иному, кроме как к культурной, творческой и даже политической патологии. (Заметим, что среди постперестроечных политиков очень много “женственных” типов, что часто сопровождается и их специфической национальной принадлежностью.) Но какова альтернатива? Какую эротическую систему ориентаций принять за норму?

Кризис сексуальности отражает более общий кризис современной цивилизации, и на уровне секса лишь проявляются более общие и более глубокие процессы человеческой и социальной деградации. Параллельно тому, как сам кризис является следствием разрыва с Традицией, так и эротические проблемы современных людей проистекают из утраты традиционного отношения к полу и половой реальности человека.

Всякая полноценная традиция основана на центральности солнечного, активного, светового, духовного Принципа, главным носителем которого всегда считался мужчина.

Подобно тому, как реставрация Традиции неминуемо означала бы утверждение Духовного над материальным и Сакрального над профаническим, точно так же и путь к сексуальному оздоровлению может проходить только через утверждения главенства и центральности мужской эротики, в которой проявляется солнечный, аполлонический и формообразующий принцип. Мужской эротизм создает духовную и экзистенциальную ось, организующую и ориентирующую рассеянную потенцию женского влечения. Мужчина строго определяет субъект и объект желания, устанавливает дистанцию этических и эстетических пропорций, осознает и сакрализирует великие энергии Любви, просветляя их лучами духовного солнца. Конечно, мужская эротика действительно подавляет хаотические импульсы подсознания, привносит в буйство донных энергий волю и порядок, что не может не причинять этим психическим силам некоторых неудобств. Но определенное мужское насилие над “матриархальным” эросом (как внешним, так и внутренним) не есть, вопреки Фрейду, “танатофилия” и “источник комплексов”. Это, напротив, преображение имманентных сил души, их “ангелизация”, их сакрализация. Предел, который мужская эротика кладет хаосу, не есть бессмысленный “танатос” психоаналитиков. Это - акт творения, созидания, направление энергии на героическое действие, в чем бы оно ни проявлялось - в религиозной аскезе, в страстной любви, в интеллектуальном усилии, в искусстве войны или в творчестве.

Фрейд стремился растворить ось мужской эротики, используя для этого “нижние воды” матриархального эротизма. На этом пути в “Елевсинские топи” не только мужчина подвергается кастрации, но и сама женщина обрекается на роль бесплодной Ахамот гностиков. Фрустрация, комплексы и отчуждение никуда не исчезают. Просто психоаналитики учат воспринимать бесцельный хаос неудовлетворенного влечения как источник “фиктивного наслаждения”. Вряд ли следует доказывать, что речь идет о психологической иллюзии. Уничтожая мужчину, извратив и оболгав его особую, позитивную, созидательную эротику, последователи Фрейда не устраивают “сексуальную революцию”, но радикально “десексуализируют” мир. Потакая перверсии, патологии, гомосексуальным и инцестуальным импульсам, порнографии и т.д. адепты психоанализа окончательно изгоняют из культурно-социальной реальности “фаллический принцип”, фигуру Героя, солнечного Мужчины, подлинного эротического Субъекта и, одновременно, источника настоящего наслаждения. Повальное увлечение “эротизмом” приводит к его безвозвратной утрате. Давно замечено, что снятие сексуальных табу в некоторых европейских странах привело к резкому сокращению реальных половых связей между людьми. - В этом состоит некая инфернальная ирония “мира Лилит” над одураченными людьми; хищная демоница и ее свита эгоистически стремятся сохранить энергию человеческого желания только для самих себя, для “вампирических” существ тонкого мира.

Альтернатива “кромешной тьме” фрейдизма - в Возвращении Мужчин, в революции фаллических героев против современного вырождения, в воскрешении таинства пола во всем его сакральном объеме. Но истинного мужчину мутит от грязного духа цивилизации, основанной на принципах “извращенного кочевничества”. Вряд ли истинные герои захотят жить в мире, построенном по проектам тех, “у кого нет души” и “собственного я” (по Вайнингеру). Так что подлинная “сексуальная революция”, “революция мужчин” должна вначале снести до основания подлую социальную постройку и возродить верность национальным и религиозным традициям во всем их объеме.

Понятно, что первыми жертвами этой революции должны стать глашатаи “Елевсинских топей”, подрывники-психоаналитики, тайные агенты “армии доктора Фрейда”, сознательные или несознательные служители “левой стороны”, “мира тьмы кромешной”.

ВОССТАНИЕ ЭРОСА

Эротика в профаническом и сакральном мирах

Сакральный подход к реальности в целом, рассмотрение той или иной ее стороны с точки зрения Традиции отличается от профанической позиции тем, что сакральное мировоззрение понимает все как символ, как нечто неравное самому себе, как нечто указующее на иные, духовные, метафизические сферы, на трансцендентные модальности Бытия. Профанизм, напротив, стремится взять вещь как нечто самодостаточное, законченное, или, в другом случае, свести ее к некоторому конкретному, ощутимому уровню. Это справедливо для любого вопроса и любой проблемы. Это справедливо и в отношении проблемы секса, эротизма. Более того, поскольку вопрос эротизма переживается людьми, как что-то интимное, как что-то глубинное и изначальное, обладающее при этом гигантской властью над самыми базовыми механизмами человеческой психики, именно в сфере секса грань между сакральным и профаническим столь ярка и очевидна, столь высвечена, столь резка.

Проблема эротики не является просто одной из проблем наряду с другими, она обладает в контексте "человеческого" очевидной центральностью. Именно поэтому очень часто вопросы, связанные с эротикой, ложились в основание религиозных, философских, моральных и научных доктрин. С сексом стали увязывать самые разнообразные сферы человеческого существования не только после формулировки психоаналитических доктрин — подобные связи вскрывались в самых древних памятниках человеческой истории. Влюбленность императора или сексуальные особенности фараона не раз изменяли не только политический, но и духовный ход истории. Даже применительно к миру богов древние использовали принцип объяснения "через секс". (Вспомним, хотя бы, божественную предысторию Троянской войны.)

Профанический подход к пониманию центральности эротического фактора заключается в том, что сама возможность такого понимания заведомо исключается. С точки зрения профанов, сексуальность довлеет над человеком как проявление его животной, телесной природы, как выражение глубинного инстинкта к наслаждению. Поиск наслаждения, воля к наслаждению суть основные характеристики человеческого существа, как его понимает либеральная атеистическая идеология Просвещения, повлиявшая в той или иной сфере на весь современный образ мысли. Иными словами, в самом сексе профаны видят предельное объяснение "человеческого факта". Такая логика нашла свое завершение именно в психоанализе, но любопытно, что еще в древние эпохи всякий всплеск скепсиса и профанизма очень быстро приводил к схожим выводам мыслителей, принадлежавших к иным культурам и цивилизациям. Однако наша эпоха отличается тем, что в ней такой "сексоцентризм" стал доминирующим культурным явлением, тогда как раньше все оставалась на уровне более или менее маргинальных тенденций.

Если профаны усматривают в эротике последние объяснение человека (не нуждающееся в дальнейшей расшифровке), то люди Традиции чтят в ней символ, мистерию, особое знание, постичь, расшифровать и реализовать которое — задача каждого человеческого существа. В Традиции секс был ритуальным действием, в котором проявлялась сама основа реальности. Традиция видела в эротике отражение глубинной онтологической доктрины, и именно как доктрину, как Учение, как Откровение воспринимали люди сакральной цивилизации тот тайный импульс, который сквозь века обращал огненную энергию мужчины к женщине и провоцировал томительное ожидание женщиной мужчины. В Традиции эротизм централен не потому, что он довлеет над человеком, но напротив, он довлеет над человеком потому, что связан с тайным

центральным основанием самой реальности, посылающей весть человеку о своей природе именно через секс. Таким образом, в сакральной перспективе речь идет не о технической стороне эротики, но об ее онтологии, о постижении ее смысла.

Секс — символ. Он нуждается в объяснении. Необходимо понять, что именно он символизирует и о чем собственно он повествует?

ВЕЛИКАЯ ДИАДА

Сама этимология латинского слова “секс”, равно как и русского “пол”, выражает собой идею “разделенности”, “половины”, “дуальности”. Самым важным в определении эротики, таким образом, является постулирование наличия Двух, не одного, не трех, не множества, а именно Двух, Диады. Следовательно, для постижения истоков эротики необходимо обратиться к тем онтологическим сферам, где происходит первое рождение этой Диады.

Первая фраза Ветхого Завета, Бытие 1.1, звучит так: “В начале сотворил Бог небо и землю”. Иными словами Творение началось именно с создание Диады, Пары, Двух, а не одного, и не множества. И лишь далее, отправляясь от этой Первой Пары, начинается создание всех остальных модальностей Вселенной, которые с логической неизбежностью отныне несут на себе отпечаток изначальной двойственности. Над землей два светила, два времени суток (день и ночь), райское дерево Познание тоже имеет два плода (добра и зла) и, наконец, человек создается в виде двух полов — “мужчину и женщину сотворил Он их”.

Адам и Евва, продолжают путь двойственности, вначале съедая плоды запретного Древа, потом воспылав плотской страстью, потом порождая первую пару детей, Каина и Авеля, которые приносят в человеческую историю архетип убийства и смерти. Но логика Священного Писания недвусмысленно показывает, что все диады берут свое начало именно в первом действии Творца, создавшего основу мира сразу из двух “половин”, из двух частей, из двух “полов”, чьим высшим архетипом является пара Земля-Небо.

В китайской традиции фундаментальный дуализм бытия воплощен в синтетическом символе Инь-Ян. Эта традиция основана как раз на сведении всего множества вещей к этой паре мужского и женского начал, понимаемых онтологически и универсально.

Перводиада в индуизме определяется терминами Пуруша-Пракрити, которые выполняет сходные космогонические функции.

В принципе, никакой произвольности в помещении у истоков Бытия именно Диады нет. Единое не может явить себя, не разделившись прежде на две составляющие, так как явление предполагает изначально деление на того, кто является, и того, кому он является. Причем тот, кто является, безусловно, важнее того, кому он является, или, в иных терминах, тот, кто является, — активен (Небо, мужское начало), тот кому он является, — пассивен (Земля, женское начало). Из этого следует, что “пол” является корнем и необходимым условием всякого Проявления, всякого Творения, всякой манифестации. И наоборот, все проявленное имеет своим истоком Диаду.

Пол, данный человеку, как внутреннее магнетическое влечение, как перманентное беспокойство, как нестихающий будоражащий импульс, связан, таким образом, с принципом Проявления, Явления, а значит с фундаментальными основами онтологии. Проблема “секса”, “пола” есть проблема метафизическая и спиритуальная, а

следовательно, ее решение и даже ее постановка должны охватывать сущностную сторону реальности. По спирали смысла сакральное понимание эротики возводит ее к изначальным архетипам, моделирующим реальность в наиболее глубинных, корневых аспектах.

В ординарном и обыденном опыте, в своем органичном и "естественном" желании человеческое существо соучаствует в странной тайне Творения, в примордиальной драме возникновения Диады, где Небо Духа, явившись, с изумлением сталкивается с Землей Материи, как с чем-то другим, нежели оно само, а сама черная Земля с восторженным ужасом взирает на абсолютную голубизну холодной небесной сферы. Мужчина и Женщина, расколотые и разделенные по велению загадочного декрета, каждое мгновение, желая друг друга, возрождают онтологические отношения первозданного, дочеловеческого, метафизического мира, на котором еще так заметна печать Творца.

A-MOR

"Счастливая любовь не имеет истории", — писал в своей книге "Любовь и Запад" французский интеллектуал Дени де Ружмон. В этом исследовании де Ружмона на примере архетипического мифа о Тристане и Изольде показывается, что самые чистые парадигмы любовной эпопеи или мифа о любви с необходимостью основаны на идее любви несчастной. Высшего напряжения эротизм достигает именно в трагедии, в разделенности, в обреченности "половин" оставаться вдали друг от друга. Де Ружмон приводит как иллюстрацию тот фрагмент повествования о Тристане и Изольде, где, прожив друг с другом 3 года в лесу, они решают расстаться — Изольда возвращается к королю Марку, а Тристан уезжает в далекие страны. Они расстаются сознательно, продолжая любить друг друга, чтобы встретиться по ту сторону смерти. Почему такое, на первый взгляд, абсурдное решение для тех, кто не может жить друг без друга?

В этом сюжете проявляется тайная подоплека сакрального секса, который принципиально не может удовлетвориться временным и фрагментарным слиянием двух полов, но настаивает на "этернизации", на абсолютизации брака, который должен осуществиться таким образом, чтобы соитие любящих ни на миг не прерывалось периодами разделения. Однако в земном мире такой "перманентный брак" невозможен, он противоречит не только физиологическим свойствам человеческого организма, но и самой структуре Вселенной, где царствуют пары — жизнь-смерть, день-ночь, верх-низ и т.д. Земная любовь обречена на крах. Она изначально драматична. Она с самого первого пробуждения чувства находится под законами Великой Диады, вращающей вторичные космические пары с неумолимой фатальностью.

Эротика несет в себе неизбывный метафизический трагизм. Любящие стремятся совершить нечто, что лежит по ту сторону возможностей мира, они хотят повернуть вспять неумолимую логику Закона, начатую с первых слов "Библии" — "В начале сотворил Бог небо и землю". Естественно, невозможное невозможно, но это не может заставить любящих не любить, а желающих друг друга не желать. Неснимаемая драма любви, великая напряженность секса существуют как тайная воля к альтернативному устройству реальности, в которой "в начале" должно быть нечто другое, нежели Великая Диада.

В Средневековье трубадуры и миннезингеры эзотерически расшифровывали слово "AMOR", "Любовь", как "A-MORS", то есть как "Не-смерть", "бессмертие". Это было отнюдь не поэтической метафорой — куртуазные поэмы и ритуалы были зашифрованными доктринами особого религиозного гностического толка, в которых

любовь понималась как эффективный и вполне конкретный метод достижения подлинного “бессмертия”. В этих гностических кругах Творение мира считалось не чем-то позитивным, но скорее, катастрофой, разрушившей полноту, плерому божественной пред-тварной гармонии. Смерть была, по мнению этих кругов, не концом Творения, но его изначальной сущностью, так как всякое разделение — будь то неба и земли или души и тела — есть уже разрушение Единства, Единственности. Любовь же в этом религиозном контексте понималась как остаточная онтологическая ностальгия по реальному, благому до-тварному миру, и поэтому как ценнейшее метафизическое качество она ставилась на центральное место всей доктрины. Благодаря эротике человек может осознать всю роковую фатальность Перводиады, через экзальтацию обреченной любви способен он заглянуть в области, неподвластные Смерти.

“Vive Dieu Saint-Amour” (“Да здравствует Бог-Святая Любовь”) — таков был клич тамплиеров. На одной фразе апостола Иоанна из “Нового Завета” — “Бог есть любовь” — была основана целая особая теология, как выражение предельного христианского пафоса, как экстремальное и бескомпромиссное горение духом посланий Св. апостола Павла. Когда Св. апостол Павел произнес фразу, что “несть ни мужеска пола, ни женска”, он имел в виду именно этот трансцендентный, нетварный и сверхтварный мир, где парадоксальным образом отменяется вся ветхозаветная космогония, все роковые нормы реальности, устроенной по законам двойственности. В принципе, сам он недвусмысленно говорил: “прейде сень законная” — т.е. “творение преодолено”, преодолено воплощением нетварного Сына, который победил Смерть и который есть Любовь.

В самом Евангелии сказано: “небо и земля прейдут, слова мои пребудут во веки”. Так и трагические любовники Тристан и Изольда, символы мужского Неба и женской Земли, “прешли”, “умерли”, “погибли”, но Любовь их, как Слово Божие, пребывает во веки, по ту сторону смерти.

“Небо и земля прейдут” — эта фраза отсылает нас к эсхатологии, науке, занимающейся проблемой Конца Времен, Конца Мира. Если Диада, породившая несчастную любовь, делающая эту любовь несчастной именно за счет своей двойственной природы, была создана как пара “небо и земля”, то не будет ли смерть “неба и земли” тем моментом, в котором Великое Желание имеет шанс наконец осуществиться полностью? Не является ли именно смерть путем к Бессмертию?

Эсхатологическая эротика

Прокреация, лозунг “плодитесь и размножайтесь”, равно как и поиск чистого наслаждения, с сакральной точки зрения, не имеют ни малейшего отношения ни к Любви, ни к эротике. Оба этих банальных решения Великого Желания лишь отодвигают истинную проблему “пола”. В них — бегство, страх, подмена. Но снова и снова мужчины и женщины загораются тревожным влечением, которое невозможно погасить ни развратом, ни воздержанием и которое продолжает изнутри мучить и разъедать сердца таинственной волей к Невозможному, к трансцендентному браку, к волшебной свадьбе по ту сторону реальности...

Мечта о Сказочном Принце и Прекрасной Даме не имеют исторической или возрастной локализации, они — не просто продукт романтического Средневековья или инфантильных фантазий подростков. В них оживают древнейшие, глубиннейшие архетипы, обладающие самостоятельным существованием, не зависящим от конкретного индивидуума. Ожидание Сказочного Принца — вечная внутренняя драма любой полноценной женщины. Поиск Прекрасной Дамы скрыто ориентирует жизненные

импульсы любого подлинного мужчины. В этом проявляется вертикальный вектор эротики. В этом обнаруживает себя сакральная подоплека "пола".

Христианская традиция ставит брачный символизм на центральное место. Брачное таинство Агнца с невестами человеческих душ служит основой эротической направленности религиозной реализации верующих. Это таинство происходит в точке Полуночи, в момент достижения солнцем своей низшей позиции под горизонтом. В богословской интерпретации Великий Брак Агнца осуществится в Конце Времен, в момент Страшного Суда.

Христианство — это религия эсхатологическая. Ее смысл и особость ее послания в том, что она объявляет о скором Конце Света, прообраз которого уже осуществился в Первом Пришествии Иисуса Христа. Отныне невозможное в рамках Закона становится возможным силою Благодати, но все же таинство Благодати еще некоторое время принуждено оставаться в скрытом состоянии, прежде чем пройдут испытания Антихристом, и лишь после завершения "апостасии", отступничества, полнота Благодати явит себя в полной мире. Обещание, данное немногим, станет тогда очевидностью для всех, а потенциальное преображение мира превратится в единственную действительность. Конец Мира не случайно совпадает с реализацией Брачной Вечери. Пока мир есть, пока в нем доминирует закон разделения и Диады, любовь остается безысходной трагедией, адской мукой существ, ищущих своего подлинного Возлюбленного. Творение и Любовь несовместимы. Либо Творение, либо Любовь. Здесь глубочайший революционный смысл христианской традиции, христианского откровения, откровения Любви.

Динамика радикального эротизма, открывающего в своем истоке жажду Невозможного, рано или поздно, в безумии неутоленности, подводит к тому, что преграда в виде роковой реальности перестает рассматриваться как нечто вечное, непреходящее, непреодолимое. Если мир убивает Любовь, подавляет, унижает, распластывает ее, то вполне закономерно, что Любовь рано или поздно ответит ему тем же и ... убьет мир.

В преданиях кельтов есть такой сюжет, цитируемый Фулканелли: храбрые кельты хвалились тем, что не боятся ничего, кроме того, что небо упадет им на голову. Иными словами, мир будет стоять твердо пока не произойдет нечто обратное тому, о чем идет речь в первом параграфе Книги Бытия: "В начале сотворил Бог небо и землю". В конце мира эти два перестанут быть двумя. Небо и земля сомкнутся в нерасторжимых объятиях, умирая как "старое небо" и "старая земля", но воскресая в духовном мире трансцендентного Брака. Мучительная, неутолимая, несчастная любовь Земли к Небу, а Неба к Земле, которой эти древние принципы пылают друг к другу в течение столь долгих циклов, однажды прорвет чары изначального приказа, и они сольются в страстных объятиях.

Мир кончится.

Любовь начнется.

Судя по знакам времени сегодня даже храбрые кельты имеют все основания для страха. А все любящие — основания для немыслимой, невероятной надежды, надежды на близкое свершение Невозможного.

Последнее восстание любящих

Может показаться, что сакральная любовь, священный эротизм Традиции является чем-то совершенно отличным от обыкновенной эротики, от той половой реальности,

которую банально переживают миллионы профанических существ. Такой дуализм “священной любви к Богу” и “греховной любви к плоти” отчасти был заложен христианской моралью. Однако и в первом и во втором случае речь идет не о двух различных импульсах, желаниях и побуждениях, но о двух степенях глубины одного и того же чувства, которое может потеряться в горизонтальных лабиринтах психофизических ощущений, а может сконцентрироваться в вертикальном порыве к метафизическому верху. “Песнь Песен” Библии — это глубинный теологический трактат о пламенном браке великого царя и божественного присутствия, но его язык — язык жаркой и страстной телесной любви. Попытка разделить “агапе” как “моральную любовь”, “любовь-уважение”, “любовь-простое родственное или социальное чувство”, с одной стороны, и “эрос” как “греховное возгорание”, “плотский восторг”, с другой стороны, — лишь типично фарисейское стремление лишить Откровение его эсхатологической мощи, его универсальности, его интимного проникновения в самый центр человеческого существа.

Морализм всегда и во всех случаях несет в себе неизбежную ложь, скрытый порок. Это объясняется тем, что он настаивает на непреходящести, неснимаемости пары “добро-зло”, забывая при этом, что именно вкушение познания этой безысходной пары послужило причиной грехопадения Адама. Древо познания добра и зла, высшая инстанция моралистов всех типов и видов, всех религий и культур — это генеральный штаб по борьбе с Любовью и Жизнью. Древо Жизни — едино, в нем нет разделений. Цепкие корни его уходят в глубину подземных инстинктов, но зато сияющая крона его сопричастна мистериям Неба.

Любовь — едина и неделима. В ней нет позитивных и негативных аспектов. Единственным грехом в ней считается прохладность, вялость, разменивание тотального фанатического экстаза на мелкие эмоции — как в либертинаже, так и в аскезе. Грех —это отсутствие Любви. Когда эрос молчит, говорит коварная смерть Диады, выдающая себя за объективную истину, за справедливый порядок, за наилучшее, наиразумнейшее устройство мира.

Фигура Марии Магдалины — архетип того, как избыток горизонтального эротизма приводит к высшей Любви. Изнывая от неутолимой жажды, истинно любящие переживают свой путь как сознательно избранный ад. Но именно безбрежность боли учит их отличать скрытую под обманчивыми личинами нищеты роскошную Истину трансцендентного от трупного запаха материи, завуалированной изысканными тогами первосвященников.

В эротике необходимым условием является нагота. Не только нагота тел, но, в первую очередь, нагота душ. Эрос ненавидит лжи пестрых одежд, он требует всей правды, откровения всего онтологического объема, прячущегося за обманчивым миром феноменов. Ритуальная нагота святых — это духовная проекция наготы двух возлюбленных. Ангелы тоже не имеют одежд — их единственным покровом является Свет Бытия.

Профанизация эротики, секса — это не только отклонение фундаментального желания от вертикальной сферы, это еще и выхолащивание самого эротического импульса. Превращая эротику в товар, моду, социальную мотивацию и т.д. профаны убивают ее сущность. Отсюда все возрастающая роль “ментальной и визуальной эротики” в современной цивилизации — утраченное качество люди пытаются восполнить количеством, вариациями, отменой табу. Но все это никак не может воспрепятствовать смерти Любви — ее становится все меньше и меньше; даже чувственный жар

превращается в ровное теплое тление, а плотский порыв заменяется на привычную усредненную эротическую интонсикацию. Сексуальная революция была всплеском отчаяния. После нее пришла устойчивая мода на асексуальность. Вырождению эротики в современном мире странно радуются моралисты: еще бы, Любовь — их главный враг со времен Первотворения —дискредитирована, вовлечена в энтропию, профанирована и обречена на гротескную немощь. В борьбе против “звериного” в человеке моралисты успешно создали автомат, “повапленый гроб”, homo rationalis, машину, лишенную тайного огня. Крайний цинизм — называть это вырождение торжеством христианской этики (как подчас это делают протестанты, чемпионы псевдохристианского морализаторства).

Вечные противники Эроса сегодня имеют все основания радоваться. Тамплиеры и гностики Любви давно разгромлены. Святой Грааль успешно потерян. Бог-Любовь надежно забыт. Сакральное изгнано на периферию цивилизации, в “презренный” Третий мир. Земля и Небо, по видимости, утратили магическое чувство друг к другу, которое будоражило Вселенную столько тысячелетий. — Небо замкнулось в своей самодостаточной лазури, Земля увлечена гниением своего черного гумуса. Секс переведен в электронную область, а о Боге вообще никто не вспоминает. О “Fidele d’Amore” рахитичные профессора угрюмо кряхтят циничным материалистам-студентам с фальшивых университетских кафедр.

Древо Жизни выкорчевали, и крона его, упав, лежит за гранью горизонта — так высок был райский его ствол.

Но в тайне и отчаянии, в глубине урбанистических катакомб, среди омерзительного разложения людей, вещей и механизмов зреет восстание, восстание любящих. Сквозь них, обособленных и неизвестных, говорит неслышный голос все еще тоскующих небес и страстное одиночество земли. Они верны мистерии наготы —наготы тела, духа, бытия. Они жаждут Вечери Агнца, как жаждали первые, истинные христиане, а не тот фарисейский сброд, который сегодня называется этим именем, — “лаодикийский собор теплых”, отвергнутых не только пронзительным светом рая, но и огневым терзанием ада.

Мы знаем: мир скоро кончится. Кончится, потому что мы любим, потому что мы есть, потому что мы готовим Последнюю Революцию. Мы знаем: “небо и земля прейдут, но слова Его не прейдут”. Мы заканчиваем древний подкоп под проклятое древо Познания. Вместе с ним рухнет Вселенная, но Древо Жизни вновь, световым столбом, встанет посреди пустоты, окруженное сияющими стенами Нового Иерусалима, Иерусалима Вечной Любви.

Часть X. JUDAICA

ГОЛЕМ И ЕВРЕЙСКАЯ МЕТАФИЗИКА

Голем и тайна Израиля

Фигура Голема в иудейской традиции, как в талмудической, так и в каббалистической, играет очень важную роль, отнюдь не исчерпывающуюся чисто магическим курьезом послушного автомата на службе у волшебника. В ней кроется некая тайна, связанная с глубинами еврейской души, еврейской метафизики. Это тем более важно, что авраамическая традиция в целом (иудаизм, христианство, ислам) стала фактически синонимом Традиции Запада и даже западного сектора Востока. Следовательно, идея Голема имеет универсальную значимость и ее изучение может дать нам ключи к пониманию некоторых фундаментальных основ монотеизма и креационизма.

В своей глубокой книге “Символизм Каббалы” Гершом Шолем посвятил тематике Голема целый раздел, состоящий из нескольких глав, что лишний раз доказывает центральность этого символа, так как труды данного автора считаются сегодня наиболее серьезными и весомыми из всего того, что было написано об иудейской Традиции за последние 200 — 300 лет, и особенно о ее мистическом содержании. Среди прочих аспектов символизма Голема, к которым мы еще вернемся ниже, Г.Шолем отмечает тот факт, что некоторые традиционные источники самого Адама, Перво -человека, рассматривают как Перво-Голема. Центральность онтологической позиции Адама в монотеизме авраамического типа очевидна, и тем самым символизм Голема, уже одним фактом подобного связывания его с Адамом, автоматически попадает в самый центр религиозной Вселенной, в сердце священных доктрин.

Что же собственно такое “Голем”?

Это еврейское слово означает буквально:

1) неоформленная вещь, болванка;

2) куколка (насекомого);

3) фигура человека (из глины, снега и т.д.);

4) манекен;

5) идиот, балбес, олух.

Этимологически это скорее всего развитие корня “gal”, т.е. “груда, куча, груда развалин”. Любопытно сразу же отметить одну деталь. Из этого же корня (который сам по себе, видимо, восходит к очень древнему культовому сочетанию звуков, свойственному не только семитским, но и индо-арийским, тюркским и другим языкам), произошло и другое фундаментальное для иудейской мистики слово — “gilgul”, т.е. “круговращение душ”, “метаморфозы душ”. Возможно, что “круговращение душ” мыслилось как перемена “грубых форм”, как оживление поочередно различных “куч”,”груд” низшей материи, их временную индивидуализацию.

Таким образом, концепция “Голема” — это в первую очередь концепция “грубой формы”, оживляемой чем-то сущностно внешним по отношению к ней самой, чем-то приходящим со стороны и уходящим снова. И в этом смысле “големичность” Адама — это синоним его “земной природы”, его происхождения “из праха”, его подчеркнутой и сугубой тварности.

Бог сотворил Адама как Голема и вдохнул в него душу. Подобно этому ученые раввины создавали глиняных кукол и писали у них на лбу теургические заклинания или вкладывали в рот пентаграммы, что служило этим аппаратам аналогом “души”. Любопытно подчеркнуть это соответствие между душой и именем, прибегнув к совершенно иной традиции — к индуизму, где собственно душа называется “nama”, т.е.”имя”. Таким образом, механизм, сконструированный раввинами, оказывается не просто блажью или инженерными разработками забавляющихся ученых мужей, но

символической имитацией самого Творения, которая помогает оператору постичь его метафизическую и телеологическую подоплеку.

Но в чем же особость фигуры Голема? В чем его специфическое “иудейство”, раз во всех других традициях существую более или менее разработанные доктрины “плотной формы”, в которую облекается душа при рождении? Почему это сумрачное существо из талмудических легенд внушает такую тревогу и такую тоску? И кроме того многие версии этих легенд неизбежно оканчиваются катастрофой, фатальной не только для самого Голема, но, что гораздо важнее, для его создателя. Если продолжить развивать параллель между творением Адама Богом и конструированием Големов раввинами, не будет ли гибель раввина под обломками рухнувшего глиняного гиганта, выросшего до неимоверных пропорций, аналогом “Смерти Бога”, в отношении которой Ницше уточнял: “Бог умер. Мы убили его. Вы и я.” И сам рост Голема, не напоминает ли он демографический рост населения, действительно сопровождающийся в той или иной степени непременной “атеизацией”?

Специфическая иудаистичность и специфический трагизм темы Голема, на наш взгляд, связаны в сугубо иудейским пониманием концепции “Творения”(т.е. с собственно иудейским “креационизмом”), который от Перво-творения Бытия как такового через Адама-Голема находит свое последнее, во многом пародийное и гротескное, но тем не менее глубоко откровенческое воплощение в глиняной кукле из средневекового еврейского гетто. Иудейская и даже авраамическая (по меньшей мере строго авраамическая) религиозная перспектива характерна именно тем, что Бог в ней всегда и при всех обстоятельствах оказывается внешним, посторонним по отношению к Бытию, как в случае Вселенной, так и в случае существ , ее населяющих. Да, именно Он конструирует эту Вселенную, именно Он настраивает ее механизмы.Да, именно Он исправляет их, когда они приходят в упадок, но при всем этом его сущность всегда остается за кадром, вовне, откуда Он и руководит механическим функционированием имманентного Театра Теней. Эта отдельность, отделенность Бога-Творца, его вынесенность за рамки, придает иудаистскому религиозному сознанию скептическое отношение к космологии, к мифологии, ко всем тем аспектам Традиции, которые, напротив, тем или иным образом акцентируют либо имманентность, либо Абсолютное Единство Принципа. В этом смысле иудаизм бескомпромисен, и дистанция Твари от Творца никогда не уменьшается, никогда не преодолевается, будь то во времена страданий и диаспоры или в Великий Шаббат, в эпоху хилиазма. И темная, “ничтожащая” (в терминологии Хайдеггера) сторона этой дистанции конденсируется в гротескном образе Голема, унылого человеко-аппарата, вбирающего в себя всю безысходность раз и навсегда сотворенного, раз и навсегда отторгнутого от Бога Бытия. В Големе иудей видит не просто нечто внешнее, забавное или печальное, в нем он видит самого себя, свое “Я” и свой собственный народ, избранный среди других не в силу героических или жертвенных достоинств, а в силу своего бездонно отчаянного знания об Абсолютности Тщеты, через которую выражается в Бытии абсолютность дистанции между Творцом и Тварью. Иудейский гнозис — это гнозис отчаяния, и поэтому максима Экклезиаста — “умножающий познание умножает скорбь” — в первую очередь относится к познанию Израилем Бога, а равно и к познанию им самого себя.

Наиболее отчетливую и бескомпромиссную метафизическую формулировку трагической сущности иудейской “големичности” дал знаменитый сафедский каббалист Исаак Лурья в своей доктрине “Цимцум” (в учении “о сокращении”). Смысл этого учения в следующем: В противоположность неоплатонизму, говорящему об “эманациях Принципа”, т.е. о постепенном выходе Божественной Эссенции из себя самой и ее фиксации во все более и более плотные чувственные формы (что в сущности означает

божественную подоплеку проявленного космоса), доктрина “Цимцум” утверждает, что основным содержанием Бытия является процесс “сокращения Божественного”, Стягивания Бога к его невидимому центру, сужение Принципа, его исход из изначальной полноты (Плеромы) божественных потенций. В такой перспективе Творение является лишь трагическим следом Божественного Исхода, чувственной печатью Богооставленности, трагическим символом Абсолютной Тщеты, не имеющей никаких, даже парадоксальных шансов к искуплению. Лишь признание этого контр-эманационного пневматического сжатия, “сокращения”, и отказ от всяких пантеистических иллюзий становится парадоксальной добродетелью каббалистического благочестия. И фундаментальное для всего мистического иудаизма понятие “Тешуба”, “раскаяние”, отождествляется здесь как раз с этим трагическим признанием доктрины “Цимцум”.

Логика “учения о Сжатии” Исаака Лурьи точно соотносится с представлением о “големичности” (“аппаратности”) космоса, Перво-человека, человечества. Разница между ними лишь в том, что механическая Вселенная-Голем не догадывается о своей “ оставленности”, а Голем-человек может и догадаться. И тогда Голем-человек выражает свою догадку, догадку о марионеточности своей собственной природы, через порождение марионетки в чистом виде, через создание машины, аппарата, куклы. Конечно, это не разрешает основной проблемы (ее в иудейской перспективе вообще ничто не разрешает), но это максимально передает вкус страшного и гротескного Гнозиса, гнозиса Отчаяния, Тщеты и самопародии. “Знающий молчит” — гласит знаменитая максима китайского даоса Лао-Дзы. Но не является ли именно немота главным признаком Голема в талмудических преданиях, где подвергнутые испытанию на прозорливость раввины опознают его именно по этой отличительной черте? И не та же самая идея запечатлена в средневековых легендах, рассказывающих о все-знающих куклах-автоматах, построенных Альбертом Великим или Раймундом Лулием?

Таково особое специфическое знание, которое прямо или опосредованно вытекает из доведенного до логического предела иудейского креационистского Монотеизма. Немое знание куклы, подчиненной произволу оператора, пишущего или стирающего, повинуясь лишь своей прихоти, единственную букву в слове “эмет” (истина). (По преданию, если стереть со лба Голема “алеф”, то получится “мет”, то есть “смерть” и Голем застынет).

Разбитые вазы.

Существует расхожее мнение о том, что вопреки общей пессимистической ортодоксальной позиции иудаизма, в нем все-же существовало некоторое внутреннее оппозиционное течение, соответствующее более или менее неоплатонической, эманационистской перспективе. Под этим обычно имеют в виду каббалистическое учение о десяти сефирах, то есть о десяти промежуточных духовных инстанциях между бесконечно далеким Творцом и бесконечно близким обездоленным Творением. Но если поглубже присмотреться к доктрине сефирот, то и в ней мы заметим сугубо иудейскую скорбь, некое “дыхание Голема”, некий особый привкус отчаяния, который в корне изменит внешнюю схожесть с “учением об эманациях”. Яснее всего это сущностное различие видно у того же Исаака Лурьи, который представил концепцию сефир в наиболее ясном и в наиболее аутентично иудейском духе. Несмотря на тот факт, что для иудейской традиции сущностно чужда мифологичность как таковая, именно тогда, когда сами каббалисты парадоксальным образом обращаются к мифу, сущностный анти-мифологизм иудаизма проявляется во всей своей абсолютности. (Чего, как нам кажется не понял и сам Г. Шолем, подробно разбиравший эти темы).Концепция И. Лурьи на сей счет такова:

В мире Принципа существовал Духовный Архетип, Адам Кадмон, Перво-форма. Он был полон и совершенен. Но он решил излить свою полноту вовне. Для этого он подготовил десять ваз, то есть десять сефир (“сефира “ по-еврейски “цифра”, а “сефер” — ”книга”, две идеи , одинаково заключенные в каббалистической концепции сефир). Он расположил их иерархически , чтобы наполнить каждую из ваз светом, исходящим из своих собственных соответствующих архетипических частей. Традиционное расположение сефир таково:

1 — КЕТЕР (КОРОНА) 2 — ХОКМА (МУДРОСТЬ) 3 — БИНА (ЗНАНИЕ) 4 — ХЕСЕД (МИЛОСТЬ) 5 — ГЕБУРА (СИЛА) 6 — ТИФЕРЕТ (КРАСОТА) 7 — НЕЦА (ПОБЕДА) 8 — ХОД (СЛАВА) 9 — ИЕСОД (ОСНОВА) 1О — МАЛЬКУТ (ЦАРСТВА)

После этого Адам Кадмон испустил лучи, но произошло непредвиденное. Вазы сефир не выдержали Света и разбились. Часть Света вернулась к Адаму Кадмону, а часть пролилась вниз во тьму. И с тех пор, согласно этой концепции, все вещи находятся не там, где они должны были бы быть.

Если мы внимательно вдумаемся в эту доктрину, станет очевидным, что, если здесь и идет речь об эманации, то об эманации неудачной. И более того, сами сефиры играют здесь роль не эманационных стадий, а роль механических конструкций, которые, несмотря на божественность создателя, все равно, будучи сущностно грубыми, големическими, аппаратными, не способны адекватно воспринять полноту Принципа.

В этом — не просто метафизический волюнтаризм сафедского каббалиста. В этом — вся интуиция Израиля, но только на сей раз четко осознанная и ясно выраженная. У других каббалистов (естественно, здесь речь идет только об иудейских каббалистах, так как неиудей, также активно занимающийся Каббалой, — это совершенно иной случай) та же идея механичности Сефир проявляется лишь косвенно, через специфически деперсонализированное, чисто статическое их описание, как если бы речь шла о невидимом отлаженном механизме, подчиненном алгебраическим и комбинаторным законам.

Что же касается неудачности эманации, то в ней собственно мифологически подчеркивается несовместимость и несопоставимость Творца и Творения, и всякий полноценный, прямой контакт между ними не может не окончиться катастрофой. Тварные механизмы (вазы сефирот или Голем) рано или поздно выпадают из нормального режима функционирования и сбиваются на демонически гротескный путь хаоса, разрушения , безумия. И в этом не содержится никакого подспудного упрека в адрес Творца, — ведь сумасшедшая деградация Твари лишь подчеркивает и славит его архетипическое Превосходство.

И здесь каббалисты выдвигают особую теорию относительно “демонической Шекины”. “Шекина” — это дословно “обитель”, но в иудейской мистике этот термин обозначает “присутствие Бога”, его “имманентную самость”, и даже иногда его “Жену”, его “энергию”, его обособившуюся проекцию. Хотя в целом, концепция “Шекины” несет в себе чисто позитивную коннотацию, подчас каббалисты говорят о “Шекине в изгнании” или даже о “демонической Шекине”, “Вавилонской Блуднице”, оставленной Мужем-Богом и впавшей в бездну материи и греха. Эта “демоническая Шекина” воплощает в себе ту часть Света, пролившегося из разбитых ваз, которая не вернулась к Адаму Кадмону. Эта “демоническая Шекина” является как бы дополнением к фигуре Голема и составляет с ним новую извращенную пару -символ теологии скорби. Если Голем — это нечто

заведомо не-божественное, нечто сырое, грубое, нечто отравляющее своей трупностью даже самые милосердные попытки вдохнуть истинную световую жизнь в имманентный космос, знак абсолютной посюсторонней тщеты, то “демоническая Шекина” — это нечто единосущное Принципу, но, будучи заряженным и запачканным материей, уже никогда не способное восстановить утраченное изначальное качество. Такая “Шекина” — это жертва самого Бога-Творца, его плата за Трансцендентность. Дыхание этой тревожной пары лежит на всей истории Израиля, подспудно, неявно, параллельно, и этот страшный альянс, Голем—Демоническая Шекина, появляются отчетливо лишь тогда, когда иудейство либо больше не боится, либо просто вынуждено силою обстоятельств открыть свой скорбный и таинственный лик — в романах Кафки, философии Михельштедтера или научных концепциях Эйнштейна, теоретика абсолютной тщеты материальной Вселенной.

Коллективный мессия

В контексте данного видения появляется в иудейской традиции и фигура Мессии, которая не просто исторически не совпадает с христианским пониманием сакральной роли Исуса, но является фундаментально и сущностно отличной от христианского Мессии и даже метафизически противоположной ему. В иудейском сознании Мессия — это ни коим образом не Посредник-Сверху, не Посланник и не Божественный Герой, сходящий с небес Принципа для исправления износившегося космоса или спасения деградировавшей человеческой общины, как это всегда было для христиан или центральных персонажей неиудейских эсхатологий. Собственно “иудейский Мессия” не является прямым и триумфальным откровением Трансцендентного, что разрушило , опрокинуло бы все гигантское тысячелетнее здание “Дома Плача” (“Дома скорби”) еврейской души, свело бы на нет всю уникальность избранничества, хотя бы уже по той причине, что такой Мессия не являлся бы духовно вполне евреем, то есть существом несущем на себе все бремя “запредельности Творца”. Поэтому, согласно авторитетному традиционному иудейскому источнику: “Мессия будет лишь подписью под всеми деяниями евреев, точкой в конце их многострадальной Истории”. Иными словами, Мессия не принесет ничего нового, не добавит никакого трансцендентного параметра в универсальное еврейское сознание. Мессия явится не в качестве открывателя ценности “мира Иного”, но как мгновенная метаисторическая вспышка осознания Абсолютной Лишенности как Абсолютного Изобилия, как Абсолютного Достатка — без всякого дополнительного привнесения в Бытие чего-бы то ни было. Царство Мессии станет моментом триумфа иудейского сознания во вселенском масштабе, когда ироничность, гротеск, убожество и уродство Голема откроется в своем “славном” и “прекрасном” аспекте, как максимум “мудрости” религии, действительно и всерьез утверждающей несовпадение Творца и Творения.

Если Перво-человек был Големом, то и последние люди (т.е.иудейская община), ведомые Мессией будут единым Големом, уравненным по нищете со скорбью Вселенной, Вселенной, пребывающей в вечном метафизическом изгнании, в метафизической диаспоре.

В этом состоит уникальность иудейской сотериологии: она, в отличие от всех других сотериологий, не апеллирует ни к чему, что лежало бы по ту сторону. В ней концепция хилиазма или Великого Шаббата (Отдыха) есть сугубо имманентная земная реальность, являющаяся как бы “этернизацией”, “увековечиванием” того исторического мгновения, когда иудейство сможет трансмутировать свой собственный метафизический порок в источник своего триумфа, свою боль — в свою радость, свою потерю — в свое приобретение, свою траги-комическую и презираемую всеми “големность” и “механичность” — в высшую форму торжественного победного благочестия.

П.Вулье в своей книге “Еврейская каббала” предупреждал: “Учителя Каббалы всегда хранят в отношении связи Света Мессии с Шекиной самый строгий секрет”. Причина этого не в том, что здесь содержится какая-то символическая или инициатическая тайна. Нет. Просто в традиционно каббалистическом логическом отождествлении Света Мессии с Демонической Шекиной заключена принципиальная особость иудаизма и иудейской эсхатологии, идущей вразрез со всеми неиудейскими религиозными концепциями относительно Конца Времен и Спасения Мира. Если для всех сакральных традиций эсхатологический Спаситель, приходящий в Конце Времен в падший космос, трансцендентен и максимально удален от деградировавшей Души Мира (более или менее эквивалентной Демонической Шекине), и в этом-то там и заключается смысл Спасения, то для иудеев спасающий и спасаемый просто совпадают, являясь строго одним и тем же, в равной степени посюсторонним и имманентным. Поэтому сугубо иудейская эсхатология является полным и прямым отрицанием всех других эсхатологий, их непримиримым противником. В сущности, иудейская эсхатология отрицает трансцендентность Спасителя, сущностное качество его “не от мира сего” царства. (Характерно, что каббалисты располагают т.н. “души Мессии” и его собственную душу на самой нижней ступени духовной иерархии, в подлунном мире, ниже самой низшей из сефир, Малькут). Без этого невозможно понять ту абсолютную несовместимость, которая существует между иудаизмом и христианством, то жесточайшее неприятие христианства, характерное для всех аутентичных представителей иудейской традиции.

Нельзя, строго говоря, утверждать метафизическую преемственность этих двух религий, вопреки их очевидной исторической преемственности. Иудаизм — это метафизическое и сотериологическое отрицание христианства, а христианство —это, в свою очередь, метафизическое и сотериологическое отрицание иудаизма. Иисус Христос уничтожил Ветхого Человека, древнего Голема, парадоксальную и “провиденциальную” для еврейства куклу раввинической тайны. Новые люди, “ни иудеи, ни эллины”, единосубстанциальные Богу-Слову (Иммануилу, что значит “с нами Бог”), приняли и признали неиудейского Мессию. Но Израиль ждал не его. Судьба еврейского народа была не с ним, а в диаспоре, в последующих двухтысячелетних скитаниях, в великом рассеянии, в отделении себя от не-иудаистического мира, который избрал совершенно иные пути и совершенно иные ориентиры и для которого Голем — это только “патологическая машина”, а иудейская скорбь — только комплекс изгоев. “Шекина в изгнании”, согласно иудейской ортодоксии, может быть спасена только светом его собственного отчаяния, и только такой свет может стать истинным светом Коллективного Мессии, который совершит самое главное деяние еврейской миссии: поставит точку в конце иудейской Истории, коронует на царство самого Голема и его трагическую паредру, “падшую Шекину”.

Два логоса

Шолем в своей книге “Истоки Каббалы” указал на тот факт, что средневековые европейские каббалисты находились в тесных контактах с представителями т.н.”альбигойской ереси”, катарами, хотя эти последние были “метафизическими анти-иудеями”. Сам он не дает убедительного толкования этому факту, указывая лишь, что, видимо их сближала обоюдная мифологичность доктрин. Мы думаем, что дело не только в этом. Собственно говоря, катары , как и раннехристианские гностики, выступали против ортодоксальной христианской церкви на концептуальном уровне чаще всего под знаменами идеи “трансцендентального Христа”. Иными словами, они упрекали историческую Церковь в том, что она рассматривает Сына Божьего как воплощение сугубо имманентного Логоса, как бы “князя мира сего”. Сами же они настаивают, что “мир сей” есть особая, отнюдь не ординарная секция Бытия, которая является негативным

исключением из онтологической нормы, и поэтому имманентность Логоса (или сугубая человечность Иисуса Христа) была бы для них чем-то заведомо дьявольским, несвободным, негативным. Христос-Логос самих гностиков, напротив, был прямой теофанией Перво-принципа, который открывает себя во всех мирах и сразу, непосредственно, но только в нашем, самом инфернальном секторе Бытия, он приобретает наиболее определенные черты, противоположные самой бытийной ткани, самой эссенции "мира сего". Таким образом, здесь логос не только не совпадает с Законом, он отрицает его, он противостоит ему, он отменяет его. В сущности, Логос гностиков — это анти-Тора, и некоторые (в частности, Маркион) доводили эту идею до логического конца, отрицая Ветхий Завет и объявляя иудейского Бога-Тетраграмматона —Демоном-Узурпатором.

Важно заметить, что катары, однако, в первую очередь были оппозиционны именно католической ортодоксии, поскольку в ней они видели худшую смесь имманентистских и трансценденталистских концепций относительно Христа, лишающую, по их мнению религиозную и духовную ориентацию не только метафизической последовательности и инициатической силы, но и элементарной онтологической логики. И именно христианская ортодоксия являлась поэтому главным гонителем и врагом гностиков, как раннехристианских, так и средневековых. Теперь становится понятным, что искали катары у каббалистов —доведенную до конца, стройную, последовательную, но... совершенно противоположную собственной религиозную теорию, которая могла бы дать им идеальный образец того, что сами гностики считали Абсолютным Злом, в отличие от противоречивых попыток примирить непримиримое в официальной экзотерической теологии. Катаризм — это христианство минус иудаизм, и для того чтобы более совершенно осознать вычитаемую величину, катары стремились постичь иудейскую традицию в ее основаниях, в ее парадоксальной и загадочной каббалистической глубине.

Гнозис альбигойцев заключается в следующем: Трансцендентный Принцип эманирует Световой," Добрый Мир". От него в силу восстания Люцифера (Люцибелла, как называли его катары) отказывается частичка и извращается до неузнаваемости. Это — злой мир, в котором заключены, как в тюрьме, души существ, некогда принадлежавших к Доброму миру. Оба этих мира находятся в живом диалектическом контакте, в войне. И наконец, в решающий момент этой драмы сам Трансцендентный Принцип посылает свою Частицу (Трансцендентного Христа), чтобы тот возвратил всех воюющих за Трансцендентное (во всех мирах) существ к Истоку и разрушил бы все химерические Творения (в первую очередь, Злой мир). Такой Христос не столько Бого-Человек, сколько Трансцендентно-Имманентный Принцип, облекающийся в различные формы, в зависимости от того или иного мира и никогда не солидаризирующийся ни с одной из оболочек. Таким образом, центр катаризма — это учение о Трансцендентном Логосе.

Сравним с этим логику иудейского гнозиса: Творец творит Мир (отчасти хороший — в 1,3,4,5,6-ой дни Творения, отчасти — не очень во второй день Творения формулы "И увидел Бог, что это хорошо" нет!). Но как бы то ни было, за счет несопоставимого с Творением превосходства Творца, Творение начинает разлаживаться. Происходит серия катастроф. (До грехопадения Адама Каббала, как мы видим, утверждает еще ряд космических катаклизмов). Мир сущностно един. Им управляет принцип несовершенства по сравнению с совершенством Творца. Крупные катастрофы кончаются тем, что провиденциально избранная группа существ — иудейский народ — постигает абсолютность изгнания Творения и признает бесполезность всякого сравнения этого Творения с Творцом. Это момент получения Закона, начало откровения имманентного гнозиса. Потом последуют малые отрицательные катастрофы, уже провиденциально соотнесенные с иудеями и обращенные к ним с сакрально педагогической целью. И наконец, придет Мессия, не Бого-Человек, но Человек-Нация, Человек-Народ, в котором

имманентный Логос, Закон, Тора найдет свое завершение, и понимание обреченности Творения станет истоком Великого Покоя, Великого Шаббата.

Итак, мы видим две прямо противоположные метафизические позиции. Первая — простая, прямолинейная, утверждающая наличие Драмы и необходимость ее преодоления. Вторая, сложная, парадоксальная, также утверждающая наличие Драмы , но считающая, что ее преодоление невозможно и более того, не нужно, и в конце концов, наилучшим сакральным выходом становится признание ее Абсолютности. Если во вне-иудейских традициях всегда есть эзотерические книги Спасения, Возвращения, Благой Новости, Окончания и т.д., то доминанта иудаизма — это именно “Книга Творения” (“Сефер Йецира”), раз и навсегда произошедшего и следующего своим путем к Великому Шаббату, который есть не конец, не грань, не край Творения, но “вечный центр”, “точка покоя”, равноудаленная от всех точек периферии. Иудаизм знает только Творение и гнозис Творения. Именно благодаря этому гнозису еврейство может оживлять и умертвлять аппараты из праха, заставлять служить себе безмолвных рабов. И именно поэтому иудаизм остается “креационизмом” по преимуществу, противоположным всем типам “спасительных” религий, которые считают, что возможно изменить то, что установил Господь и спасти то, что, с точки зрения еврейства, не подлежит Спасению.

Часть XI. ПРЯМАЯ ДЕМОКРАТИЯ

ОРГАНИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

“Демократия” и критика справа

В последние годы политическое и идеологическое развитие социальных процессов в самых разных странах заставляет переосмыслить многие устоявшиеся интеллектуальные позиции традиционных идеологических блоков — таких как “правые” и “левые”. Причем, если мы не станем этого делать и откажемся давать новый ответ на “вызов Истории”, то “верность принципам” может обернуться маргинальным архаизмом или даже прямым саботажем той линии, которую мужественно и стойко отстаивали наши идеологические предшественники. Эпоха требует от нас переосмысления, “ревизии” как подтверждения нашего активного участия в неформальной, духовной реальности традиции, от имени которой мы выступаем. Поэтому несмотря на всю сложность проблемы “демократии”, мы должны мужественно заняться ее беспристрастным анализом и изучением, вопреки соблазну механически перенести на современную жизнь уничижительную критику этой идеологии, сформулированную традиционалистами и патриотами предшествующих поколений. При всей ее справедливости нельзя не заметить в ней некоторой принципиальной недостаточности и ущербности, которая особенно ясно вскрывается именно сейчас. Итак, в чем же состояли основные претензии традиционных правых к “демократии”?

Правые - от Токвилля, де Мэстра и Кортеса до Эволы, Генона и Морраса - исходили из предпосылки, что "демократия основана на идее доминирования чистого количества, чисто количественного большинства, тогда как мнение большинства с необходимостью будет выражать мнение совершенно некомпетентных людей" (Рене Генон "Кризис современного мира"). Уже Тэн в 1875 году писал: "десять миллионов невежд никогда не смогут вместе составить одного мудреца". Токвилль говорил, что “максима, признающая за большинством народа право решать все вопросы управления государством, представляется ему кощунственной и отвратительной”. Шарль Моррас, со своей стороны, упрекал демократию в том, что “она потребляет то, что произвели другие эпохи и другие политические системы”.

В целом, критика демократических воззрений справа, со стороны традиционалистов, сторонников аристократии, иерархии, монархии, империи и т.д., основывалась на чисто количественном понимании общества, которое, по их мнению, состоит из автономных, атомарных индивидуумов, неспособных в своем подавляющем большинстве на компетентное и обоснованное решение ни в одном из серьезных судьбоносных вопросов государства. Надо признать, что сами демократические доктрины давали множество оснований для подобной критики, так как и в них чаще всего общество, “социум”, понимается именно как такая количественная, атомарная реальность. Демократы и их противники справа сходились в одном — в рассмотрении конкретных членов общества как механических единиц, как "существ, способных испытывать лишь наслаждение или страдание" (по выражению Поля Вена), как "популяцию социальных микробов, наделенных примарными инстинктами", как дискретных и дробных “нарциссических субъектов”. Если критики демократии с отвращением и презрением отвергали саму идею принятия решений такими человеко-атомами в важных государственных вопросах, настаивая на необходимости правления элиты, состоящей из исключительных, кастово дифференцированных людей, из компетентного аристократического меньшинства, выделенного из массы и не связанного с ней, то сами демократы, напротив, наслаждались таким положением дел, утверждая, что принцип “аристократизма” и “элитарности” является насилием над массой, стремящейся быть только тем, что она есть и не желающей никаких благодеяний от чуждой ей “касты господ”.

Таким образом, и критики демократии и ее сторонники основывались, в сущности, на изначальном допущении относительно чисто количественного характера общества, на убежденности в механистичности поведения конкретных автономных индивидуумов, в полном тождестве народа и массы. Если внимательно проанализировать человеческую историю, мы увидим, что историческая реальность демократических и антидемократических режимов и социальных тенденций, с одной стороны, подтверждает эту дуалистическую теорию политических возможностей, но с другой стороны, живая реальность всегда оказывается значительно шире и сложнее ее. Мы видим во многих случаях, как демократия, победив, порождает элитарную, квази-аристократическую систему правления, или наоборот, как аристократический, монархический режим становится выразителем самых посредственных представителей социальной массы или идет на поводу у самых низших и количественных слоев общества. Но самое главное доказательство недостаточности традиционных концепций критики демократии (или ее апологетики) состоит в том, что на деле ни один народ не представляет собой той “идеальной” количественной модели, на базе которой обе идеологические стороны строят свои доводы и доказательства. Конечно, тенденции к появлению “чисто количественных индивидуумов” в современных обществах, безусловно, есть, но они во многом своим существованием обязаны именно искусственным демократическим принципам социальной организации, навязанным “сверху”, по воле демократического меньшинства, априорно убежденного в правоте своего понимания социальной реальности, а на деле моделирующих и создающих эту реальность в соответствии со своими абстрактными теориями. То общество, тот “народ”, с которым оперируют демократические концепции, есть не нечто данное, естественное, но нечто искусственно сфабрикованное, спровоцированное, механически образованное и совершенно чуждое естественной истории народов, государств, этносов и наций.

Правые критики демократии, признающие правомочность количественного отношения к обществу как к математическому конгломерату “нарциссических субъектов”, “атомарных индивидуумов”, невольно помогают демократам в их “социальной

инженерии”, так как одно согласие правых с формулой “народ = масса” уже облегчает демократам задачу превращения “народа в массу”, что на самом деле является отнюдь не простым и не само собой разумеющимся делом.

Все эти соображения заставляют нас пересмотреть привычные клише антидемократической критики, внимательнее проанализировать возможные формы демократии, глубже исследовать понятие “народ”, “демос”, апелляция к которому составляет неотъемлемую часть всех демократических лозунгов.

Три типа демократии

Ален де Бенуа, главный идеолог французских Новых Правых, чьей основной идеологической задачей как раз и является пересмотр многих клише Старых Правых, высказал очень важное соображение относительно существования трех типов демократии, соответствующих трем членам знаменитой демократической триадs "Свобода, Равенство, Братство" ("Liberte, Egalite, Fraternite").

Первый тип демократии, наиболее распространенный в современном мире, — это ”либеральная демократия”, ставящая во главу угла принцип “либерализма” (от французского слова “liberte”, “свобода”). Этот тип демократии делает акцент на “человеке”, на индивидууме, на “нарциссическом субъекте”, абсолютизируя его экономические и животные потребности; требует подчинить всю структуру общества эгоистическим интересам “свободного потребления”. От данной демократической версии неотделима концепция “прав человека”, ставшая основой мондиалистской демагогии при критике либеральными демократами всех недемократических режимов или иных, нелиберальных, вариантов демократического устройства. Для либеральной демократии характерен принцип: “один человек — один голос”.

Второй тип демократии, по мнению Алена де Бенуа, это "эгалитарная демократия", называемая иногда “демократией популистской” или “народной демократией” (последнее выражение является довольно неадекватным, что будет ясно в дальнейшем). В ней доминирует принцип "равенства" ("egalite"). Этот тип демократии более всего проявился в форме тиранических, тоталитарных режимов националистического или социалистического типа. Эта концепция демократии является предельной, экстремальной формой механицистского отношения к обществу, понимаемому как масса атомарных индивидуумов. Именно такие “эгалитарные типы” демократии Ортега-и-Гасет определил как следствие “восстания масс”, характерного для политического пейзажа XX века. В эгалитарно-демократическом режиме доминирует тот же атомарный, количественный подход к индивидууму, как и в либерально-демократическом, но при этом преимущество отдается не отдельному дискретному индивидууму, а всей совокупности таких индивидуумов, массе, количественному конгломерату дискретных единиц.

И наконец, третий тип демократии, наименее редкий и наиболее позитивный, альтернативный по отношению к предыдущим, чисто количественным типам, это "органическая демократия", основанная на принципе "братства" ("fraternite"). Эта форма демократии представляет собой противоположность не только первым двум типам демократии, широко представленным в современной политической ситуации, но и антидемократическим теориям, основывающимся на тех же неорганических, механицистских предпосылках в отношении структуры общества. Смысл “органической демократии” в том, что она в качестве основы социального устройства общества берет народ как особую единую качественную и органическую общность, укорененную в истории, имеющую свою собственную духовную, культурную, национальную и

политическую традицию, которая и ложится в основание политического самопроявления народа, служит критерием принятия судьбоносных решений и принципом коллективного волеизъявления. Органическая демократия рассматривает народ не как безжизненный механизм, но как живой организм, не могущий быть расчлененным на атомарные единицы (детали) без того, чтобы не наступила смерть.

В заключение своего анализа Ален де Бенуа приводит одну любопытную историческую деталь. Если в основополагающем лозунге Французской Республики наличествовали все три термина демократической триады "Свобода, Равенство, Братство", то уже в Декларации 1789 года, в Конституциях 1791 и 1793 годов, равно как и в Хартии 1830 года, остались только два первых термина, а упоминание о “братстве” было изъято. Таким образом, два реально доминирующих типа демократии — демократия либеральная и демократия эгалитарная — отнюдь не исчерпывают собой всех демократических возможностей. Более того, они оставляют за скобками, быть может, самый интересный, привлекательный, гармоничный вариант демократии, в котором обе части термина “демос” ("народ") и "кратос" ("власть") несут в себе самое конкретное, естественное и органическое содержание, чего не скажешь о первых двух вариантах, где вместо “народа” и его “власти” мы имеем дело с абстрактными и произвольными, волюнтаристическими концепциями некоей “политической секты”, стремящейся любой ценой воплотить в жизнь свои химерические и механицистские социальные утопии.

Проблема “соучастия”

Знаменитый немецкий консервативный революционер Артур Мюллер ван ден Брук определил “демократию” (речь шла в его случае, естественно, об "органической демократии") как “соучастие народа в его собственной судьбе”. Он также добавлял: "демократия это не форма государственного устройства, но факт соучастия народа в жизни государства". Здесь ключевым термином является "соучастие" ("Anteilnahme" по-немецки, "participation" по-французски). Именно это слово служит мерилом подлинности и действенности демократии, по меньшей мере, в ее этимологическом понимании, довольно далеком, впрочем, от той социально-политической модели, которую принято называть сегодня этим именем.

“Соучастие” резюмирует в себе все отношения члена общества к обществу в целом в условиях органической демократии. Ни голосование, ни плебисцит, ни выборы, ни система представительства, ни референдумы не определяют в такой мере саму сущность демократического режима, как “соучастие”. В этом легко убедиться на примере того, как все внешние атрибуты демократии используются двумя “неорганическими” типами демократических систем (либеральной демократией и демократией эгалитарной) при полном отсутствии реального “соучастия” народа в принятии ответственных социальных решений. Действительно, преобладающим чувством людей, вовлеченных в фарс западных избирательных шоу или еще свежих в нашей памяти “советских выборов”, всегда являлось ощущение обмана, манипуляции, искусственной срежиссированности театральных действий, результат которых, очевидно, предопределен и зависит от каких-то туманных закулисных структур, управляющих средствами массовой информации и общественным мнением. Неорганическая демократия порождает социальную апатию, абстенционизм при выборах, полное неверие в то, что кандидаты и партии (чьи программы, к тому же, тяготеют к униформизации и различаются лишь в нюансах) смогут адекватно выражать волю избирателей и т.д. Но эти эффекты отчуждения народа от политической жизни, аполитичность, свойственная как либеральным, так и тоталитарным режимам, и есть полная противоположность демократии, так как степень реального

“соучастия” народа в политике, в управлении, в принятии решений, в определении своей общественной судьбы сводится здесь к минимуму или вообще сходит на “нет”.

Следует, однако, задаться вопросом, почему народы, поставленные в условия либерально-демократического или тоталитарно-эгалитарного режимов, не восстают против неорганической и искусственной формы, навязанной им "политиками-утопистами"? Почему неорганическая демократия, все же в некоторой степени апеллирующая к народу, не превращается под давлением его естественных, органических интересов в нечто иное, в режим “соучастия”, в социальную систему, основанную на центральном принципе “братства”?

На этот вопрос прекрасно ответил знаменитый немецкий юрист Карл Шмитт, заметивший, что "истинная демократия (т.е. "органическая демократия" — А.Д.) возможна только в однородном, гомогенном обществе". Это совершенно логично, так как народ, “демос” в органическом понимании, как некая единая качественная общность, как единый живой организм, чтобы адекватно править и изъявлять свою волю, должен быть однородным, а не составным. Нарушение этой однородности немедленно вносит раскол в народную волю, создает помехи для ее проявления. Карл Шмитт утверждал также, что, чем более составным и разнородным является общество, тем более оно должно отходить от демократии и стремиться к авторитарной власти — монархической и даже императорской. Это обусловлено тем, что при переходе к обществу, состоящему из нескольких органических единиц, народов, необходимо прибегать к некоей высшей инстанции для определения судьбы всех этих народов, к сакральному авторитету, к геополитическим и религиозным принципам. Шмитт считал, что “соучастие” народа в своей собственной судьбе в случае гомогенного общества проявляется в демократии, в случае более сложного варианта — в монархии, и в предельном случае, когда речь идет об огромном числе наций и этносов, вовлеченных в единую геополитическую, социально-государственную орбиту “соучастие” выражается в империи и импероcтроительстве.

Если внимательно проследить за логикой этих утверждений, мы увидим, что между демократией, понятой органически (в случае однородного, мононационального общества), монархией и империей не существует никакого противоречия, конечно, если при этом во всех этих формах соблюдается самое главное условие — “соучастие” народа или народов в своей политической судьбе. Это, кстати, легко можно проследить на исторических примерах русской государственности, которая на моноплеменном, этническом уровне и на уровне “полисов” (Новгород) тяготела к демократии, к “вече”; на уровне более обширном и межплеменном проявлялась в княжеской, феодальной организации; и наконец, при переходе к межрасовому, сверхнациональному типу превращалась в Империю. При этом нетронутой оставалась непрерывность русской истории, органическое единство русских, качественная уникальность русской судьбы, самотождественность русского народа, восходящего от славянско-племенной до индо-европейской и, далее, евразийской общности. Степень же “соучастия” русских при переходе от прямого вечевого волеизъявления через делегирование князьям властных полномочий и вплоть до выборов Самодержца Российского, Помазанника на Царствование великим народом, оставалась сущностно одинаковой, независимо от изменения политических форм исторической государственности.

Таким образом, качественное понимание народа как живого организма и акцент, поставленный на “соучастии” как основополагающем аспекте исторического бытия народа, опрокидывает механицистские схемы как либеральных и эгалитарных демократов, так и антидемократов справа, так как при этом ясно показывается необходимость авторитарного, недемократического правления в неоднородных, сложных,

составных обществах (что опровергает позицию фанатиков "демократии любой ценой"), и утверждается позитивность демократических форм в этнически и культурно однородном обществе (что расходится со сторонниками тезиса "аристократия любой ценой").

Исходя из этих соображений мы можем теперь и ответить на поставленный ранее вопрос о том, почему не происходит превращения либерально-демократических и тоталитарно-эгалитарных режимов в режимы органической демократии. Дело в том, что в неорганических демократических системах практически всегда мы имеем дело с неоднородными обществами, с обществами, состоящими из многих этнических, расовых и культурных составляющих, что заведомо лишает демократический режим возможности быть действительно демократическим, так как здесь отсутствует самый важный и определяющий элемент демократии — “народ”, место которого занимает “масса”. Эта разнородность неорганических демократических режимов практически всегда имеет в них идеологическое и даже юридическое обоснование, закрепленное в обязательном космополитизме либеральной демократии и в обязательном интернационализме эгалитарно-социалистической демократии. Слово “братство” выпадает из лозунгов этих социальных систем отнюдь не случайно, так как отсутствие горизонтальной, органической, этно-культурной, исторической, почвенной, кровной братской связи между членами общества с неорганическим демократическим режимом и отличает их коренным образом от подлинной органичной демократии. Поэтому раскалывая, дробя, уничтожая “народ” как качественную категорию, либералы и эгалитаристы лишают людей возможности действительного, полноценного и непосредственного “соучастия” в политической, общественной жизни, оставляя им жалкие суррогаты из бессмысленных избирательных шоу, по окончании которых наступает настоящий и ничем не ограниченный террор хитростью пробравшихся к власти сомнительных элит, невидимой референтуры и своекорыстных, зацикленных на своих внутренних проблемах, враждующих партий и фракций.

Неорганическая демократия, заведомо ориентируясь на неоднородные, гетерогенные, смешанные и сложные общества, фактически сознательно идет против подлинного соучастия народа в политической жизни. И в отношении такой демократии действительно вполне применимы слова убежденного антидемократа Рене Генона, утверждавшего, что "так называемый "режим большинства" — это лишь маска для определенного меньшинства, находящегося за кулисами политических процессов, маска, позволяющая ему оставаться в тени и реализовать свои собственные зловещие и подчас оккультные планы, ничего общего с волей большинства не имеющие".

“Соучастие” как основополагающий критерий социальной и политической справедливости позволяет определить точку соприкосновения между сторонниками органической демократии и традиционными правыми, стоящими за аристократический режим, и все противоречия здесь сводятся к тому, идет ли речь о однородном или неоднородном обществе. В первом случае степень “соучастия” будет максимальной при демократическом строе, во втором — при авторитарном порядке с подчеркнутой традиционной, национальной и религиозной спецификой, соответствующей культурной и геополитической истории конкретных народов и этносов.

Человек или Гражданин?

Органическая демократия исходит из принципа, что простая количественная масса индивидуумов — это еще не народ. Есть и еще один аналогичный принцип этой демократии: человек — это еще не гражданин. Понятие “гражданина” даже этимологически ("гражданин" — от слова "град", "город") имеет отношение к “полису”,

где, собственно, впервые и проявилась ярче всего органическая демократия. Гражданин как полноправный участник демократического "соучастия" понимался традиционно не как простой "количественный" индивидуум, находящийся на данной культурной и этнической территории, но как квалифицированный и органический представитель данного конкретного общества, связанный с ним историческими, кровными, религиозными и политическими узами. Деление на "граждан" и "недограждан" —это первое необходимое условие качественного отбора для персонального "воплощения волеизъявления всего общества", отбора, который повторяется на более высоком уровне при определении наиболее достойных граждан для принятия ответственных решений. Органичная демократия, таким образом, оценивала членов общества по качественному признаку и вытесняла на периферию тех, кто имел к органическому единству народа, полиса или нации второстепенное, случайное или далекое отношение. Вопрос гражданства — это вопрос принадлежности к тому "демосу", который при органической демократии уполномочен править, полнокровно "соучаствовать" в своей собственной судьбе. Конечно, "недограждане" тоже определенным образом участвовали в общественной жизни, но косвенно, опосредованно, эпизодически. Важно заметить, что такая демократическая дискриминация совершенно необходима для выполнения условия однородности, которая в реальности всегда находится под угрозой вмешательства этнических, религиозных, экономических и культурных меньшинств (рабов, бродяг, сектантов, мигрантов и т.д.), способных расколоть органическое единство народа в случае предоставления им равных прав в управлении. Греческая, германская и славянская демократия полисов, тингов и вече всегда соблюдала это важнейшее деление на граждан и недограждан, так как без него органическая демократия тут же превратилась бы либо в анархию, либо в тиранию.

Важно заметить, что понятие "гражданин", номинально сохранившееся в демократиях неорганического типа, — либеральных и эгалитарных, — на самом деле полностью утратило свое значение, почетное и ограничительное одновременно. Либеральные доктрины фактически уравняли понятие "гражданин" с понятием "человек", "человеческий индивидуум", сделав из вопроса о гражданстве простую формальность, связанную с незначительными юридическими и экономическими аспектами. Эгалитарная демократия, в свою очередь, заменила понятие гражданина как центрального персонажа политической реальности на понятие "массы", "множества", "населения", где всякая ответственность и качественная выделенность растворялись в чисто количественном, механическом и подчас чисто декоративном действе.

Гражданин — это член "братства" сознательных и ответственных за историческую судьбу данного конкретного общества людей, которые с необходимостью должны быть укоренены в истории этого общества, связаны с ним прочными религиозными, этническими, кровными или культурными узами. Поэтому в демократиях неорганического типа ему просто нет места.

Если либеральная демократия настаивает на "правах человека", то органическая демократия должна настаивать на "правах гражданина", и именно эти права должны быть положены в основу юридического законодательства, регулирующего жизнь в обществе органической демократии.

"Коллективное бессознательное" как политический фактор

Когда антидемократы говорят о некомпетентности массы, о принципиальной неспособности посредственностей, "людей толпы", принять хоть сколько-нибудь разумное решение, сделать хоть сколько-нибудь осмысленный выбор, они упускают из

вида одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что демократические, выборные методы решения важных государственных проблем существовали и в традиционном, иерархическом мире — в феодальных и даже подчас рабовладельческих обществах. Избрание Православного Царя на Земском Соборе, выборы эмира в странах суннитсткого ислама и т.д. опровергают упрощенную логику яростных противников демократии. Франческо Нитти однажды весьма справедливо заметил: "Широкая публика всегда является выражением посредственности, она живет в посредственности, но она при этом посредственность не любит" (Francesco Nitti "La democratie"). Ален де Бенуа развивает эту тему в следующих словах: "Народ не хочет, чтобы им правили самые обыкновенные люди, подобные всем остальным. Он желает уважать своих правителей и восхищаться ими. Вопреки широко распространенному мнению, обычный избиратель отнюдь не стремится к тому, чтобы его избранник был как можно более похож на него. Обычный человек любит величие, и он способен его распознать. Он любит храбрость, даже если сам он труслив. Он не способен сам проводить какую-то определенную политику, но при этом он легко может разобраться, подходит ли ему данная политика или нет. Подобно тому, как человек для того, чтобы оценить прекрасно написанную книгу совсем не должен быть писателем, избиратель для того, чтобы оценить избранного им политика, отнюдь не должен быть политиком сам." В данном отношении показательными являются также слова Аристотеля, которого трудно зачислить в защитники демократии.: "Масса, состоящая из индивидуумов, каждый из которых сам по себе не представляет никакой ценности, объединившись, может оказаться выше и благородней, нежели все составляющие ее индивидуумы, но не на индивидуальном, а на коллективном уровне" (Политика, III). Итак, в процессе демократического выбора в действие вступает некоторый дополнительный фактор, не учтенный в механической и атомарной модели, на которой часто основываются как защитники, так и противники демократии. Что это за фактор?

Обычно сторонники национальной демократии, народники, демократические националисты и т.д. объясняют это явление наличием особого "национального или народного сознания". Даже ярый монархист Моррас говорил: "Воля, решение, действие исходят от меньшинства; согласие, одобрение —от большинства". В этом же смысле следует понимать и концепцию “Народной Монархии”, популяризированную в России в последнее время благодаря книге Солоневича. “Национальное сознание” —это та качественная категория, которая вступает в дело в тот момент, когда дело доходит до реального “соучастия” народа в решении своей собственной судьбы, в переломный момент истории, в момент ответа на напряженный вызов, брошенный нации временем и пространством.

Но в этом вопросе все противоречия между сторонниками и противниками “национальной демократии” сводятся к употреблению термина “сознание”, которое порождает в этом вопросе различные двусмысленности. “Сознание” является интеллектуальной характеристикой, довольно однозначно описывающей состояние индивидуума. “Сознание” (того или иного факта, той или иной реальности и т.д.) либо есть, либо его нет. На этом и строят свои концепции сторонники чисто аристократического правления, справедливо указывающие, что, если полноценного “сознания” нет ни у одного индивидуума, ни у другого, то откуда ему взяться у обоих вместе? Но если использовать вместо термина “национальное сознание” термин “коллективное бессознательное”, то все вещи станут на свои места. “Коллективное бессознательное” — это некая общественная душа народа, в которой отпечатывается сакральная, историческая память и которая хранит в себе с древности психические архетипы Традиции в виде загадочных символов, смутных образов и характерных грез. “Коллективное бессознательное” совершенно не обязательно рассматривать в узкой перспективе “психологии глубин” Юнга. Такие традиционалисты, как Рене Генон, Юлиус

Эвола и особенно Мирча Элиаде объяснили это явление намного более полным и адекватным образом, показав, что “коллективное бессознательное” — это “психический осадок Единой Традиции, с ее символическими доктринами и ритуальными знаками, вверенный во “время оно” наиболее низким слоям народа как раз для того, чтобы они, не понимая значения сакрального содержания, смогли сохранить и передать потомкам всю полноту священной информации, ничего в ней не меняя именно за счет ее полной непонятности”. В некотором смысле, “коллективное бессознательное” народа стоит очень близко к “фольклору”, и именно через фольклор, предания, легенды, эпос и сказания “коллективное бессознательное” выражается во внешнем культурном измерении.

Народ — носитель “коллективного бессознательного”, и заложенные в этом “бессознательном” архетипы выступают тогда, когда народ вынужден коллективно, совместно, демократически решать свою историческую судьбу. Именно этот уровень психической жизни народа заставляет его выбирать сильного, славного и мужественного правителя, подобного архетипу Сакрального Монарха, солнечного Императора, Божественного Героя. Именно “коллективное бессознательное” подтверждает в выборе здорового и полноценного народа необходимость иерархии, социальной пирамиды, по аналогии со священной лестницей ангельских миров. Именно на этом уровне сакральная память о “мужестве храбрых предков” побеждает слабость и нерешительность трусливых потомков. При этом важно подчеркнуть, что “коллективное бессознательное” не имеет никакого отношения к индивидуальности, не затрагивает собственно “сознательной” стороны человеческой личности и в случае отдаления человека от своей традиционной общности, от своих кровных, этнических, религиозных и культурных корней, может “выветриваться” и “теряться”, так как сопряжено именно с “коллективом”, и в обычном случае индивидуум не может распоряжаться им как своей собственностью, как своим личным качеством.

Органическая демократия полностью основывается на приоритете “коллективного бессознательного” над индивидуальными мнениями, и именно факт существования этой инстанции позволяет найти глубинную гармонию между демократами и аристократами, так как “коллективное бессознательное” не является простым набором памятных событий и переживаний, запечатлевшихся в коллективной психике, но структурированным, сакральным комплексом, имеющим свой центр и свою периферию, свои темные и свои светлые стороны, свою гармонию и свой хаос. Иными словами, “коллективное бессознательное” — это целый упорядоченный сакральный космос, и в самом чистом виде прототип “коллективного бессознательного” совпадает с Традицией, со Священным Изначальным Знанием, а значит, в пределе и с соответствующими поправками действительно можно говорить о “национальном сознании”. Но чаще всего это “национальное сознание” растворено в коллективной психике народа и выступает лишь фрагментарно и частично, что заставляет нас все же воздерживаться от частого употребления этого термина.

Выше мы показали, что органическая демократия возможна лишь в однородном обществе. Обращение к фактору “коллективного бессознательного” дает еще одно объяснение, почему дело обстоит именно так. “Коллективное бессознательное” сохраняется только при условиях непрерывности и постоянства этнокультурной среды, или, по меньшей мере, при гармоничном и постепенном развитии и расширении этой среды без потери связей. “Коллективное бессознательное” может изменяться при перемене народами внешней религии, идеологии, культуры и т.д., но оно всегда находит и в новых условиях аналоги своему изначальному содержанию, перетолковывая внешние, новые образы и знаки в соответствии со своими древними архетипами. Но как только однородность общества нарушается, как только начинается интенсивное культурное,

религиозное, этническое, расовое и “кастовое” смешение, “коллективное бессознательное” начинает деформироваться гораздо больше, нежели даже при самой резкой и радикальной смене внешней идеологии. Народ может остаться самим собой, поменяв веру на противоположную, но он может быстро деградировать и исчезнуть, даже не меняя своей идеологии, если его начать интенсивно смешивать с другими народами. Разнородность населения, его гетерогенность означает дробление, истончение и, в конечном счете, почти исчезновение “коллективного бессознательного”. И только в таком смешанном обществе посредственность действительно выбирает посредственность, а не героя, а трус хочет видеть своим правителем труса. Очевидно, что органическая демократия, теряющая свой основной ориентир, “коллективное бессознательное” нации, просто не может существовать в таких условиях. И любопытно заметить, что либеральная и эгалитарная формы демократии, напротив, тяготеют именно к разнородным обществам, подчас создавая эту разнородность искусственно (концепция "melting pot" и т.д.). Это отнюдь не случайно, так как эти неорганические формы демократии в принципе не могут существовать при наличии у народа здорового и сильного “коллективного бессознательного”, которое просто не может не сбросить в довольно быстрые сроки искусственную конструкцию “социальных механиков” и политических утопистов, используя именно демократические принципы. Иными словами, при наличии однородного народа с полноценным “коллективным бессознательным” никакой другой демократии, кроме органической просто не может быть. Парадоксальным образом, либералы и эгалитаристы прекрасно осознают это, и поэтому либо заведомо обращаются со своими демократическими моделями к разнородным этнокультурным конгломератам (это предпочтительно для либеральной демократии), либо вводят прямую диктатуру (это предпочтительно для эгалитарной демократии коммунистического типа).

“Демос” Запада и “демос” Востока

Проблема демократии имеет и геополитическое измерение. По странной, но неумолимой логике Истории народы, населяющие различные регионы планеты постепенно сгруппировались не только в государственные, расовые, континентальные блоки, но и расположились в строгом порядке по своим “психологическим качествам”. Эту закономерность этно-географической психологии народов подмечали уже древние греки, распределявшие народы и территории их обитания по “климатическим поясам” с соответствующими психологическими отличиями. В наше время этим вопросом особенно пристально занимались представители геополитической школы — Челлен, Макиндер, Хаусхофер и т.д. Эти авторы показали, что на евразийском континенте и в непосредственно прилегающих к нему ареалах общая этнопсихология народов варьируется с довольно четкой последовательностью по линии Запад — Восток. Ту же саму особенность, но уже с другой, чисто традиционалистской, точки зрения отмечал и Рене Генон. Запад и соответственно “народы Запада”, “демос” Запада, тяготеют к индивидуалистической, рационалистической психологии, к дробности, дискретности и атомарности. Эта тенденция получила свое предельное выражение в той цивилизации, которая построена на современном, индустриальном Западе. Восток, напротив, отличается созерцательной отвлеченностью от индивидуума, метафизичностью, коллективизмом, общинностью, “антропологическим пессимизмом” и т.д. Иногда эта разница определяется как противоречие между западным “активизмом” и восточным “фатализмом”.

Эта закономерность отражается и на этнокультурной однородности народов Запада и народов Востока, которая максимальна на Востоке и минимальна на Западе. Пределом общества смешения являются США, крайний Запад, а пределом этнической устойчивости — Дальний Восток, Китай и Япония. Логично предположить, что такое распределение отражается и на “коллективном бессознательном” народов — “коллективное

бессознательное” у людей Востока устойчиво и сильно развито, а у людей Запада бледно, фрагментарно и хаотично. Исследования Юнга и других исследователей “психологии глубин” блестяще подтверждают эту гипотезу.

Если вернуться теперь к нашей главной теме, то станет очевидным, что перспектива органической демократии гораздо более открыта для людей Востока, нежели для людей Запада, по меньшей мере, в рамках тех государственных и территориальных образований, где пребывают эти народы в настоящее время. Режимы Востока по определению должны быть более “народными” по своему качеству, а если это не так, то в этом чаще всего повинна искусственно навязываемая сверху политическая форма диктатуры, которой вполне может служить (и часто служит) эгалитарная демократия марксистского толка. Запад же, напротив, естественным образом тяготеет к либеральной форме демократии (либо к прямой индивидуальной деспотии). Именно поэтому сторонники органической демократии на Западе настаивают на этнической дифференциации Запада, на идее “Европы Ста Флагов” в качестве необходимого шага на пути к созданию однородных обществ, так как современные государства-нации Запада ничего общего с этническими границами не имеют.

Учитывая все это, можно сказать, что демократия Запада и демократия Востока — это две совершенно различные вещи, поскольку различны сами народы ("демосы") этих регионов, различно их “коллективное бессознательное”. Западу для того, чтобы реализовать на практике подлинное “соучастие народа в решении его судьбы” необходимо прежде вернуться к малым этнокультурным формам, покончить с традициями национального и религиозного смешения, ликвидировать антитрадиционные и антинациональные последствия melting pot’а, устроенного либеральными утопистами. Только такой путь поможет восстановить “коллективное бессознательное” этносов Запада и приведет к установлению там истинной демократии. Сознавая все это, европейские сторонники органической демократии уже давно и жестко критикуют европейские государства-нации, не способные дать естественную базу для демократии и поэтому под вывеской “демократии либеральной” практикующие завуалированную экономическую диктатуру, обслуживающую интересы узкой плутократической верхушки.

Восток же, напротив, предрасположен к “соучастию” народов в демократическом самоуправлении на Больших Пространствах, так как в этом регионе непрерывность традиции и устойчивость “коллективного бессознательного” простирается на громадные пространственно-временные промежутки. Восток “готов” к органической демократии, и главным препятствием для ее становления являются не столько либеральные доктрины, сколько эгалитарная демократия коммунистического образца, в которой многие восточные народы по ошибке увидели режим, в отдельных аспектах напоминающий подлинную, органическую, народную демократию (хотя бы уже потому, что эгалитаризм, в первую очередь, взывает к множеству, а не к индивидуальности, как либерализм). Что же касается мондиалистского плана по установлению либеральной демократии на всей планете, то эта “худшая из утопий” имеет шансы реализоваться лишь на кратчайший промежуток времени, чтобы затем с треском провалиться в небытие, поскольку либеральная демократия, воспевающая “Царство Количества”, не только прямо противоречит всем психологическим особенностям восточных этносов, но вообще не совместима с наличием "коллективного бессознательного" (сколь хрупким и тонким оно ни было бы), а значит, даже на Западе этот режим рано или поздно обречен на падение под давлением "воли к соучастию в своей собственной судьбе народов Запада". Либерализм возможно окончательно установить только в обществе машин, роботов или механических кукол, “големов”. И даже самое смешанное и разнородное общество

никогда не сможет дойти до состояния чисто количественной массы сладострастных и трусливых молекул, каким стремится видеть его зловещая мысль либералов.

Органическая демократия возможна и желательна как на Востоке, так и на Западе. Но вся разница в том, что на Востоке для этого есть все предпосылки, а на Западе, напротив, эти предпосылки надо сперва создать (или воссоздать). Что же касается либеральной демократии, к которой по геополитическим мотивам тяготеет современный Запад, то эта тенденция может окончиться только катастрофой для всех западных наций, так как это прямой путь к диктатуре материальных, плутократических олигархий, которая все более дает о себе знать через мондиалистские планы создания Мирового Правительства, через монополию транснациональных корпораций и т.д. Попытки же экспортировать эту убогую либеральную модель в страны Востока просто не могут не закончиться социально-политическим взрывом, так как эта тенденция будет расцениваться Востоком как "геноцид, осуществляемый на уровне его коллективного бессознательного", а значит, на жестокую борьбу с либерализмом будут мобилизованы все глубинные силы древнейших и могущественнейших евразийских этносов. У Востока своя демократия, и будучи демократией органической, основанной на древнем, кровном и почвенном братстве, она не потерпит вторжения либерализма в свои просторы и даст ему решительный бой. Это будет тем естественнее, чем более очевидны антинародные индивидуалистические принципы либерализма. На сей раз Восток не ошибется, как в случае с коммунистическими формами эгалитарной демократии, так как в либерализме нет ровным счетом ничего, что можно было бы принять за выражение истинного народовластия, истинной органической демократии, соответствующей древним архетипам “коллективного бессознательного”.

Органическая демократия в России

Для России как страны Традиции, как страны Востока, характерно особое трепетное отношение к миссии народа, к его сакральной судьбе. Русские переживают свою историю как Священную Мистерию, где каждый поступок, каждый шаг, каждая победа и каждая трагедия суть знаки исторического Откровения, так как все это происходит не с кем попало, а с великим народом-богоносцем. Русский народ “соучаствовал” в решении своей судьбы изначально, задолго до появления славянофильских и, позже, народнических концепций о необходимости народовластия. Более того, русские традиционалисты и националисты заговорили о необходимости народной, национальной власти именно тогда, когда полнота и очевидность народного “соучастия” были замутнены и частично утрачены. Подавляющее большинство русских революционеров народнической ориентации были (сознательно или нет) выразителями Консервативной Революции, т.е. борцами не за западное нововведение, но за возврат к народным, национальным корням.

Органическая демократия воодушевляла большинство русских идеологических течений — от русских монархистов до русских социалистов и коммунистов, так как все они, будучи русскими, являлись выразителями “коллективного бессознательного”, столь сильного, устойчивого и полноценного в нашем великом народе. Революционный подъем был вызван не столько нигилистическим порывом, сколько народной, национальной реакцией на чисто западные, светские, либеральные элементы, которое царское правительство, довольно сильно отчужденное от народа, вводило по аналогии с западными странами. После гениального монарха-евразийца Александра I путь русского общества стал резко отдаляться от истинной народности, что проявилось прежде всего в развитии и распространении капиталистического, либерального уклада в русской экономической жизни. Именно против этого выступали все русские националисты — от

крайне правых до крайне левых, и все они по-разному выражали единую народную волю — волю к органической демократии, волю к участию народа в Истории, волю к Традиции, к верности своему духовному ориентиру, своему русскому Богу, несовместимому с либеральным “Маммоной Несправедливости”.

Русская мысль в XIX веке даже при ориентации на Запад тяготела не столько к Свободе и Равенству, сколько к Братству, к тому термину, о котором очень быстро позабыли французы. И лишь страшная череда фатальных обстоятельств привела к тому, что вместо Консервативной Революции, к которой неумолимо приближалось русское общество как справа, так и слева, вместо Органической Демократии и Братства, мы получили эгалитарный коммунистический режим как антилиберальную крайность, как исторический компромисс, как неорганический вариант “псевдонародной демократии”, как “прелесть”, как “соблазн”, как трагический эксцесс вполне понятной и вполне обоснованной ненависти к капитализму и либерализму.

Россия долго и страшно изживала свой “левый уклон”. Уже практически с 1917 года вместе с абстрактными догмами механических эгалитаристов, социальных инженеров и жестоких паталогоанатомов соседствовали органические, национальные, сакральные мотивы истинной, но несвершившейся тогда Русской Революции, консервативной Революции, Органической Революции, призванной создать (=воссоздать) истинно народный, национальный, “восточный”, традиционный русский Строй. Русское “коллективное бессознательное” проступило сквозь безжизненный холод марксизма, переварив или отбросив то, что шло вразрез “русской судьбе”. Но попытка до конца превратить “общество равенства” в “общество братства” не удалась. Слишком сильной оказалась мертвая хватка антинародной, антинациональной утопии. Резко противоречащими русской воли были механические постулаты доктрины, родившейся в далеко не русских мозгах и не имеющей ничего общего с нашим “коллективным бессознательным”. И все же, как писал Ален де Бенуа, "это было хорошее слово "товарищ"". Все же многое в русском социализме было действительно русским. Все же иногда казалось, что народ действительно “соучаствует”, действительно решает, действительно живет в громаде строек, в кровавой стихии жестоких, но Отечественных войн, в единой народной гордости от сознания того, что даже в этом омерзительном XX веке мы, русские, смогли увернуться от подлых сетей мировой плутократии и предпочли благородную бедность подозрительному достатку и физическое страдание психическому террору либерализма. В русском социализме было нечто от Органической Демократии. Слишком велик наш народ для того, чтобы полностью отождествиться с провокационной антинациональной лжедоктриной. Слишком он духовен и органичен.

Органическая демократия — это естественный русский строй. Приведет ли эта демократия к русскому авторитарному правлению (т.е. реализуется ли “коллективно-бессознательный” архетип Царя-Освободителя, Солнечного Героя, Венценосного Спасителя)? Породит ли систему народного представительства (т.е. проявит ли себя стремление к братскому совету и национальному вече)? Это должен решать наш народ.

Пока же очевидно одно, что очередная попытка навязать России либеральную утопию полностью провалилась. Она и не могла не провалиться. Для России есть только два выбора — либо органическая демократия, либо кратковременная и жесткая антинациональная диктатура, которая все равно неизбежно закончиться победой демократии, русской демократии, органической демократии, которая по уже по самой логике нашей священной национальной истории не может не наступить рано или поздно.

Наше “коллективное бессознательное”, пробуждаясь, будет приближаться к расцвету “народного сознания”, к полноте национального прозрения, к Русской Правде, к созерцанию Величественного и Могущественного Русского Бога. Значит, политическая судьба нашего народа в его руках.

Воля любого народа священна. Но Воля Русского Народа священнее во сто крат.

Только Народу в России должна принадлежать вся полнота Власти. Таков главный императив Русской Органической Демократии.

ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ СИСТЕМЫ

“Демократия” как соучастие

Одно из самых точных и полных определений демократии дал немецкий философ и публицист Артур Мюллер ван ден Брук. Оно таково: “демократия есть соучастие народа в своей собственной судьбе”. Именно эта формула, быть может, точнее всего определяет дух демократии, который не сводится (ни исторически, ни теоретически) ни к организации референдумов, ни к парламентаризму, ни к системе выборов. Там, где есть истинная демократия, народ во всей полноте ощущает свою вовлеченность в решение важнейших политических и социальных задач, там он видит, что на вершине власти проблемы ставятся точно так же, как и во всех слоях общества, там он полностью испытывает на себе все благородное бремя политической ответственности, и любой выбор для него сопряжен с душевным и физическим риском (что наделяет подлинно демократическое общество живым, активным и полноценным существованием). Все это предполагает предельную, тотальную политизированность народа, так как термин “власть”, входящий в определение “демократии” (дословно “народовластие”), означает именно политическое воплощение общественной воли. Эта тотальная политизированность демократической модели общества радикально отличает ее от других форм политического устройства, где функции власти и соответственно принятие политических решений могут быть прерогативой особых социальных групп, уполномоченных для осуществления политического выбора. Так дело обстоит в недемократических — монархических, аристократических, тоталитарных, партитократических, теократических и др. государствах. Недемократические режимы могут позволить большинству народа пребывать в деполитизированном состоянии, так как закрепление политических полномочий за определенными политическими группами позволяет большинству общества сосредоточить свои усилия в иной, неполитической сфере — в экономической, административной, наконец, религиозной или культурной. Демократия, со своей стороны, требует как обязательное условие, полной вовлеченности народа в решение политических проблем. Право иметь свое собственное мнение становится в демократических режимах также обязанностью. Так как “власть” в демократическом обществе принадлежит “народу”, т.е. всему народу, взятому как нечто качественно единое, цельное, то, если народ откажется или отстранится от исполнения своих политических функций, неминуемо грядут социальная катастрофа, анархия, хаос.

“Замок” Системы

Совершенно очевидно, что современные западные страны Европы и Америки, а также находящиеся в настоящий момент в переходном состоянии бывшие социалистические государства никоим образом не соответствуют критериям подлинной “демократии”, так как во всех них без исключения не соблюдается самый основной ее признак — нигде “народы не соучаствуют в решении своей собственной судьбы”. Это проявляется в том, что политическая атмосфера в условно “демократических” обществах

основана на отчуждении народа от власти, на отвлечении его от решения главных идеологических, нравственных и политических проблем, на тоталитарном диктате “сверху” социальных нормативов, возведенных в ранг необходимой модели общественного поведения. Закономерно, что даже в шоу-выборах участвует все меньший и меньший процент избирателей, и при этом все большее число людей отдают свои голоса за экстравагантные мистико-политические объединения типа “партии трансцедентальной медитации” (см. подробный анализ этого феномена в “Monde diplomatique” No470 за 1993 год). Вся политизация этих обществ сводится в лучшем случае к подсчету социально-экономической выгоды, которую конкретный избиратель сможет извлечь из победы того или иного кандидата, а в худшем случае этот выбор определяется большей или меньшей навязчивостью и заразительностью рекламных роликов в избирательной кампании. Партии навязываются избирателям также как никому ненужная жевательная резинка в агрессивно дурацких клипах. При этом народ рассматривается псевдо-”демократиями” как чисто количественный конгломерат статистических индивидуумов, объединенных общим знаменателем —социально-экономическим эгоизмом и простейшим набором первичных психо-биологических инстинктов (на них, собственно, партии и воздействуют в предвыборных компаниях). И уж, естественно, ни о каком мировоззрении, ни о каких социальных и политических идеалах здесь не может быть и речи.

Такое устройство общества, названное крайне левым философом и активистом “ситуационистского интернационала” Ги Дебором “обществом спектакля”, давно уже было разоблачено не только как недемократическое, но как антидемократическое, т.е. основанное не на соучастии народа в политики, но на прямо противоположном принципе — на отчуждении народа от власти, от политики. Критики такого общества дали ему в 60-е годы емкое и точное название “Система”. “Система” — это общее понятие, определяющее не конкретную модель общества, не конкретный государственно-политический строй, но некий специфический дух отчуждения, с неизбежностью воцаряющийся тогда, когда отношения народа с властью становятся настолько усложненными и запутанными, что большинство общества полностью утрачивает возможность наблюдать реализацию своих чаяний и своего выбора на уровне принятия кардинальных политических решений. При этом современная “Система”, в отличии от прежних общественных типов, использует в деле узурпации у народа властных полномочий не прямое насилие и не апелляцию к традиции (как это имеет место в деспотических и традиционных обществах), а сложный механизм обмана, лицемерия, фарисейства, лести и манипуляций. Одно из высших проявлений этой стратегии социальной лжи заключается в том, что термин “демократия” применяется именно к тем социальным режимам, где “власть” принадлежит народу в еще меньшей степени, чем где бы то ни было в другом месте.

Современная “Система”, “общество спектакля”, стремится скрыть за гигантским социальным шоу с выборами и референдумами истинную правящую “элиту”, которая и принимает все основные политические решения, но не явно (как в аристократическом или тоталитарном обществах), а тайно, представляя свой выбор и свое решение в качестве всеобщего решения, всенародного выбора. Дело здесь, конечно, не сводится к вульгарной подтасовке результатов выборов (хотя многие не брезгуют и этим). Чаще всего желаемый результат достигается более изощренными средствами — спецификой постановки вопроса, косвенной и постоянной пропагандой средств массовой информации, навязчивым внедрением определенных общественных и идеологических клише, авторство и источник происхождения которых никогда нельзя точно установить. Идеальный образец “Системы” описан в знаменитом романе Кафки “Замок”, где отношения между населением деревни и недоступным замком на холме приобретают гротескный,

чудовищный и иррациональный характер, где, пожалуй, самым наглядным образом проявляется вся полнота и весь трагизм отчуждения.

“Замок” смещается справа налево

Термин “Система” и соответствующая ему концепция имеет очень интересную политическую судьбу. Впервые это было сформулировано французскими Новыми Левыми в начале 60-х. Тогда неомарксисты, экзистенциалисты, фрейдисты, сюрреалисты и т.д., разработали теорию “Системы”, вскрыв, как им казалось, “фашистское”, “крайне правое”, “садистическое” содержание окружавшего их буржуазно-капиталистического общества, прикрывающегося “демократическими” лозунгами. Для Новых Левых все социальное зло состояло в том, что буржуазные отношения фальсифицируют соучастие народа в его собственной судьбе через экономическое угнетение и эксплуатацию, завуалированную в социальные, информационные, психологические и эстетические формы. “Система” отождествилась у них с фигурой крупного капиталиста, “буржуа”, обманывающего народы, чтобы увеличивать свое состояние, свою власть и свое могущество. Самые радикальные Новые Левые доходили до утверждений, что всякое ограничение, всякая граница являются “насилием и “фашизмом”. (Известна в этом отношении максима Ролана Барта — “Язык — это фашизм”, основанная на том, что слова имеют строго определенный смысл, а следовательно, “деспотически” ограничивают “свободу” личности понимать под ними все, что хочется!). Если неомарксистское и фрейдистское, одним словом, “левацкое”, “гошистское” толкование “Системы” и было довольно сомнительным, то “дух” западной, напротив, демократии был схвачен здесь довольно точно, и разоблачения манипуляций “Системы” были убедительными и обоснованными. Однако Новые Левые не смогли достаточно достоверно описать истинную природу той “скрытой элиты”, которая стоит у центра управления современной “Системой”, хотя при этом роль крупного капитала и международных финансовых корпораций была вскрыта и доказана.

С конца 70-х, после прихода во многих европейских странах к власти “левых” партий, “левацкое” разоблачение “Системы” значительно потускнело, так как пришедшие к власти “левые”, сами использовали многочисленные лозунги и клише, характерные для “антисистемников”. В этот период произошла и переориентация многих бывших “революционеров” на “эволюционную”, “реформистскую” тактику. Характерно, что изменилось и общее отношение к США, оплоту того, что ненавидили ранние Новые Левые — к идеальному воплощению общества “Системы”. С этого момента в авангарде борьбы с “Системой” оказались Новые Правые. Для них антидемократизм “Системы”, сущность отчуждения, в ней заложенного, проявлялись не столько в социальном, сколько в национальном аспекте. С точки зрения Новых Правых “Система”, виновата не в “фашизме”, а напротив, в “антинационализме”, так как она, не признавая национальной идентичности наций и народов, нивелируя их, уничтожает то, что составляет базу “демократии” —”народ” как качественное, духовное, историческое единство. Космополитизм, универсализм и их носители стали для Новых Правых тем “теневым лобби”, которое, по их мнению, управляет “Системой” и стремится как можно больше укрепить ее могущество.

И наконец, в самый последний период политической истории, после краха социалистического лагеря, понятие “Системы” вообще перестало быть достоянием “правых” или “левых”. Капитализм и космополитизм слились в один универсальный феномен, получивший название “рыночной идеологии”, “либерализма”. Дух отчуждения достиг здесь своего апогея, своего максимума. Все социальные манипуляции,

разоблаченные “левыми”, окончательно слились с антинациональными манипуляциями, вскрытыми “правыми”. “Система” стала приблизительно одной и той же как на Западе, так и на Востоке. (Ельцинистская РФ по своим приемам, масс-медийному лицемерию и завуалированной диктатуре не многим сегодня отличается от Италии или Франции, разве что в России “Система” действует пока слишком грубо и откровенно.)

Итак, “Система”, а равно и ее немногочисленные, на радикальные противники, перестала соответствовать какой-то одной, “левой” или “правой”, политической ориентации, произошло слияние этих обоих компонентов. Это означает, что “теневая элита”, скрытая за фасадом “общества спектакля”, может быть определена как одновременно капиталистическая (тезис Новых Левых) и антинациональная (тезис Новых Правых), причем обе эти характеристики являются фундаментальными и нераздельными. Можно сказать, что во главе кафкианского “Замка” соучавствуют мировая финансовая верхушка и идеологи планетарного космополитизма. Любопытно, что именно в последний период, соответствующий слиянию анти-системных идеологий правых и левых, США выдвинули концепцию “Нового Мирового Порядка”, где центральными стали именно эти два компонента —капитализм и космополитизм. Парадоксально, что именно такой тип социального планетарного устройства, максимально удаленный от “демократии” как “соучастия народа в своей собственной судьбе” (ведь “бремя” власти в “новом Мировом Порядке” берет на себя финансовая и космополитическая “элита”, основывающая свою никем не делегированную власть на диктатуре северо-американской военной мощи), нагло и цинично присвоил себе титул “демократии”.

Странное пояснение Макса Брода

В одном из изданий “Замка” Кафки есть послесловие его друга, известного немецкого литературоведа Макса Брода, который был одновременно видным сионистом и вторую половину своей жизни провел в Израиле. Это послесловие поражает тем, что дает совершенно неожиданную трактовку всего смысла, всей атмосферы романа. Перед читателем еще стоят чудовищные, инфернальные картины скитания землемера К. по изнуряющим лабиринтам абсолютной, но совершенно иррациональной Власти таинственного Замка, — скитания, в результате которых он полностью теряет все личные стремления и порывы, доходя до предельной степени отчуждения от себя самого, от своей сути (и так, в точке максимума отчуждения он и умирает), — а в комментариях Макса Брода вдруг ошеломляющее откровение: речь шла, по мнению критика, об аллегории специфически еврейского, иудаистического и даже каббалистического понимания Закона (Торы), который открывается ортодоксальному верующему как непостижимое и совершенно отчужденное от индивидуума хитросплетение божественного кодекса. Согласно Максу Броду, речь в романе идет об иудаистском понимании сакрального, причем не пародийном, карикатурном или гипертрофированном, но ... ортодоксальном, классическом, нормальном и нормативном. Бездна, отделяющая тварь от творца в иудаизме непреодолима, и даже “избранные” (т.е. “иудеи”) могут претендовать лишь на трагическую констатацию тщеты всякого человеческого порыва к разгадке логики Потустроннего, Божественного. Таким образом, “Замок” у Брода становится не образом “общества отчуждения”, но символом “еврейского мировоззрения”, талмудического видения структуры Вселенной, абсурдизированной и обезжизненной за счет удаленности от нее ее Создателя, открывающегося “своему народу” лишь через совокупность строгих и недоступных пониманию предписаний, образующих парадоксальные лабиринты “Закона”, где “милость” (“хесед”) и “строгость” (“гебура”) сменяют произвольно друг друга вопреки всякой логике.

Если мы соотнесем все эти неожиданные откровения знаменитого критика и знатока каббалы и талмуда с тем, что было сказано о принципе “Системы”,

основывающейся на отчуждении, станет очевидным, что сама оценка “Системы” (а значит и социального отчуждения) как откровенного зла является такой же неоднозначной, как понимание выразительного романа Кафки. Одни искренне и естественно видят в этом максимум Зла, безысходности, эксплуатации, сокрытия истины, свободы, справедливости, а другие, напротив, столь же искренне и естественно, полагают, что речь идет о наиболее справедливом и верном мироустройстве и мировоззрении, об органичном и последовательном применении к социальному уровню догмы “радикального монотеизма”, предполагающего как следствие фундаментальную исключенность человека и общества из мистерии спасения, преображения, “обожения”. Продолжая эту аналогию можно сказать, что, если для одних “преступление против истинной, органической демократии”, “отчуждение народа от власти”, его деполитизация, циничное манипулирование им ради неясных целей “скрытой элиты” есть откровенное “насилие над человеком и нацией”, “несправедливость”, “тирания”, “диктатура”, то для других то же самое вполне “допустимо”, “оправданно” и даже “необходимо”, так как это органическое единство народа, над которым осуществляется социальное насилие, не несет никакой ценностной нагрузки, не содержит никакого духовного или теологического позитива.

Если взять “Замок” Кафки как литературно-символический аналог “Системы”, то мы сможем лучше понять, каким мировоззрением должны обладать те представители “скрытой элиты”, которые не только используют антидемократическую модель “Системы” в своих корыстных целях, но и “сакрально” оправдывают ее, придают ей “теологическое” обоснование.

Перемены, которые ничего не меняют

Вряд ли следует специально доказывать, что посткоммунистическая власть в России никак не может соответствовать названию “демократии” — ни о каком “соучастии в своей собственной судьбе” русского народа, естественно, не может быть сегодня и речи. Типичное “общество спектакля”, — с балаганными референдумами, предвыборными шоу, бессмысленной псевдо-политической сутолкой у микрофонов и телекамер, —наскоро смонтировано в России по средним западным стандартам. Лишь русская стихия и отсутствие достаточного технического опыта у манипуляторов придает всему гротескный, шутейный характер. Но дух отчуждения, витающий над страной, —это всерьез. Ни власть, ни растерянная оппозиция не выражают даже приблизительно того, что хочет и к чему стремится нация, сама потерявшаяся и остолбеневшая после молниеносной смены общеобязательных социальных догм. Быстрота и поспешность идеологических перемен, затеянных и осуществленных “теневой группой”, цели и мотивы которой до сих пор остаются совершенно неизвестными даже для специалистов-политологов, свидетельствует о предельном равнодушии, даже о презрении к тому, что можно назвать подлинными “демократическими принципами”. В последние периоды “советского общества” народ также безмерно удалился от политики, задремал, отделенный от власти километрами партийных коридоров. Но встряхнув его, “скрытая элита” лишь установила режим еще более циничный и жестокий, в котором у народа была отнята последняя возможность мирно и согласно дремать кивая.

Народ не только не спросили, а чего, собственно, он хотел бы в результате перемен и какие перемены ему вообще нужны? Ему грубо навязали совершенно новую и не из чего не следующую либерально-рыночную догму, а те “демократические” формы решения, которые все же ему внешне были предоставлены, легко приравнивались к нулю, когда “Системе” это было необходимо.

В сущности, если “Система” как общая концепция не является ни “правой”, ни “левой”, если “скрытая элита”, стоящая за сменяемыми внешними вывесками,

руководствуется больше “мировоззрением”, описанным Кафкой и прокомментированным Максом Бродом, нежели логикой обычных, внешних политических идеологий, то станет совершенно понятным то чувство, которое многие простые русские люди испытывают сегодня: “ничего так и не изменилось”, “обновления не произошло”, “никаких реформ нет и в помине”, “это все обман правящей верхушки”... “Система”, действительно, осталась все той же. Те же секретари обкомов отдают глуповатые распоряжения, те же мафиозные проходимцы из олигархии советской культуры задают нравы, даже те же цензоры судят тех же непокорных литераторов, что и раньше. Патологически скучный “Ленинский Университет Миллионов” незаметно перешел в “Поле Чудес”, проделав путь через наспех и грубовато слепленный “Взгляд”. Когда бывший член Политбюро с экранов пугает “букой” коммунизма — отвратительный вампирический лик “Системы” предстает перед нами во всей своей наглой иррациональности . Герои “Замка” у Кафки подвергаются подобным же испытаниям абсурдом — таким путем в них уничтожается доверие своим собственным воспоминаниям, чувствам, переживаниям, ощущениям, таким путем их отучают доверять самим себе и полагаться на себя даже в самых простых бытовых вещах. “Ведь этот же самый человек еще совсем недавно говорил прямо противоположные вещи!”, удивляется тот, кто еще недостаточно усвоил терапию “Системы”. “Да, нет, — поправляет более продвинутый в медиакратическом лечении, — он это говорил всегда”. Оруэлл определил этот метод следующей формулой: “Кто управляет настоящим, управляет прошлым, а кто управляет прошлым, управляет будущим”.

Но дело не только в том, что власть рыночников является прямой наследницей доперестроечной “Системы”. Оппозиция также очень далека от подлинно “демократических” принципов. Не ставя под вопрос фундаментальных основах, на которых стоит “Система”, часто поддаваясь на ложные вызовы и выбирая между ложными альтернативами, бюрократически по инерции не понимая свой народ и обладая типично советским невежеством относительно реальной политической истории наций и государств, оппозиция подчас невольно подыгрывает “Системе”, отвлекает внимание на пустяковые проблемы, создает новые барьеры между людьми и властью. Почему-то поверив наглой демагогии рыночников относительно “демократии”, оппозиция стала на “антидемократические” позиции, лишив тем свои тезисы логической последовательности и идеологической состоятельности. Чтобы понять и услышать волю народа, надо обладать изысканным, тонким слухом. Чтобы осуществить его чаяния, надо обладать огромным мужеством, титанической силой и героической жаждой Преодоления.

Если оппозиция будет лишь довеском “Системы”, как это сегодня происходит повсюду в странах, где “Система” стабильна и устойчива, ей придется рано или поздно исчезнуть вместе с Центром.

Пожар Демократической Революции

Когда на месте землемера К. из кафкианского “Замка” оказывается не “ортодоксальный иудей” (о котором говорил Макс Брод), видящий в иррациональном давлении “Системы” лишь подтверждение превосходства Божественного над человеческим и примиряющийся с непознаваемой произвольной иерархией темных хитросплетений отчужденной власти, а человек другой нации, другой традиции, то его естественным и вполне оправданным желанием рано или поздно будет взять и разрушить сам фундамент высящейся на холме серой громады зловещей постройки. То же справедливо и для народа. Если народ здоров, и если его духовная традиция отлична от той версии “иудаизма”, в рамках которой “Замок” находит свое теологическое оправдание, то его единственным ответом на деспотизм Отчуждения рано или поздно станет Народная Революция, ведущая к Справеделивости и подлинной Демократии. Часто это не происходит, задерживается или потому, что на нацию осуществляется физическое

давление какой-то посторонней, оккупационной силы (но тогда неизбежна национально-освободительная борьба), или потому что она не является однородной, т.е. волевой импульс одной национально-культурной составляющей блокируется волевым импульсом другой национально-культурной составляющей. Но и в этом втором случае может наступить либо этническое деление (и затем уже подлинно Демократическая Революция), либо слияние воедино нескольких волевых импульсов перед лицом общего врага — "Системы", убийцы наций.

Сегодня "скрытая элита" "Нового Мирового Порядка" определилась однозначно как капиталистическая и космополитическая сила. Причем сущность этой силы в ее полной противоположности базовой идее "демократии", ведь она подавляет народы и лишает их возможности править самими собой, т.е. "соучаствовать в их собственной судьбе". Нет также ни малейших сомнений в том, что "рыночная" нео-номенклатура, а равно как и последние советские руководители, передавшие ключи от механизма управления "Системой" новой группе антидемократических манипуляторов, являются составной частью мондиалистской паутины "Нового Мирового Порядка", послушными и безотказными, как густо смазанные долларовым прикормом шестеренки. Эта власть — власть "Системы", власть тиранов, деспотов, диктаторов, облаченных в циничные "гуманитарные" робы ряженых "демократов" из "общества спектакля". Эта власть "всемирных каменщиков", заканчивающих возведение своего иррационального "Замка", зловещего строения, в котором и им самим подчас становится жутко, даже при мимолетной догадке о том, чей дворец построен их усилиями.

У народов же есть свой собственный путь. Это — путь неповиновения "Системе", силам "Нового Мирового Порядка", "теневой элите", ее наймитам и провокаторам. Воля к истинной Демократии выше, чем оппозиция. Она чиста, идеальна. Ее нельзя подделать или извратить, так как в ней все определяет страстный порыв, мужественное действие, непокорное и прекрасное стремление к "Пылающей Справедливости" (А.Рэмбо), к Свободе, к Политике, к Власти, к активному "соучастию в своей собственной судьбе", в судьбе своего священного народа...

Часть XII. ВЫЗОВ СОЦИАЛИЗМА

ЗАГАДКА СОЦИАЛИЗМА

Тайная симпатия антиподов

В истории политических учений существует одно очень странное обстоятельство, которое не перестает удивлять политологов и исследователей идеологий. Это необъяснимая тяга друг к другу противоположных полюсов политического спектра, которые не только активно интересуются друг другом, но и довольно часто объединяются ради борьбы против центра. Данное обстоятельство настолько бросается в глаза, что появилось даже расхожее клише, утверждающее, что в политике противоположные экстремумы сходятся. Этот тезис о совпадении экстремумов часто берется за аксиому (особенно это характерно для прагматического центра, не желающего вдаваться в подробности относительно логики своих противников и ограничивающегося указанием на их сходство, как будто это хоть что-нибудь объясняет). Можно подумать, что тезис Николая Кузанского о "совпадении противоположностей" (coincidencia oppositorum) применим не только к предельным сферам теологии, но и к политическому спектру. На самом деле, данный феномен заслуживает глубинного изучения. Тот факт, что он чрезвычайно часто встречается в конкретной политике, еще не означает, что речь идет о чем-то само собой разумеющемся. Ведь Кузанский говорил о "совпадении противоположностей" в Боге, в точке метафизического предела, в Абсолюте, а сфера

политического, естественно, никакого отношения к Абсолютному не имеет. Следовательно, мы имеем дело в данном случае не с чем-то банальным, но, напротив, с чем-то загадочным, странным, тревожным; с чем-то нуждающимся в самом серьезном исследовании.

Так как данная тема чрезвычайно широка, мы выделим здесь лишь один аспект “совпадения противоположностей” в политике. Нас интересует более всего та двусмысленность, которая связана с учением социализма, являющегося сферой притяжения самых различных и подчас взаимоисключающих идеологических тенденций - предельно консервативных, традиционалистских, “реакционных”, иерархических, авторитарных, почвенных и спиритуалистских, с одной стороны, и предельно модернистических, прогрессистских, эгалитаристских, технократических и материалистических, с другой. Быть может, именно социализм является той идеологией, где сосуществуют самые далекие друг от друга и самые радикально противоположные тенденции.

Среди первых социалистов мы видим наследников Просвещения - механицистов и атеистов (Луи Блан, Прудон, Маркс и т. д.) - и пламенных мистиков (Кампанелла, Мор, Пьер Леру, Луи Констан (ставший позднее Элифасом Леви), Фабр д’Оливе, Сэнт-Ив д’Альвейдр и т.д.); прагматиков, озабоченных рационализацией социальной структуры (Сен-Симон, Фурье и т.д.) и утонченных элитарных эстетов (Уильям Блэйк, Оскар Уайльд и т.д.). Сорель становится учителем для Ленина и для Муссолини. Лассаль солидаризуется с Бисмарком. Мао Дзэдун признает в разговоре с Мальро, что является “последним Императором”. Крайне правое, традиционалистское и архаическое сочетается с крайне левым, “прогрессивным” и ультрасовременным.

В чем же причина такого презрения к политической логике, которая довольно четко соблюдается в иных секторах идеологического спектра, где правое остается правым, а левое - левым, не смешиваясь и четко дифференцируя свои оттенки и вариации по довольно ясно определенной шкале?

Версия Третьего Пути

Одной из наиболее привлекательных гипотез, объясняющих данный парадокс, является, на наш взгляд, идея о принципиальном, парадигматическом делении всего идеологического спектра не на два лагеря - правые-левые, - но на три лагеря, довольно автономные по отношению друг к другу. Введение концепции Третьего Пути как самостоятельной идеологической позиции, в значительной степени, усложняет привычное видение политической структуры общества. Поясним это.

Двойственное деление на правых и левых предполагает существование Центра, в котором политические фланги достигают компромисса путем отказа от своих наиболее радикальных позиций, изначально определяющих то, что одни являются правыми, а другие левыми. В этой политологической дихотомии, центр - это не нечто третье, самостоятельное, но лишь наложение наиболее блеклых и ослабленных аспектов правого и левого фланга. Иными словами, в такой модели центр не имеет никакого самостоятельного идеологического фундамента и целиком и полностью зависит от качества позиции правых и левых. Любое движение правых вправо и левых влево или наоборот автоматически влечет за собой изменение позиции центра.

Политология, учитывающая не две, а три политические позиции, резко меняет всю картину. Третья Позиция или Третий Путь есть такой идеологический фактор, который является прямо противоположным позиции центра во всех отношениях. Если центр всегда является продуктом компромисса, то Третий Путь ратует за предельную бескомпромиссность (как справа, так и слева). Если центр ненавидит крайности флангов (“экстремизм175), то Третий Путь, наоборот, приветствует все крайности, независимо от их политической ориентации. Если центр принципиально зависим от правых и левых, то Третий Путь принципиально самостоятелен. Если центр опосредует и смягчает позиции краев, Третий Путь их заостряет и радикализирует. Если центру для того, чтобы существовать, необходимы две стороны политической шкалы, и в сохранении этого дуализма центр жизненно заинтересован, то Третий Путь, напротив, стремится выйти за рамки дуализма, преодолеть двойственность, осуществить синтез и “трансцендирование” обычной политической системы. Третий Путь - это антицентр. Парадигмой этого соотношения могут служить слова Апокалипсиса, обращенные Иисусом Христом к Ангелу Лаодикийской Церкви. “Знаю дела твои, ты не холоден, и не горяч. О, если бы ты был холоден или горяч. Но так как ты не холоден и не горяч, а тепл, то извергну тебя из уст Моих”. Не холоден и не горяч политический центр. Третий Путь не стоит на стороне Жара или Холода, он стоит на стороне и Жара и Холода против Тепла.

Если принять версию Третьего Пути, станет очевидным, что все идеологические парадоксы, связанные с идентификацией того или иного политического деятеля или мыслителя в шкале правые-левые, говорят, чаще всего, лишь о его принадлежности Третьему Пути и ошибочности его занесения в лагерь правых или левых. В таком случае, речь идет более не о таинственной тяге противоположностей друг к другу, не о парадоксальной любви Жара к Холоду, и наоборот, но об особой позиции, равно удаленной и от одного и от другого полюса, но в равной мере симпатизирующей “самому холодному” и “самому жаркому”. Можно сказать, что такая позиция предполагает уникальную тягу к Пределу, к полному исчерпанию предлагаемых идеологических возможностей, волю к Абсолютному. На практике, Третья Позиция может быть реализована и через “правый”, и через “левый” фланги, если тотальное отождествление с логикой своей “партии” и радикализация верности ее идеалам приведет идеолога к истоку ее инспирации и выведет дальше, по ту сторону этого истока. Через предельный Жар можно постичь тайну Холода, а через предельный Холод - тайну Жара. Важно, однако, заметить, что Абсолютное, на которое ориентирована Третья Позиция, не лежит в сфере политического. Политическое, в данном случае, становится лишь инструментом человеческой воли, полем проявления заложенного в людях Святого Духа.

Таким образом, социализм как идеологическое явление менее всего укладывающееся в конвенциональные политические схемы, представляется наиболее близким к самой сущности Третьего Пути. Это интуитивно ощущали Прудон и Сорель, Мюллер ван ден Брук и Эрнст Никиш. Социализм неразрывно связан с волей к Синтезу, с эсхатологией, с мифом о преодолении противоречий дольнего мира и наступлении Царствия, в котором будут действовать не законы бледного компромисса и фарисейски прикрываемой несправедливости, но благодать Нового Мира, по ту сторону Холода и Огня. Социализм, к предтечам которого часто относят Гегеля, ориентирован на Синтез, снимающий тезу и антитезу, на головокружительное преодоление роковых рамок человеческой и социальной реальности. Социализм стремится не сгладить существующие противоречия - как в экономической, так и в духовной жизни, как в политической, так и в культурной сфере, - но, доведя эти противоречия до предела, вскрыв их, обнаружив их, совершить революционный переворот и раз и навсегда покончить с узами вуалируемой Несправедливости и Тирании - тирании социально-экономического устройства и тирании Времени, идущего лишь в одном направлении, тирании Материи и политических

олигархий, тирании религиозного лицемерия и непокоренного пространства. При этом главным врагом социализма является все то, что стремится сгладить, скрыть существующие противоречия, что хочет выдать Царство Несправедливости за наименьшее зло, а онтологическую или историческую Драму преподнести как банальную закономерность. Поэтому социализм и вбирает в себя самые радикальные элементы, все кризисные и экстремальные проекты - одни из них иллюстрируют социалистам сущностный Трагизм “Старого Мира”, другие предвосхищают Новое.

Фердинанд Теннис и структура социалистического мифа

Чтобы лучше понять сущность социализма как позиции Третьего Пути по преимуществу, обратимся к исторической модели, которая в той или иной форме предопределяет логику социалистического отношения к общественной, политической и экономической реальности. В данном вопросе мы обратимся к концепции Фердинанда Тенниса, чьи идеи лежат в основании всей школы немецкой социологии.

В самых общих чертах теория Тенниса такова. Всякий цельный человеческий коллектив - народ, государство, племя, нация и т.д. - может быть отнесен к одной из двух основополагающих категорий, определяющих его качество. Этими категориями являются Община (Gemeinschaft) и Общество (Gesellschaft). Французскими аналогами этих терминов являются communaute и societe. Немецкие термины отражают сущность этих понятий предельно ясно, так как этимологически слово Gemeinschaft происходит от корня “общий” (commun, по-французски), а слово Gesellschaft от корня “связь, путы, оковы” (сходная этимология и у французского societe). (К сожалению, в русском языке сходной пары терминов не существует, и для ясного понимания доктрины Тенниса следует иметь в виду немецкую этимологию.) Община, согласно Теннису, это традиционный тип человеческого коллектива, основанного на органическом родстве всех его членов между собой. Прототипом общины является семья и ее члены. Теннис подчеркивает, что в лоне семьи связи между ее членами не являются связями между различными индивидуумами, строго разделенными друг с другом. Действительно, мужчина в семье рассматривает свою жену, своих детей и своих родителей не столько как посторонних индивидуумов, сколько как продолжение самого себя. Их боль - это его личная боль; их радость - его радость; их голод и недуг - его недуг, а их здоровье - его здоровье. То же самое можно сказать и о других членах семьи. Семья, состоящая из нескольких людей, является в то же время единым организмом, функционирующим в полной, физической, психической и нравственной взаимосвязи. Даже на уровне удовлетворения самых примарных инстинктов - питания, полового влечения и т.д. - члены семьи не могут до конца отделить себя от другого, не могут быть индифферентными к своему близкому. По образцу семьи складываются и более объемные органические общины (Gemeinschaft) - род, племя, селение и так вплоть до целого народа. Всякая община, утверждает Теннис, имеет единый социо-экономический и нравственный критерий, воплощенный в Традиции, которая является основой общинного бытия. Эта Традиция может иметь свою церковную, теологическую формулировку, но может и не иметь ее, передаваясь через мифы, преемственность нравственных и хозяйственных норм, через обряды и ритуалы. Как бы то ни было, даже в пределах целого народа община характеризуется, прежде всего, отсутствием представления об индивидууме как базовой составляющей коллектива. Члены общины, рассматриваются, напротив, как ее частные и фрагментарные воплощения, как отражения в разбитом на множество осколков зеркале единой Реальности, Общего Бытия.

Вторым типом коллектива Теннис считает Общество (Gesellschaft). Общество (Gesellschaft), в отличие от общины (Gemeinschaft), строится не на принципе органического родства и единства, но на принципе коллективного договора, искусственно связующего атомарных индивидуумов и регулирующего их совместное существование. Общество не предполагает никакой однородности его членов, так как теоретически оно может возникнуть из любого коллектива индивидуумов, которые, для того, чтобы сосуществовать, просто принуждены будут создать между собой "связи" (Gesellen), ложащиеся в основу социальной нормы. Общество (Gesellschaft) как особый тип коллектива основывается на принципе индивидуального эгоизма, предполагающего, что реализация всех потребностей человека, начиная с самых примарных, является его личным делом. Безусловно, для достижения личных целей члены общества (Gesellschaft) могут и должны кооперироваться, но любое объединение ориентировано исключительно на достижение индивидуальных целей, что, впрочем, может в качестве возможного следствия, привести и к повышению благосостояния всех (но может и не привести).

По Теннису, община (Gemeinschaft) существовала всегда, и именно она представляет собой наиболее естественный и нормальный тип человеческого общежития. Общество (Gesellschaft), со своей стороны, возникло на поздних этапах развития истории в результате разложения органических взаимосвязей общины (Gemeinschaft). Социальную историю человечества можно представить как постоянное движение от общины (Gemeinschaft) к обществу (Gesellschaft). Если в древнем и средневековом мире эти тенденции проявлялись циклически, то, начиная с появления капитализма, победа общества (Gesellschaft) над общиной (Gemeinschaft) стала несомненной, и община со всеми свойственными ей традиционными нормами была вытеснена на периферию цивилизации.

Буржуазный строй, по Теннису, есть полный триумф атомарного коллектива, строящего свое существование исключительно на искусственных нормах договора.

Социализм, определяемый в терминологии Тенниса, есть сознательная реакция на наступление общества (Gesellschaft), осознанное как отчуждение (Entfremdung), и стремление вернуться к органическим формам существования, к общине (Gemeinschaft), к братству и единству органического коллективного существа. Стремление к общине становится "сознательным" и "осознанным" именно тогда, когда последние остатки общинного строя исчезают перед лицом "контрактной цивилизации". Социализм, таким образом, есть тенденция и консервативная и революционная одновременно, так как она ориентирована на реализацию в будущем идеала прошлого. В социализме на первый план выступает диалектический фактор, так как возвращение к общине (Gemeinschaft) после ее разрушения капиталистическим обществом (Gesellschaft) должно стать процессом качественно иным, нежели существование общины (Gemeinschaft) по инерции. Поэтому телеологическая ориентация социализма предполагает в будущем не просто общину, но Абсолютную Общину, основанную не на братстве братьев, но на "всеобщем братстве". Фактически, социалисты хотят вернуться не во вчерашний, а в позавчерашний день, в Золотой Век, к Истоку. Отсюда и кажущаяся подчас странной образность социалистических утопий, в которых воспеваются не просто органические, реалистически-общинные отношения, но эдемический идеал, прото-община (Urgemeinschaft).

Фактически, всякий последовательный социализм должен логически завершаться коммунизмом, торжеством планетарной общины, великой реставрацией Золотого Века. Какими бы теоретическими соображениями ни облекался фундаментальный социалистический миф - от экономических выкладок Маркса до мистических фантазий

Кампанеллы или Фурье - он остается принципиально единым, консервативно-революционным в своей основе, “третьепутистским”, “героическим”, модернистическим и реставраторским одновременно. Такие странные утопические детали в описаниях коммунистического общества, как общность жен, управление стихиями, отсутствие труда, отсутствие частной собственности и т.д. не что иное, как упрощенное, секуляризированное представление о Рае, об изначальном адамическом состоянии, в котором существует не множество индивидуумов, но один единственный Субъект, пребывающий в онтологическом изобилии.

Если теперь с уровня социального, оперирующего такими категориями, как общество (Gesellschaft) и община (Gemeinschaft), перейти к религиозному пониманию истории - как в тех традициях, где история мыслится линейно (христианство, иудаизм), так и в тех традициях, где доминирует циклическое понимание истории (индуизм, буддизм, ислам, язычество и т.д.) - мы увидим точный аналог исторического видения. Более того, стремление вернуться к Истоку, возвратить утраченное некогда праотцами райское состояние, но уже с новым, обновленным сознанием, постигнувшим темную тайну изгнания, есть основа всякой религиозной этики, всякого духовного отношения к проблеме Времени. Социализм лишь сводит эту парадигму к уровню социальной реальности, ставит ту же проблему в социально-политических терминах. Богатые, которым в рай войти труднее, чем верблюду пройти через угольное ушко, из антропологической, символической категории превращаются в социальный класс. Нищие духом обнаруживаются в самом обездоленном классе - в угнетаемых капиталистами рабочих. Но рабочие не всегда были социальными винтиками бездушной машины. Некогда они были “верными земле”, принадлежали общине, обладали Традицией. Они превратились в пролетариев не из животных, но из благородных Тружеников. Значит, их восстание против эксплуататоров имеет глубинный реставраторский смысл. Они, спустившись на дно социальной Ночи, принесут миру зарю Нового Дня и восстановят Общину, Братство и Справедливость.

Социализм есть восстание против общества. Социализм есть предвосхищение коммунизма.

Революция против Эволюции

Одним из существенных моментов социалистической идеи является принцип Революции, лежащий в основе и социалистического понимания истории, и самого экзистенциального пафоса социализма. Этимологически слово “революция” означает “вращение” (подразумевается “колеса”, “солнца” и т.д.) или даже “воз-вращение”. Этот термин имеет прямое отношение к логике социалистического мифа, ориентированного на диалектическое возвращение к Истоку после прохождения фазы отчуждения. Революция - это героическое преодоление максимума онтологической и социальной энтропии, восстание против неумолимого рока, разлагающего органическую ткань общины (Gemeinschaft) и порождающего социальное царство Несправедливости, предельной фазой которого является буржуазный строй. На моменте революции сосредоточены все силы социалистической борьбы, так как именно в этом событии открывается во всей полноте та стихия героической воли, которая в этот миг окончательно отделяет себя от стихии социальной инерции, доказывает инаковость своей природы и обнаруживает свое глубинное качество - вертикальное по отношению к инерциальному течению истории.

Революция - это кульминационный этап всей социалистической эсхатологии, ориентированной в своей наиболее чистой форме не на развитие, не на эволюцию, не на

постепенное совершенствование и “прогресс”, но, напротив, на резкий скачок из самого низшего в самое высшее (“кто был ничем, тот станет всем”), на героическое деяние, на сверхпреодоление, на великое восстание против имманентных законов общественной истории. И здесь мы снова сталкиваемся с парадоксом: сущность социалистического понимания истории основывается на понимании ее как деградации, как постоянного совершенства и тотализации средств эксплуатации, как разрушения органических общинных связей, как удаления от “пещерного коммунизма”, но в то же время, социалистов принято считать сторонниками “прогресса”, и именно идея неизбежности “социального прогресса” лежит в основе доктринальной убежденности социалистов в неизбежности Революции. Этот момент требует разъяснений.

Если парадоксальный характер социализма как учения, его глубинное родство с идеей “совпадения противоположностей” заставляет отнести его к идеологии Третьего Пути, или даже приравнять его к этой идеологии, то чем объяснить тот факт, что очень часто конвенциональная политология относит социализм к разряду левых идеологий? Видимо, под одним и тем же термином - “социализм” - скрыты две различные доктринальные системы, различающиеся между собой не по степени радикальности, но по своей сущностной, онтологической ориентации. Приглядевшись внимательно к реально существующим социалистическим движениям, мы без труда поймем, в чем состоит различие между “социализмом Третьего Пути” (или просто социализмом) и “левым социализмом” (или псевдо-социализмом). Левый социализм прекрасно укладывается в двухполюсную политологическую схему, а значит, он не ставит под сомнение правомочность такой системы, пытаясь лишь повлиять на центр и сместить его как можно “левее”. На уровне историософского видения это означает отказ от Революции, как кульминации социалистического действия и подмена этой Революции принципом Эволюции, прогресса. Прогресс для подлинного революционного социализма - заключается в Скачке, в травматическом разрыве однородного течения социальной истории. Общество (Gesellschaft), “старый мир”, “мир насилья” подлежит, согласно истинно социалистической доктрине, не “улучшению”, а “отмене”, “разрушению”, “уничтожению”. Вместо него должен появиться “новый мир”, “наш мир”, “мир Общины (Gemeinschaft)”, но не той общины (Gemeinschaft), которая была разрушена капиталистическим обществом (Gesellschaft), а значит, несовершенной, не способной охранить себя от тлетворного влияния Отчуждения и Несправедливости, а Новой Общины, Абсолютной Райской Общины, куда вообще не будет доступа стихиям онтологической и социальной энтропии. Социализм, ориентированный на Эволюцию, понимает “прогресс” не как героический скачок, не как волевой подвиг революционной элиты, возглавляющей массы обездоленных, - т.е. тех, кто провиденциально поставлен социумом в экстремальную позицию, позволяющую понять весь драматизм отчуждающего детерминизма истории, - а как ускорение того самого социального процесса, который и привел к порождению общества (Gesellschaft) как особой коллективной реальности. Итак, между революционным социализмом и эволюционным социализмом - различие не только в степени радикальности, но в самой сути. Первый видит социальную историю как сущностную деградацию и ориентирован против ее течения, вертикально по отношению к ней. Второй солидарен с этой историей и стремится к ее ускорению. У коммунизма и истинного социализма нет большего врага, чем социал-демократия. Левый социализм - это не просто ренегатство, это абсолютный враг социализма Третьего Пути, и не только из-за учета или неучета национальных, государственных, религиозных факторов (как думают некоторые), но в силу своей изначальной, глубинной векторной инаковости.

Здесь можно также указать на некоторый этимологический парадокс, который внимательный читатель уже наверняка заметил в том месте, где мы говорили о

противопоставлении общины (Gemeinschaft) и общества (Gesellschaft) у Тенниса. Дело в том, что само слово “социализм” происходит от латинского “социум”, т.е. “общество” в смысле Gesellschaft. “Коммунизм” же этимологически родственен слову “коммуна”, т. е. “община”, Gemeinschaft. Если понимать социализм как “преддверие коммунизма”, а это один из наиболее часто встречающихся вариантов, то мы будем иметь дело (уже по определению) с революционным социализмом, социализмом Третьего Пути. Такой социализм находится по ту сторону Скачка, отделяющего старый мир от Нового. Если же понимать социализм строго этимологически, т.е. как политический строй, в котором общество (Gesellschaft) достигает своего апогея, то мы имеем дело с эволюционным социализмом, не противоречащим логике капитализма, но, напротив, доводящим эту логику до предела. Такой социализм (называемый чаще всего социал-демократией), левый социализм есть концентрат Старого мира, “мира насилия”, где эксплуатация не только не исчезает, но достигает своего пика - как по жестокости, так и по утонченности. Высшая форма рабства наступает тогда, когда сам факт рабства более не осознается рабами. С таким левым социализмом истинный социализм Третьего Пути находится в состоянии абсолютной борьбы. Против него и направлен, в конечном итоге, огненный шквал Коммунистической Революции.

Элита и Мистерия Нищеты

Оскар Уайльд в своей новелле “Кентерберийское привидение” дал удивительно глубокую характеристику сущности социализма. Один из персонажей этого рассказа, кентерберийское привидение, говорит: “Нет ни одной мистерии выше мистерии Любви, кроме мистерии Нищеты”. Нищета есть то волшебное состояние, в котором происходит рождение великой силы социализма. Нищета - это предел нисхождения по социальной иерархии, в которой обездоленным место только в самом низу. В традиционном обществе, в общине (Gemeinschaft), в органическом строе нищета никогда не имела того мистического смысла, который она приобрела с наступлением капитализма. Отсутствие материального достатка в общине является признаком скорее высших каст - жреческой и административной. Отсюда - обеты бедности в монашеских и рыцарских орденах. Бедность в традиционном обществе почитается как добродетель, так как в ней проявляется тенденция к преодолению материального, к спасительной духовной аскезе, искупающей самим своим фактом неизбежную материальность остальных членов коллектива. Бедность теснейшим образом сопрягалась в Традиции с идеей элиты. Неравенство там основывалось на спиритуальных, а не на материальных факторах. Поэтому аскеза стояла не на периферии, а в центре социальной реальности, являясь благодатной точкой соприкосновения низшего с высшим, дольнего с горним, оптическим фокусом сообщения между собой энергий Неба и энергий Земли.

Деградация общины (Gemeinschaft) и окончательное установление индивидуалистического, “коллективно-договорного” порядка перевело нищету из центра на окраину социума, сделало из нее синоним социального порока. Бедность одних стала восприниматься не как компенсация за благосостояние других, с соответствующей сменой ролей в духовной сфере, но как зло само по себе. Такая “презренная нищета” и есть источник величайшей социалистической мистики. Зона нищеты стала при капитализме единственной сферой сосредоточения Подлинного, Духовного, Справедливого. Именно сюда стянулась подлинная элита, сохранившая верность принципам общины (Gemeinschaft) и отказавшаяся от буржуазно-индивидуалистических правил общежития. Чем более презренным, отверженным и обездоленным является человек в капитализме, тем яснее проявляется его провиденциальная избранность, его инаковость, его

“субъектность”. Ницше писал: “Я предвижу то время, когда последний благородный человек станет неприкасаемым, чандалой”.

И здесь проявляется циклическая идея социализма, парадигмой которой можно считать евангельскую притчу о блудном сыне. Блудный сын покидает счастливую обитель отца - социальная история переходит от стадии общины (Gemeinschaft) к стадии общества (Gesellschaft). Он тратит все свое состояние - истинная элита, верная общине (Gemeinschaft) теряет все внешние признаки своего статуса, переходит в разряд отверженных, обездоленных; созидательный труд теряет свою ценность при расцвете финансового капитализма. И наконец, блудный сын, познавший горечь отверженности, возвращается к отцу с новым знанием, с драгоценным опытом Нищеты - происходит Революция элиты, смещенной на периферию, против энтропических законов “эволюции” и ее возвращение к своему истинному положению, но уже с глубинным опытом Страдания и Сострадания. Тот, “кто был ничем” становится “всем”, кем по сути он был и раньше, но только тогда, прежде, чем “стать ничем”, он еще не осознавал “глубины” бытия, его третьего измерения, его темного предела.

Дух Революции, энергию Возврата элита черпает в опыте Обездоленности.

При этом важно и еще одно обстоятельство. Социализм предполагает уникальный революционный альянс между высшей духовной аристократией, “лишенной наследства” режимом сытого буржуа и народными массами, низами, более всего подверженными эксплуататорскому давлению восторжествовавшей с капитализмом посредственности. Это еще одно “совпадение противоположностей”, свойственное социалистическому учению. Этот союз между субъектным полюсом Революции (“профессиональным революционером”) и ее объектным полюсом (“народными массами”) имеет под собой глубокое основание. Существа, погруженные в мистерию Нищеты, делятся принципиально на две антропологические категории - на пассивно страдающий от извращения социальных пропорций народ, в котором угрюмо копится бессознательная ненависть к “договорному строю”, и социалистическая контр-элита (по классификации Парето), активная и воинственная, угадывающая в угнетенных массах образ своей собственной души, лишенной, однако, разумности и воли. Эта антропологическая двойственность является основой революционной иерархии социализма, которая ничуть не нарушает равенство революционной элиты и народа ни перед лицом угнетателей, ни перед величием социалистического идеала. Это иерархия самопожертвования, иерархия служения, которая не может быть ни спародирована, ни превращена в источник личного благополучия уже по той причине, что мерой революционного превосходства является степень постижения мистерии Нищеты, глубина страдания и сострадания, уровень самоотверженности и готовности превратить свою жизнь, свою судьбу в горючее Великого Эсхатологического Пожара. В этом аспекте, как и везде, социализм на политическом уровне предполагает тотальную войну против центра, против срединности, против посредственности, против буржуазных консерваторов, кичащихся своими привилегиями и против буржуазных прогрессистов, одержимых завистью ко всему выделяющемуся. Истинно социалистический подход заключается в парадоксальном, но глубоко обоснованном альянсе между предельными формами “равенства” и предельными формами иерархической структуры.

Мистерия Любви, о которой говорил персонаж Уайльда, была основой Общины (Gemeinschaft), традиционного строя. Мистерия Нищеты становится зародышем эсхатологической Революции на том этапе социальной истории, когда община (Gemeinschaft) разрушается, сменяясь обществом (Gesellschaft). Из этой новой мистерии созидаются “новые небеса и новая земля”.

Социализм и Смерть

Существует довольно любопытная трактовка социалистического мировоззрения как “социальной танатофилии”, “стремления к смерти”. На эту тему писали и консерваторы, и либералы. Среди европейских авторов интересны работы Нормана Кона (“В ожидании тысячелетнего царства”). Среди русских исследователей наибольший интерес представляет Игорь Шафаревич, обобщивший самые серьезные антисоциалистические аргументы в замечательной работе “Социализм как явление мировой истории”. В принципе, “танатофилию” социализма его критики обнаруживают, в первую очередь, в “ирреальности”, “несбыточности” его устремлений, в гротескном желании многих социалистов довести принципы общины (Gemeinschaft) до предела, включая общность жен, отсутствие всех индивидуальных форм существования людей - личных квартир, предметов быта и даже детей. Фанатизм социалистов граничит с ненавистью к законам естественной жизни, с требованием подчинить эти законы социалистической воле, со стремлением, в конце концов, разрушить “старый мир” вплоть до его биологических и даже минеральных корней. Все это, действительно, присутствует у социалистических авторов, но сама констатация этих аспектов, на наш взгляд, далеко не достаточна: она нуждается в объяснении, которого, как правило, не содержится в работах критиков социализма. Что же стоит за этой “танатофилией”, мнимой или подлинной?

Логика социалистического понимания истории может быть выражена и в категориях жизни-смерти. В начале есть жизнь, рай, полнота, органическая и естественная форма существования общины как единого организма. Разрушение общины (Gemeinschaft), распад органических связей и постепенное появление общества (Gesellschaft) есть переход к смерти. Финальная Революция означает новое обретение жизни, но не просто той, которая была и кончилась, но Новой Жизни, стоящей по ту сторону смерти, не подверженной ее тлетворному, энтропическому влиянию, - сверхжизни, Сверхбиоса, означающего не просто максимализацию витальности, но ее “трансцендирование”. Новый Человек - это не просто “восстановленный Ветхий Адам”. Это Адам спасенный, принципиально избавленный от роковых закономерностей деградации, которым подвержен даже рай. Древние греки прекрасно понимали это, когда утверждали, что даже бессмертные боги подвержены высшему закону Судьбы. Появление буржуазного общества есть для социалистов смерть органической жизни. Но когда приходит смерть капитализма, тогда возникает нечто иное - не похожее ни на жизнь, ни на смерть. Именно это иное, Инобытие, Эсхатологический Эон, Фантастический Мир Вечного и принимают за признак “танатофилии” критики социализма, чей горизонт ограничен либо ностальгией по архаической и безвозвратно утраченной до-общественной органичности, по “пещерному капитализму”, либо совершенно патологическим восприятием буржуазного “тепла” (ни Жара, ни Холода) как “нормальной жизни”. Критики социализма и справа и слева, однако, справедливо видят в социализме лик смерти, но это не смерть как таковая, а их собственная смерть, так как и правые и левые защитники Системы обречены на то, чтобы исчезнуть в эсхатологическом пожаре Последней Революции, если, конечно, они не узнают своей тайной, но не распознанной ранее мечты в надвигающемся шквале Огненного Преображения.

Конец Времен

Одним из типичных аргументов противников эсхатологии, т.е. учения о Конце Света, является утверждение, что многократное ожидание близкого Конца Света в

истории оканчивалось всякий раз ничем. Верные Традиции на это отвечают, что однажды все же это событие произойдет, так как должно произойти по священной логике истории. Священные писания утверждают, кроме того, что это событие произойдет именно тогда, когда его будут менее всего ожидать. Точно так же и с социализмом. Много раз в истории происходили события, которые типологически можно было бы приравнять к социалистическим революциям. И всякий раз оказывалось, что это было иллюзией, что "новый мир" был лишь частичным улучшением "старого", что яд энтропии проник и в революционную реальность, что восстановленная община не обладает всеми необходимыми качествами истинной социалистической победы. Но это никоим образом не означает, что такая подлинная Революция, Последняя Революция, не произойдет никогда. Быть может, только, она разразится внезапно, подобно Буре, зарождающейся в центре абсолютного штиля.

Одной из причин невозможности реализовать Революцию до конца является постоянная и довольно тонкая инфильтрация социалистических учений доктринальными элементами, подрывающими реализацию ее базовой стратегии. Ревизионизм разъедает социализм изнутри, как скрытая ересь. Коварные "агенты влияния" мировой энтропии стремятся внедрить в социалистический миф чуждые ему элементы: то ими становятся идеи "прав человека" (как во французском социализме), то концепция эволюции и прогресса (эта болезнь, и особенно ее мистическая форма, воплощенная в космистском коммунизме, характерна для русского социализма), то ксенофобские и шовинистические эксцессы (это подорвало основы германского социализма), то теория "национального избранничества" (что извратило социализм евреев). Но все это заставляет лишь глубже и глубже постигать мистерию Нищеты, которая только и может открыть нам истинные пропорции, гарантирующие финальный успех НАШЕЙ Революции. Социализм - это дело воистину обездоленных масс (внимательнее приглядитесь, не скрыты ли за объективной бедностью пролетария мелкобуржуазные, мещанские чаяния, не реализующиеся лишь потому, что для этого нет внешних условий!) и воистину радикальной элиты (будьте осторожнее, как бы за революционным пафосом идеологов не обнаружилось неумеренного индивидуалистического тщеславия, ищущего лишь скандала, или пустой интеллигентской демагогии!). Быть может, лишь когда и те и другие действительно постигнут Мистерию Нищеты, они смогут соединить свою волю настолько, что ветхий мир, действительно, будет разрушен до основания. А может быть, капитализм еще не обнаружил всей полноты своей Тайны Беззакония, необходимой для того, чтобы, победив его, победить не вторичные следствия, а причину исторического зла.

Сегодня рушатся последние оплоты того, что еще совсем недавно казалось социализмом. Тем лучше. Еще одна химера разоблачена. Разве истерический эволюционизм советской философии, вера в прогресс и ренегатские лозунги типа "Все для человека, все для блага человека" совместимы с духом истинного социализма?

Сегодня капитализм входит в свою последнюю стадию, следующую за империалистической. Это - стадия мондиализма. Весь мир превращается в царство Количества. Торжествующие глашатаи Системы объявляют о Конце Истории. Да, этот Конец близок. Но он будет совершенно не таким, каким он видится мондиалистам. Грядет пожар планетарной Национальной Революции, Социалистической Революции, Последней Революции, которая положит предел исчерпанному циклу человеческой истории. Новый Человек стоит на пороге. Скоро он войдет в этот погибший мир. Но мир капиталистической тьмы не "обоймет" его... Он грядет, как молния, от края неба до края... И в царстве его начнется Страшный и Праведный Суд над живыми и мертвыми... И времени уже не будет.

ПОТОМУ ЧТО МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, РЕВОЛЮЦИЯ

“Ленин и Сталин предали Коммуну. Их предательство не должно делать нас сторонниками Версаля. И мы продолжаем ясно понимать, что сирота Революция закована в трюме корабля, который идет все быстрее и быстрее от того, что не имеет никакого курса. Да, это было красивое слово “товарищ”. Как поется в песне “Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем”.”
Ален де Бенуа (“Восемь тезисов о конце коммунизма”)

После конца коммунизма

Последние трансформации, произошедшие с Россией на экономическом, политическом и идеологическом уровне резко изменили всю картину мировой политики, совершенно нарушили более или менее стабильную политическую систему, сложившуюся после Второй Мировой войны. Один из важнейших идеологических результатов “конца пролетарской эры” — это крах всего спектра “левых” идеологий от самых умеренных социал-демократов до коммунистов и левых анархистов. Хотя до полного исчезновения всего “левого блока” из политической жизни западных стран еще должно пройти какое-то время, принципиально это вопрос уже решен. Как бы мы не относились к этому, но политика ближайшего будущего будет находиться в рамках того, что во всем мире принято называть “правой идеологией”.

Поясним, что в современном политологическом словаре термин “правые”, “правая партия” и т.д. означает в первую очередь тот идеологический фланг, который на экономико-социальном уровне твердо и однозначно стоит на позициях “либерализма”, т.е. на позициях идеологии, основанной на абсолютном превосходстве “рыночных” ценностей над “чисто политическими”, на признании “разумного эгоизма индивидуума”, его “стремления к личному благосостоянию” безусловным и высшим критерием. Такое понимание “правых ценностей”, тождественных, в конечном итоге, идеологии “абсолютного либерализма”, чьи принципы были сформулированы еще Локом и Мандевилем, — интеллектуальными отцами современного западного общества,— характерно именно для нашей современной политической ситуации. Естественно, сто лет назад дело обстояло совершенно иначе, и сегодняшние “правые” могли бы быть причислены к стану “левых”. Но как бы то ни было, в современном мире, понятие “правые” прочно отождествилось именно с носителями “рыночной”, капиталистической, антикоммунистической, антисоциалистической и индивидуалистической идеологии, нашедшей свое экономическое воплощение в разработках Фридманна и его группы “Чикаго бойз”. (Заметим, что именно концепции Фридманна были основополагающими для политики Рейгана, Тэтчер и других западных “правых”.)

Конец СССР как планетарного оплота нелиберальных экономики и идеологии принуждает всех политиков мира, желающих остаться в Системе, в истеблишменте и боящихся превратиться в маргиналов, действовать и рассуждать именно в рамках безусловного признания правоты “либеральной доктрины”, “правоты рынка”, правоты и безальтернативности капитализма. Конечно, в границах “право-либеральной” политики существует множество возможных оттенков, нюансов, полутонов, что открывает пути для политической конкуренции, для полемики, для борьбы и дискуссии, но как бы то ни было, отныне всякий политик, который хочет, чтобы к нему отнеслись серьезно, просто не имеет права ставить под сомнение “абсолютную истину” пост-советского мира: “либеральная модель” является единственной, безальтернативной и обязательной моделью социально-политического и экономического устройства общества. Все альтернативные проекты отныне рассматриваются как “аморальные” и “утопичные” химеры, чреватые либо Освенцимом, либо ГУЛАГом.

В данной политической ситуации все с необходимостью становятся "консерваторами", хотя бы в той мере, в какой стремятся сохранить, "законсервировать" сами фундаментальные основы "либеральной модели".

Сегодня ничто так не дискредитировало себя как Революция. Сегодня ничто не смотрится так неуместно и даже непристойно как Красный цвет, цвет Революции. И даже на Зеленый цвет Революции Ислама падают отблески огненных и кровавых полотнищ коммунизма.

Но люди, обладающие глубокой политической и идеологической интуицией, все чаще спрашивают себя, а не кроется ли в этом какой-то гигантский подвох? Не стоит ли за концом коммунизма страшный обман, ведущий вместо подлинной Реставрации Традиции и обращения к почвенным историческим ценностям, к упадку еще более страшному, нежели очевидная сегодня всем несостоятельность "левых" коммунистических режимов? И поразительно, что к "переосмыслению" коммунизма призывают не его традиционные сторонники, а его традиционные противники, критиковавшие коммунистический строй тогда, когда это было далеко не так безопасно. Революция сегодня попирается всеми. Но не есть ли уже сам этот факт достаточным основанием для того, чтобы не доверять банальному мнению толпы? Как говорил Ницше "лучше умереть от жажды, чем утолить ее из источника, где пьет сволочь людская". Не пришло ли время переосмыслить Революцию?

Архетип Революции

Переосмысление самого понятия "Революция" в "правом", "почвенном", "традиционалистском" ключе началось еще задолго до "конца коммунизма". Наиболее полноценным и продуманным вариантом "позитивной Революции" были концепции германских "консервативных революционеров" — Артура Мюллера ван ден Брука, Эрнста Юнгера, Эрнста Никиша, Освальда Шпенглера и т.д. Эти авторы впервые со всей однозначностью показали отличие "простого и инерциального", "реакционного" консерватизма от свежего, юного и активного "революционного консерватизма", "консерватизма", сопряженного с духом Революции. Концепции немецких консервативных революционеров начала-середины 20-го века становятся сегодня как нельзя актуальными. Но все же их идеи были в значительной степени затронуты конкретностью исторического и национального контекста. Нам же важно в первую очередь понять архетипическую структуру Революции как явления, постичь ее парадоксальную и загадочную логику в чистом виде.

Всякая революция коренится в социально-политическом кризисе общества. Всякой революции с необходимостью предшествует период социального разложения, деградации, политической стагнации. Революция совершается только в "дряхлом" обществе, в обществе закостеневшем и потерявшем свою политическую и социальную энергию, свою жизнь. Революция в этимологическом смысле означает дословно "воз-вращение", "обращение" и этот термин предполагает определенную циклическую смену режима. Латинским термином "революция" называют также в романских языках циклическую смену дня и ночи, сезонов, времен года и т.д. Таким образом, революция — это то, что следует за вырождением общества, за периодом социальной смерти, как новая жизнь, как новая энергия, как новое начало. В самом общем смысле энергия Революции — это всегда энергия Жизни, направленная против смерти, энергия Свежести против затхлости, Движения против паралитичности. И даже сама жестокость Революции свидетельствует о ее молодости, о ее прорывающейся сквозь ветхие ограничения и одряхлевшие формы жизни. Так утро жестоко прорывает инерцию ночи, а буйство весны — морозные оковы

зимнего застоя. Как бы то ни было, революции не бывает без кризиса. Она не может возникнуть в здоровом и полноценном обществе. В таком обществе она просто не будет иметь никакого смысла. Все это кажется очевидным и почти банальным, но тем не менее, консерваторы часто забывают эти предельно простые истины, становясь апологетами инерции, чистыми "реакционерами", защитниками и охранителями разложения и стагнации, воспевающими безжизненную стабильность социальной зимы и отвратительную лживость фарисействующего морализма.

Но революционное обнаружение новой социальной энергии сменяется с необходимостью очередным периодом стагнации, очередной осенью, очередной "зимой". Это "предательство революции", "ренегатство" уже по логике своей включено в само понятие "революция", коль скоро этот термин предполагает цикличность и периодичность.

Здесь следует также отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство. По мнению "традиционалистов", то есть людей признающих превосходство Духа над материей, Сакрального над профаническим и т.д., сам процесс циклического развития (и в том числе процесс циклического развития общества) протекает по нисходящей — от Золотого века к Железному, от Земного Рая к Земному Аду. Это — точка зрения всех сакральных и духовных учений, религий, мистических доктрин и т.д. Применительно к обществу это означает, что всякая новая революция в своих последствиях, в своей стагнационной фазе приводит к результатам худшим, нежели предшествующий пред-революционный режим. В этом заключается обратная, теневая сторона Революции, ее негативный аспект. Но строго говоря, разве Революция ответственна за неумолимую логику сакральной истории? Не является ли она в данном случае заложницей более глобальных и более общих законов? И шире, не является ли всякая новая революционная вспышка жизни восстанием не только против старости и сенильности конкретного общества, а протестом против старости и сенильности вообще? Не скрывается ли в каждой конкретной революции отголосок Единой Абсолютной Революции, Великой Революции против "мира сего", против его энтропических законов и мертвых принципов, против его роковой, засасывающей в бездну ледяной стихии?

Архетип Революции в самом чистом виде — это архетип Возврата, возвращения, архетип преодоления инерции цикла. Именно поэтому главное лицо всякой революции — это Сверхчеловек, "смысл земли", героическая персонификация Абсолютного Преодоления, Вечного Возвращения к Вечности, где по выражению Ницше "были окрещены все вещи".

Октябрь как итог истории

Как бы хорошо "консервативные революционеры" ни понимали ритуальную сущность и таинство Революции, они накапливали вместе с историческими революциями и критический опыт. Исторические революции обнаруживали постепенно то, что являлось в них принципиально ущербным, ложным, негативным, упадническим. Революционные идеи становились все более и более дискредитированы пост-революционными периодами, и если для простых консерваторов это служило доказательством несостоятельности Революции самой по себе, то "консервативные революционеры" в этом видели лишь процесс очищения сущности Революции, ее приближение к совершенному и абсолютному Архетипу.

В процессе истории цели революций становились все более и более глобальными, а доктрины освобождались от наносных и второстепенных элементов. Каждая преданная революция порождала новую, но уже более глобальную и более радикальную.

Постепенная деградация человеческого общества парадоксальным образом способствовала очищению революционного идеала. Вопреки поспешной радости “реакционеров” из пепла погасшего костра рождались новые фениксы.

Пролетарская революция, а точнее, весь цикл пролетарских революций, были наиболее глобальным явлением революционного характера. Здесь под вопрос было поставлено все: метафизические и религиозные догмы застойного, фарисейского общества (о котором в Евангелии сказано как об Ангеле Лаодикийской церкви — “ты не холоден и не горяч, но тепл”), основа экономического устройства и само отношение к антропологической проблеме. Пролетарская революция ставила своей задачей построение не только радикального нового общества, но и радикально нового человека, и даже радикально нового космоса. В некотором смысле, пролетарская революция —революция последнего из четырех традиционных сословий —вобрала в себя все революционные мотивы (кастовые, экономические, религиозные и т.д.) предшествующих исторических периодов. Кроме того, национал-социалистическая и фашистская революции, которые также являлись центральными феноменами революционной реальности XX века, также имели ярко выраженный “рабочий”, почти “пролетарский” характер, что нашло свое выражение даже в названии НСДАП, Национал-социалистическая Рабочая (курсив наш — А.Д.) Партия Германии. Коммунизм и фашизм были последним историческим словом Революции, ее синтетическим, наиболее глобальным воплощением, ее апофеозом.

Конец коммунизма, его закат, его вырождение, а затем и его предательство со стороны его советских вождей, в архетипическом смысле означает конец исторических революций. “Гласность” и разоблачения ГУЛАГа поставили последний крест на революционной доктрине. Окончательная дискредитация коммунизма фактически тождественна окончательной дискредитации Революции как идеи. Перестройка — это триумф “консерватизма”, триумф планетарного конформизма, триумф стагнации, триумф “последних людей”, “умеренных эгоистов” из “нового общества потребления”(Г.Фай). Пролетарская революционность была самой революционной из всех. Ее конец, ее потеря, ее продажа нанесла историческому циклу Революции последний удар. “Конец пролетарской эры” — это конец исторической Революции.

Революция против современного мира

Если следовать логике Архетипа Революции, оставаясь верными Жизни и Юности вопреки торжествующей дряхлости победившего “либерализма”, можно сказать, что провал и дискредитация самой глобальной из исторических революций, оставляет открытым только один путь — путь Абсолютной Революции, по ту сторону истории, путь радикальной Революции против Современного Мира в целом, а не против, каких-то отдельных его составляющих.

Мы учитываем критический опыт и отказываемся от “пролетарских” иллюзий. Мы принимаем удар гибели коммунизма и считаем это нашим л и ч н ы м поражением, хотя мы как “консервативные революционеры” всегда были в первых рядах его самых ярых противников. Бесконечная любовь к Революции заставляет нас считать поражение всех ее форм н а ш и м поражением, н а ш е й трагедией, н а ш е й болью.

Но за пределом коммунизма уже встает страшный и грозный лик единственной подлинной Революции, которая должна стать не частным и относительным оживлением ветхого человечества, но подлинным и абсолютным возвратом, Возвратом к Истоку, к Началу, к Источнику Жизни и Света, к Тому, чье “царство не от мира сего”, к Тому, кто “победил смерть”.

Лишь после конца коммунизма впервые Революция получает свое истинное и наиболее глубинное, чисто религиозное значение, так как она становится Революцией против Рока, против Современного Мира, как мира Антихриста, против высшего проявления универсального зла, которое заключается не в том, чтобы быть с л и ш к о м "горячим" или с л и ш к о м "холодным", но в том, чтобы быть с л и ш к о м "теплым" — "теплым" как осторожные и эгоистичные "либералы" "нового общества потребления", как "последние люди".

Сверхчеловек — это главная фигура Революции. Логично предположить, что главной фигурой Абсолютной Революции будет Абсолютный Сверхчеловек, тот, кого Ницше скупо и страшно определил следующими словами "Сверхчеловек — это не человек".

"Теплые" либералы, — еще вчера рьяные конформисты и лакеи на службе самодурского совдеповского режима, а сегодня хулители и гонители Красного Знамени, — "реакционеры", "консерваторы", "правые" справляют сегодня праздник на могиле Октября. Полноте! Конец коммунизма никакой революцией не являлся — червь рока и коррупции скрытно выел в труху горделивую скульптуру Мухиной. После коммунизма пришли "ком-мутанты", несущие в себе тот же унылый тлен разложения, что и упорствующие по инерции и привычке бойцы партийного арьергарда. Вспомните лицо Ельцина: недоумение, уныние, едва скрываемая депрессия. Таких физиономий у революционеров не бывает. Это — маска подкрашенной "ветхости", расплывчатые черты усталости, иногда озаряемые всполохами маниакала. Это — лицо всем нам знакомого партийного зомби, только на сей раз на оживленный коварными колдунами труп напялен либерально-демократический мундир.

Но напрасно сегодняшние "теплые" отождествляют свою импотенцию с крахом Революции, напрасно сладко зевают, наивно полагая, что Система отныне обеспечит им спокойный и комфортный сон. Огонь Революции грядет. Но на сей раз это будет абсолютный Огонь абсолютной Революции.

Режим Огня

Странно слышать, как патриоты рассуждают сегодня о необходимости "спасения страны и народа" и одновременно слезливо вздыхают — кто о "потерянной России", кто о "потерянном Союзе". Странно слышать фразу — "верните нам прошлое" (царское или советское, не важно). Пока основой оппозиции будет настальгия и романтическое нытье — беспалый грифон будет цинично витать над раздавленной и униженной страной, однонаправленно погружающейся в болото безволия и летаргии. Если оппозиция и ностальгия — синонимы, если оппозиция лишь иное выражение общей ветхости, то ей суждено исчезнуть, раствориться в тумане исторической агонии некогда великой нации и некогда великого государства вместе с обреченной шайкой русофобствующих либералов. Что ж, самые последовательные "правые" (сторонники "монархии" и "русского капитализма"), кажется, уже все поняли и логично решили голосовать за Ельцина. Туда и дорога этим тряпичным куклам из гэбэшного "сундука чудес". Паладины "вечного застоя" наконец-то распознали друг друга. Неудивительно также, если Ельцина, в конце концов, поддержат и умеренные, "розовые" социал-демократы. Вся эта контр-революционная сволочь — ни что иное как цепные псы Прошлого.

Будущее у России все же есть. Но тайна его, путь к нему, пароль, для вхождения в него, — это слово "ОГОНЬ".

Каждую весну древние арии, а значит и наши предки, славяне, сжигали соломенную куклу — образ змеевидной темной богини Холода, Кали, хозяйки царства Ветхости. Каждую весну жесткий и беспощадный приговор выносит великое Солнце, наше арийское Солнце, наглой стихии Мирового Льда. В этом — его Праздник, его Революция, его Воскресение, его Торжество вопреки тем, кто поверили, что зима — навечно и смирились с ее законами. Весна — никогда не в Прошлом. Она — в будущем. В прошлом лишь косые лучи бледной осенней немощи.

Если сегодняшняя оппозиция выбирает "настальгию", будущее России, Режим ОГНЯ, режим Революции пожрет и ее. Все ветхое должно уйти, кануть в небытие — таков закон Вечности. Такова воля к Революции. Если оппозиция не примет режима ОГНЯ, если ее главным и основным лозунгом, ее пульсом, ее энергией не станет императив РЕВОЛЮЦИИ, она обнаружит себя не как оппозиция, а как часть прекрасно отлаженной и мертвой Системы.

Выбор режима ОГНЯ выше, чем деление на патриотов и ельцинистов. В этом выборе на весы тайной истории брошено нечто гораздо более значимое, нежели политические пристрастия или идеологические предпочтения. Это — испытание Духом. Для избранных Огонь Прокледней Революции окажется ласкающим, преображающим Светом. Проклятые будут охвачены всполохами черного адского Жара. Но даже если лично нам предназначен негативный исход, все равно мы должны страстно желать ОГНЯ, его очистительной, священной, беспощадной и справедливой стихии. Огонь — это то же самое, что Справедливость, а именно мечту о финальной "Пылающей Справедливости" хотят отнять у России мрачные глашатые Конца Истории.

Режим Огня — это восстание Крови и Почвы против всех структур и всех институтов власти, основанных на договоре, на компромиссе, на правовых абстракциях, не учитывающих глубинного и спонтанного Голоса Нации, императива Русского Пространства. На Революцию никто не даст нам ни разрешения, ни санкций. Никто нас не одобрет за нее и не похвалит. Но внутренний Огонь России, Огонь ее будущего, Огонь прорывающейся из подо льда и сна Вечной Национальной Правды не нуждается в поощрениях и мандатах. Стихия — не депутатский корпус.

Грянет, наступит, заполыхает... Не через века, а завтра. Ну может быть послезавтра. Но не позже. Грядет режим ОГНЯ, век пробужденной для Вечности России.

Наше знамя остается красным!

Вы знаете почему у нас Красное Знамя? Это — цвет нашей и вашей крови, господа либералы. Но это также и цвет Огненного Карающего Меча Господа, приходящего собирать свою последнюю жатву.

Наше Знамя остается Красным, хотя быть может к нему теперь следует добавить белую сферу чистоты наших помыслов и черный знак Великого Полюса, Рая, неподвластного Року и мертвящему дыханию Смерти.

Мы хорошо усвоили пролетарский урок, внимательно вдумались в его смысл. Нет, мы больше не верим в светлое будущее. У нас больше нет иллюзий относительно способности Человека создать нечто великое и справедливое, оставаясь при этом "лишь Человеком". Благодаря предательству Октября мы окончательно убедились в том, что "человек есть нечто, что следует преодолеть". "Человек — это не цель, это лишь путь к Сверхчеловеку".

“По ту сторону Севера, по ту сторону Льда, по ту сторону Сегодняшнего Дня, ПО ТУ СТОРОНУ, наша жизнь, наше счастье.”

(Ф.Ницше).

Нас способна удовлетворить только Вечность, и поэтому **МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, РЕВОЛЮЦИЯ.**